This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

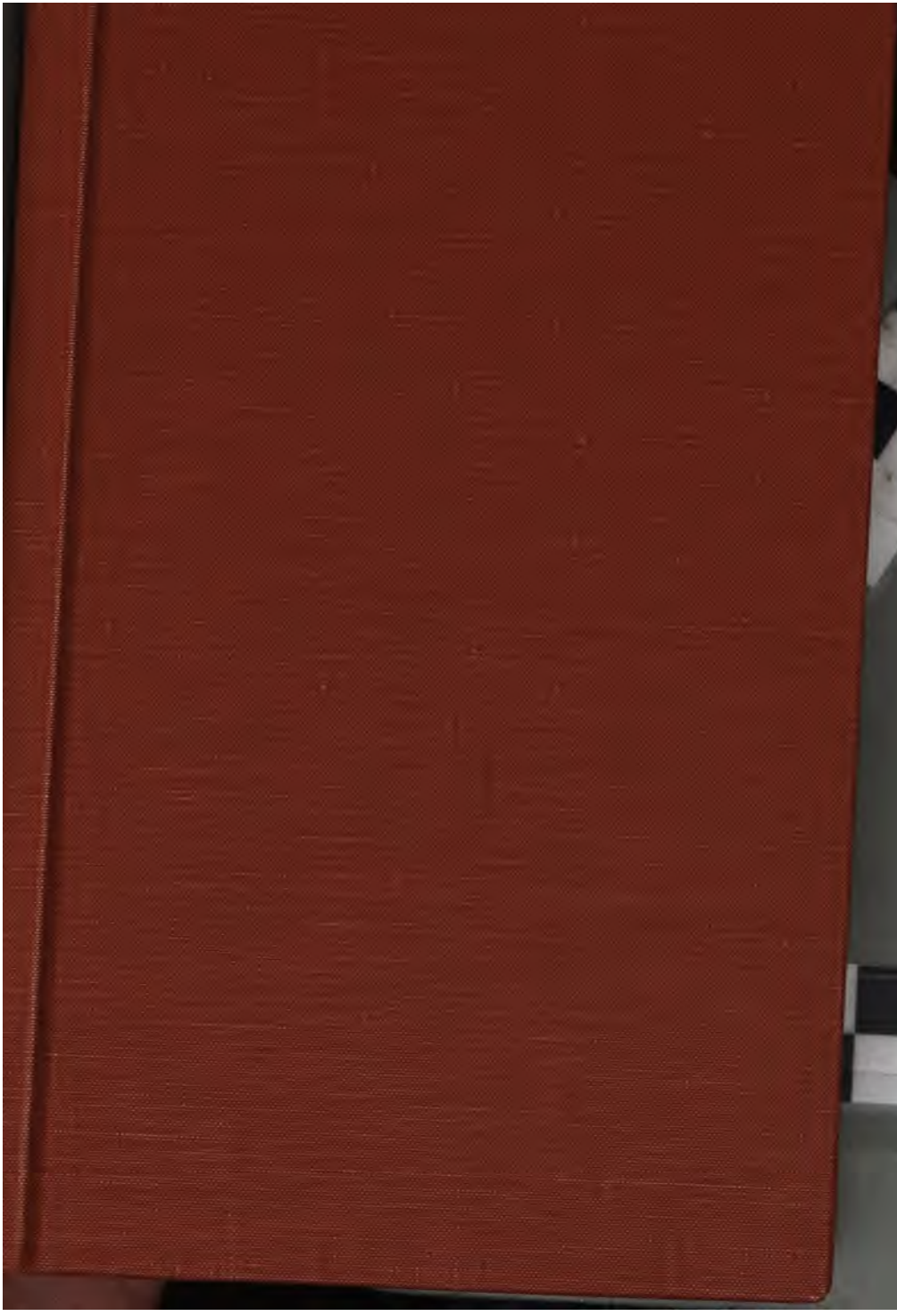
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

РУССКІЕ

ПОВѢСТИ

и

РАЗСКАЗЫ

А. Марлинскаго.

Изданіе третіе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ III. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРІИ.

1838

1838
v. 2

.B45
1838

21196
3-7

ПОЛНОЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. Марлинскаго.

Бестужевъ, Ч. 1

РУССКІЕ

ПОВѢСТИ

и

РАЗСКАЗЫ

А. Марлинскаго.

Изданіе третіе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ III. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРІИ.

1838.

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ II.

V. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 13 Апрѣля 1838 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

НАѢЗДЫ,

ПОВѢСТЬ 1613 ГОДА.

Посвящена Ивану Петровичу Жукову.

9985.1
Ya
21196
57

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ II.

V. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 13 Апрѣля 1838 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

НАѢЗДЫ,

ПОВѢСТЬ 1613 ГОДА.

Посвящена Ивану Петровичу Жукову.

ГЛАВА I.

Въ полѣ витязь удалой!
Жеребецъ играетъ лютый:
Съ петерпѣнья соколъ твои
Рветъ серебряныя путы.
Рѣетъ лань въ тѣни елей:
Смычь собакъ, сѣдлай коней

На правомъ берегу Великой, выше замка Опочки, толпа охотниковъ расположилась на отдыхъ. Вечерѣющій день раскидывалъ шатромъ тѣни дубравы, и поляна благоухала недавно скошеннымъ сѣномъ, хотя это было уже въ исходѣ августа: смутное положеніе Руси нарушало тогда порядокъ всѣхъ работъ сельскихъ. Стреноженные кони, помахивая гривами и хвостами отъ удовольствія, паслись благопріобрѣтеннымъ сѣнцомъ, но они были не разсѣдланы и, кажется, не столько для предосторожности отъ запалу, какъ изъ бо-

зии нападенія со стороны Литвы. Въ торокахъ, на нѣкоторыхъ, висѣли зайцы, лисицы, куропатки, цапли — знакъ удачной охоты и съ тѣмъ вмѣстѣ доказательство, что поѣздъ остановился тутъ не почлегомъ. Иные охотники кормили соколовъ, посвистывая и взбрасывая ихъ на воздухъ при каждомъ кусочкѣ; другіе снимали кожу съ затравленныхъ звѣрковъ, но большая часть лежала или сидѣла у каждаго огня, между тѣмъ какъ собаки, сомкнутыя и сосворенныя по-двойно, голоднымъ тономъ затягивали нѣсню нетерпѣнія, которая заключалась обыкновенно громкимъ ударомъ арапника. Народу было болѣе сотни, но по осанкѣ и одеждѣ, равно какъ на самомъ дѣлѣ, толпа дѣлилась на два особые круга. Всѣ первые были въ одинаковыхъ баранныхъ шапкахъ, съ краснымъ верхомъ, и почти въ однообразныхъ полукафтаньяхъ. Черезъ плечо у каждаго висѣлъ рогъ съ порохомъ и лядунка для пуль. Самопалы ихъ съ конейцами, вмѣсто сошекъ, составлены были въ козлы, съ напитыми на приклады фитилями. Между ними замѣтно было болѣе порядка, болѣе важности: они съ нѣкоторою гордостію посматривали на своихъ спутниковъ, — это

Другая половина отличалась пестротой нарядовъ и разгульными ухватками — то была дворня: конюшенные, сокольники, ловчіе псари, челядинцы — кто въ казацкой курткѣ, кто въ Татарскомъ бешметѣ, кто въ Польскомъ контушѣ, кто въ Русскомъ лѣтникѣ — въ обноскахъ разныхъ господъ и разныхъ поръ: живая лѣтопись мнѣній и сторонъ, къ коимъ попеременно приставали бояре. Они толпились, бродили кругомъ, шумѣли, спорили, заигрывали другъ съ другомъ, между тѣмъ, какъ настоящіе слуги чинно укладывали кушанья на блюда, принимая ихъ отъ приспѣшниковъ, и носили къ двумъ боярамъ, которые ужинали на раскинутомъ подъ березою коврѣ. Браная, т. е. расшитая шелками и унизанная мелкимъ жемчугомъ по краямъ скатерть, лежала между ними и на ней серебряныя ложки, такая же солонка, очень хитро сдѣланная уточкой, да фляга и перечница — необходимое условіе старинныхъ обѣдовъ. Одинъ изъ нихъ казался очень молодъ; румяное, открытое лице его выражало вмѣстѣ добродушіе и откровенность; но черныя, сверкающія очи обличали пылкія страсти, уста смыкались порой насмѣшливою улыбкою, и высокія брови выражали привычку власти и отваги. Другой былъ лѣтъ за тридцать слиш-

комъ, необыкновенно дороденъ и веселаго лица. Онъ ѣлъ и пилъ, и говорилъ неутомимо; рушилъ дичину, подливалъ вина, подчивалъ и хозяйничалъ, не забывая себя.

— Здоровье Царскаго Величества, нашего новаго Государя Михаила Ѳедоровича! молвилъ онъ, поднимая кубокъ выше головы.

— Много лѣтъ благоденствовать! сказалъ молодой боярин — и оба выпили духомъ.

— Хорошо вино, хорошо и заздравье, прибавилъ послѣдній: имя добраго царя не помрачится въ горлѣ. Не то было при Иванѣ Васильевичѣ, когда наши старики глотали малвазію за столомъ государевымъ, морщась, будто съ горькой полыни, и здравствовали ему, щупая, тутъ ли уши!

— Да, да, произнесъ первый, я самъ видѣлъ своего роденьку, боярина Титова, надъ которымъ наполилъ подшутить Грозный за обѣдомъ: окарналъ ему ухо собственною рукою. Сказываютъ, что Титовъ билъ челомъ за милость, за царское пожалованье; только между своими онъ пѣлъ другую пѣсню, такъ что братья затыкали уши и запирали со страху ставни.

— Не держали ставни и запоры отъ слова и дѣла, да проклятой опричины: тогда былъ бы *языкъ* — *отвѣта* пыткой добьются. Пом-

ню я, дядя Огаревъ, какъ меня бывало ребенкомъ пугивали: не плачь, Степанъ — опричникъ съѣстъ! И они вправѣ были людоѣды по звѣрской душѣ своей. Народъ, какъ дождь, разсыпался, завидя черную тафью, и купцы покидали незапертыя лавки. Какъ ты ни лакомъ, дядя Наумъ, до заздравной чары, а и у тебя, чай, отпала бы охота съ нею миловаться, видя, какъ жарятъ товарищей на угольяхъ, или пускаютъ въ народъ медвѣдей для потѣхи, середи Кремля бѣлокаменнаго.

— Иное время, иное бремя, князь Степанъ. Грозный отбилъ власть у хановъ, и цѣликомъ переложилъ ее на насъ со всею Татарщиною. Онъ былъ злой человѣкъ, прости Господь его душу, а умный царь: Москва дрожала, князья и бояре ползали въ униженіи; за то сосѣди уважали насъ, и Русь была тиха!

— О! ниже травы и тише воды, тише степной могилы послѣ Батыева нашествія! Куда велика радость Русскому, что сосѣди ему кланялись, когда всякой опричникъ топталъ его подъ ноги; когда доброе имя и добромъ нажитое имѣніе зависѣло отъ перваго доносчика; когда душа въ тѣлѣ и жена въ постели принадлежали слугамъ дворскимъ! Желаю

знать, утѣшна ль бы была сорока тысячамъ Новгородцевъ, умирающихъ подъ долбнею, старая погудка, что это побоище будетъ ни вѣсть какъ полезно ихъ внукамъ?

— Дѣло ужасное: грѣхъ и вспоминать, не то что оправдывать; а все таки царь Иванъ Русской кровью спаялъ Русское царство.»

— Скажи лучше: — онъ сломалъ стрѣлы, желая черезъ чуръ крѣпко связать ихъ! Еслибъ не сильная рука Борися — наша Русь прежде Самозванцевъ распалась бы, какъ бочка безъ обручей. Чуть не стало его, набѣжало царей дюжинами — и давай играть короною, какъ мячемъ. Кто присягнетъ Тушинскому вору, кто кричитъ: подавай намъ Шведскаго королевича; тѣ зовутъ Владислава, — другіе ждутъ самого Жигимонта — а все помня царя Ивана — онъ набилъ всѣмъ оскомину. Счастье наше, что у всѣхъ Русскихъ одинъ языкъ, одна вѣра православная! . . . долго у насъ не было головы — но всегда было сердце — и въ немъ любовь къ отечеству: она-то побѣдила искусство и силу и храбрость непріятелей — слава богу и князю Пожарскому! Теперь ужъ не станутъ враги издѣваться середи нашей столицы, не станутъ гости хозяйничать — теперь мы избрали себѣ царя по мыслямъ и купцу, и черницу, и доброму мо-

лодцу. Да здравствуетъ родъ Романовыхъ в[illegible] годы годовъ и въ роды родовъ!

— Да здравствуетъ въ честномъ мирѣ и п[illegible] ратномъ пирѣ!

— Увидишь самъ, дядя Огаревъ, что царь [illegible] Михаилъ спеленаетъ Русь любовью гораздо [illegible] крѣпче, нежели Грозный страхами.

— Говорятъ, молодой царь — такой добрый [illegible] привѣтливый!

— Спроси у меня — что твое солнышко? Бывало безъ аршинной бороды и не выгля[illegible] дывай изъ-за думныхъ бояръ, а теперь госу[illegible] дарь всякому найдетъ словечко: старому [illegible] малому — а говоритъ, словно райской пти[illegible] цой поетъ. Когда выѣдетъ въ Успенскій со[illegible] боръ верхомъ къ обѣдни, такъ народу, на[illegible] роду — яблоку негдѣ упасть — а всѣ тол[illegible] пятся у стремени — всѣмъ онъ доступенъ и [illegible] милостивъ, кланяется на обѣ стороны, ро[illegible] нялъ слова ласковыя, разсыпаетъ милости[illegible] нію, обѣщаетъ каждому судъ и правду. Ну, право, онъ будто съ неба сошелъ примирить всѣ стороны и залечить всѣ раны.

— Дай Богъ, дай Богъ успѣху! пора отдохнуть Святой Руси — только она, словно море послѣ бури, бушуетъ при берегахъ своихъ, хотя вихорь замолкъ посредиѣ. Поляки еще въ Смоленскѣ.

— Мы ихъ выгонимъ.

— Горнъ и де ла Гардій держатъ Новгородъ.

— Мы его выкупимъ.

— Легко сказать, князь Степанъ: наша родина истощена золотомъ и людьми, а Поляки и Шведы не дорожатъ грабленнымъ, и вербуютъ въ свои полки всякую сволочь: противъ насъ Венгерцы, противъ насъ Шотландцы и всякая Чудь бѣлоглазая; а когда дѣло дойдетъ до грабежа, то Свейцы и Литовцы стоятъ за одно. Глядишь, бьютъ со всѣхъ сторонъ, а помоги ни откуда; я радехонекъ, что тебя прислали на смѣну, а то ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ. Набѣги на окрестности безпрестанные и отъ Польскихъ и отъ Нѣмецкихъ дворянъ . . . да и пусть бы ужъ драться не драться — съ воинами, а то все налеты, либо разбойники — не изъ чего рукъ марать: славы и добычи ни блестки.

— Гдѣ опастности, тамъ и слава. На Москвѣ не надивятся, какъ ты здѣсь держишься до сихъ поръ, когда самъ Псковъ въ осадѣ.

— Я какъ бѣльмо на глазу и Нѣмцамъ, и Шведамъ, и Литвѣ — да крѣпостца-то на острову, стрѣльцы удалые — никто и не суется. Гдѣ добыча одно желѣзо, туда мало охотниковъ. Да что толковать тебѣ о здѣшней сто-

рой и послужишь — все упасешь. Разскажи-ка лучше, что слышно про митрополита Ростовскаго Филарета, отца государева?

— Ждуть въ Москву. Съ вѣстью объ избраніи послань къ Жигимонту дворянинъ Оладьинъ: надѣются, что король согласится на размѣнъ или выкупъ и на мирныя предложенія.

— Хорошо, когда бъ твоими устами да медъ пить. Я думаю, наши братья гуляки, чтобы понравиться царской матери инокинѣ, теперь стеченничають, ханжать?

— Всего есть довольно. Я бы совѣтовалъ тебѣ, дядя Наумъ, оставить здѣсь половину дородства, чтобы твой растянутый кушакъ и клюковныя щеки не были укоризною нашимъ великопостнымъ лицамъ, которыя ужъ ни опять, ни вари собираются къ заутрени въ Архангельскій монастырь, вслухъ молиться Богу, чтобы люди ихъ слышали. Впрочемъ молодой царь хорошо знаетъ, что прилично красному каблуку, что черному клобуку, и хоть прежнія попойки перенеслись въ бесѣдахъ палатныхъ, однако онъ не прочь отъ скромнаго веселья.

— Только бояре до него не охотники . . . неправда ли? да и тебя, князь, калачемъ бы оттуда не выманили, если бъ при дворѣ бы-

ло очень весело: мы привыкли къ шуму и раздолью военному — нечего грѣха таить — мѣрный кубокъ не для нашихъ губокъ!

— Чуть, чуть не правда: мнѣ наскучила однообразная жизнь дворцовская, наскучило не имѣть досуга, не имѣя дѣла; перелетная палатка мнѣ краше Грановитой палаты. При томъ же позвонки окрѣпли подъ латами — а тамъ надо имъ гнуться; надо, братъ, увиваться около пятаго, десятаго.

— Къ слову стало, князь, кто любимецъ у молодаго царя? вѣдь нельзя же безъ этого.

— То-то и бѣда царская! возьметъ любимца, какъ тросточку для забавы — посмотришь — онъ станетъ клюкою, такъ, что безъ него ни на шагъ. До сихъ поръ на царя нечего грѣшить — глядитъ своими очами, слышитъ своимъ ухомъ — но, кажется, въ это ухо Салтыковъ золотою серьгою вдѣвается; онъ недаромъ ко всѣмъ лиситъ, передъ всѣми поклонничаетъ. Впрочемъ, это одни догадки.

— Для меня бы это все было загадками; спасибо, князь, что надоумилъ. Тому, кто ѣдетъ изъ стана въ царскія палаты, надо знать, гдѣ востокъ и гдѣ сѣверъ, чтобы не заблудиться и не простудиться; надо провѣдать, гдѣ живетъ Яга-баба, гдѣ ростутъ золотыя яблоки, гдѣ бьютъ ключи живой воды.

У двора и поклоны въ счетъ, и слова и вѣсъ кладутъ, когда мы не думаемъ считать и раны, ни ударовъ. Какъ ни вертись, а пріѣдетъ, братъ, съ соловьями пѣть по соловьиному!

— Предсказываю тебѣ, дядя Наумъ, что ты будешь плохой пѣвчій; наше дѣло по волчьи — такъ дадимъ себя знать.

— И радъ не радъ, князь Степанъ, а отцовская воля гонитъ съ поля; пишетъ и наказываетъ: «я-де старъ, хочу при себѣ построить тебя, хочу передъ гробовой доской порадоваться, что и ты взысканъ царскою милостію.» — Надо потѣшить старика . . . притомъ же и своя служба затеривается. Самъ ты знаешь, умная твоя голова, кто при свѣтлыхъ очахъ бьетъ мухъ, тотъ почтеніе того кто заочно бьетъ непріятелей — и я хоть осмью годами старѣе тебя въ свѣтѣ и въ службѣ — а такой же Стрѣлецкій голова, хоть въ этомъ краю мы не сидѣли сложа руки. Вотъ ужъ четыре года, какъ я не слѣзалъ почти съ копя боеваго, и какъ труженикъ сплю въ желѣзной рубашкѣ, то подъ Новгородомъ, то подъ Псковомъ или Изборскомъ, отражая и сторожа, убѣгая иль нападая, хоть не всегда съ удачей, за то никогда съ безславіемъ.

— А то, что моя служба на лицо и на лицѣ — этотъ рубецъ на лбу, мѣсто печати ей . . . а государева жалованья не получалъ два года — вѣдь и саблю послѣ битвы точатъ съ масломъ — надо же и воину какое нибудь ободренье.

— Понимаю, пріятель, понимаю . . . охота покормиться на воеводство, въ теплое мѣстечко, хоть и въ холодный край. Дѣльно, дядя Наумъ . . . семь-ка выпьемъ здоровье будущаго Тобольскаго воеводы!

— А чѣмъ бы я не воевода, напримѣръ, такъ сказать? Право, изъ рукъ не вывернется перо и съ плеча не свалится соболья шуба. Была бы булава — будетъ голова: власть дѣло великое.

— Не сманя ты и меня въ воеводы! . . . правда, зариться-то не на что: Казаки, Поляки, друзья и недруги такъ очистили матушку Русь отъ моря до моря, что послѣ нихъ воеводѣ прійдется развѣ подбирать терпныя подковы, а то ужъ не только въ сундукахъ — да и въ рѣкахъ и въ лѣсахъ они за пять лѣтъ впередъ взяли оброки. Да не въ томъ сила, дядя Наумъ — ты мѣтишь въ воеводы — съ Богомъ; только мнѣ сдается, что судейскій столъ не сивка-бурка, про которую въ сказкѣ

сказывают: «въ одно ухо влѣзешь дуракомъ — а изъ другаго выйдешь умникомъ.

— Святъ, да не искусенъ, князь Степанъ: я не говорю, что отъ важности станешь разумнѣе, а только разумнѣе покажешься. Если у двора скажутъ: «то-то дѣлецъ!» такъ во всей Москвѣ цѣлую недѣлю будутъ звонить про мое умѣнье. У меня тоже не безъ родныхъ, не безъ милостивцевъ, чтобы въ случаѣ покрыть промашку или пуще меду вспѣнить удачу. Ты, кажется, говорилъ, что крестовой мой братъ, Акиноій Семеновичъ — пожалованъ крайчимъ?

— Говорилъ, и повторялъ, и пересказывалъ, кто спальники и постельники, кто стольники и сокольники; начиная съ главнаго конюшаго до послѣдняго ясельничаго, перебралъ я тебѣ ближнихъ и думныхъ бояръ съ путемъ и насъ, безпутныхъ дѣтокъ ихъ — и все это мнѣ такъ надоѣло, что я на цѣлый день прошу отдыху. Изволь-ка теперь отвѣчать на мои вопросы: во-первыхъ, есть ли здѣсь въ округѣ красавицы? Отчизна Ольги искони славилась ими . . .

— Если бъ ты спросилъ, есть ли здѣсь медвѣди, я бы зналъ, какъ отвѣчать тебѣ: мнѣ свѣдомы на перечетъ всѣ лисьи норки и заячьи тропы за сто верстъ въ окрестности. Кра-

сный звѣрь — наше дѣло, а за красными дѣвушками некогда ухаживать. Чуть свободный часокъ отъ службы или отъ битвы — я разомъ въ отъѣзжее поле — ты видѣлъ, каковы у меня борзыя! Вотъ этотъ звѣрокъ, напримѣръ, въ жизнь не скакалъ на другую угонку — лишь бы завидѣлъ косова — какъ свѣчка загорится — не успѣешь тороковъ распутать. А вотъ съ тѣмъ половымъ, что съ подпалинами, въ одиночку волка струню, разъ, два — да и объ земь! Про гончихъ и говорить нечего — что твоя музыка, когда по горячему зальются; — прошлую осень предъ самымъ Покровомъ . . .

— Ради Покрова, помилуй, дядя Наумъ! полно охотиться по полю, а ты пускаешь стаю по скатерти.

— Какъ тебѣ угодно, князь, только мнѣ веселѣе вспоминать, какъ я гонялъ, нежели какъ меня гоняли: небольно счастливъ я былъ въ задушевныхъ проказахъ, и если, глядя на другихъ, дурачился при Самозванцѣ, когда было раздолье молодежи, такъ это болѣе отъ шалости, чѣмъ по склонности.

— Не тѣмъ ты глядишь, дядя Наумъ, чтобы очи съ поволокою и лебедина грудь не *разогрѣли въ тебѣ* ретиваго!

— Моя милая, неразлучная — эта фляга. У меня сердце прыгаетъ, когда я ласкаю любезную ея шейку — а поцѣлуюсь съ ней — искры изъ глазъ сыплются. Не хочешь ли перемолвить, князь, съ роденькою — вѣдь вы оба *серебряные!* Въ ней же сегодня заморской умъ . . .

— Этотъ гость хозяина вонъ выживаетъ . . . у меня и то[illegible]я.

— Пусто[illegible]й посмѣлѣй — умъ хорошо, [illegible]

[illegible]окаются и пьютъ.)

— Все [illegible]ко до тебя, дядя, не доѣдеш[illegible]и: помнишь ли ты Вариньку [illegible] самую дѣвушку, лѣтъ четырнадц[illegible]орую не разъ любовались мы въ царскихъ сѣняхъ, когда тетка ея, княгиня Татева, пріѣзжала на поклонъ къ Маринѣ?

— Кажется, помню . . . мы впрочемъ глазѣли тогда на всѣхъ пригоженькихъ, рады, что по новому обычаю онѣ стали ѣздить во дворецъ безъ фаты, — ну да что же изъ этого?

— То, что у меня сердце памятнѣе твоихъ глазъ. Ты знаешь, что сдружась съ Поляками, я былъ принятъ хорошо даже у царицы, а княгиня, не помня души въ своей племян-

ницѣ, вездѣ таскала ее съ собою. Это дало мнѣ случай познакомиться съ ней покороче — словомъ сказать, дѣвушка мнѣ крѣпко приглянулась. Вотъ, сударь, настала и суматоха, и мы давай расчитываться за хлѣбъ за соль съ гостями незваными, давай рѣзаться съ недавними друзьями — и по дѣломъ. Я былъ сперва подъ знаменами героя Шуйскаго-Скопина на сѣверѣ, а потомъ когда онъ умеръ, когда Семибоярщина сверзила и постригла царя Василія — съ разными налетами, въ теченіе трехъ лѣтъ не сходилъ съ поля, сражался то противъ Самозванцевъ, то противъ Запорожцевъ, то противъ Поляковъ — и разумѣется, мнѣ въ тѣ поры некогда было думать о невѣстѣ. Но когда подъ рукою Пожарскаго мы прижали въ Кремлѣ Струса и справили знатные проводы Жолкевскому, когда побѣдителями воротились въ домы, грусть меня взяла пуще прежняго: днемъ и ночью все она, да она передъ глазами; я ходилъ самъ не свой, будто потерялъ что драгоцѣнное — и что жъ узнаю? Княгиня Татева умерла, а мать увезла Варинъку во Псковскія свои вотчины. Въ это время пришла твоя челобитная объ увольненіи; — трехлѣтняя разлука меня истомила — и я рѣшился. Прошусь на твое мѣсто осаднымъ стрѣлецкимъ

головою въ Опочку, и назначенный, скачу сюда сломя голову.

— Чтобы найти свой кладъ похищеннымъ... дворянка Варвара Васильчикова; два года какъ увезена Литовцами.

— Увезена! вскричалъ князь Серебряный, пылая гнѣвомъ, увезена — и ты, воинный начальникъ здѣсь, не заставилъ возвратить добычи, не искалъ, не отбилъ ея? Русскую дворянку выкрали изъ-подъ твоихъ пушекъ, и ты говоришь о томъ, какъ о проданной курицѣ, между тѣмъ, если бы у тебя отбили бочонокъ съ фряжскимъ виномъ, ты бы весь край поднялъ на царя. Это непростительная безпечность, это стыдъ имени Русскому!

— Все ли ты кончилъ? хладнокровно спросилъ Агаревъ, расправляя усы свои и барабаня пальцами по донушку опрокинутой стопы.

— Я бы не кончилъ до воздвиженья когда бы упреки мои могли быть также черны, какъ твоя лѣность.

— И если бъ слова помогали чему нибудъ! Садись, Степанъ Владиміровичъ — и выслушай терпѣливо. Вотчины Васильчиковой лежатъ подъ Изборскомъ. Пріѣздъ въ нихъ богатой барыни изъ Москвы, скоро сталъ извѣстенъ всѣмъ окольнымъ разбойникамъ, но

многолюдная дворня пугала ихъ. Наконецъ, два года тому назадъ, предмѣстникъ мой былъ убитъ въ стычкѣ съ Нѣмцами, и шляхтичъ панъ Жегота, вахмистръ Панцерниковъ, недалеко за Великою живущій, воспользовался безначаліемъ, вкрался ночью далеко въ наши границы, и съ шайкою своею напалъ на домъ вдовы Васильчиковой, разграбилъ его, перебилъ людей, и пять дѣвушекъ, въ томъ числѣ и боярскую дочь, увезъ съ собою. Что я за ними не гнался, это весьма естественно — меня еще тогда здѣсь не было, а въ послѣдствіи и безъ того дѣла была довольно.

— Но что же думали ея родные, кровные? они могли бы ее выкупить золотомъ, если не желѣзомъ?

— Вѣстимо такъ, да дядюшка ея, князь Татевъ, опекунъ ея маленькаго брата, прижался, да и знать ничего не хочетъ, а мать вскорѣ умерла съ печали. За сироту некому вступиться.

— Подлыя души! — Но гдѣ жъ томится плѣнница?

— Никто наѣрно не знаетъ. Говорили, что разбойникъ, который увезъ ее, держитъ ее въ заперти . . . Впрочемъ подобные случаи здѣсь не рѣдкость, такъ молва перенала, и Варвара какъ въ воду канула!

— Хотя бы на дно моря — я и тамъ отыщу эту жемчужину. Разбойникъ Жегота близко живетъ, говоришь ты?

— Верстъ пятнадцать отсюда; онъ преотчаянная башка и не разъ уже угонялъ наши стада изъ-подъ самыхъ стѣнъ замка, и хотя мы не оставались въ долгу, но увертливое животное до сихъ поръ не попался въ петлю, которую поклялся я ему пожаловать.

— Вотъ тебѣ моя рука, что этому коршуну не долго летать по волѣ. Трубачъ! тревогу! . . .

— Что ты хочешь дѣлать, князь Степанъ? вскричалъ изумленный Агаревъ, между тѣмъ какъ трубные перекаты раздавались въ окрестности и стрѣльцы опрометью кидались къ конямъ, уздали ихъ, зажигали фитили . . . Все мигомъ было готово, и дворня, и охота, и дружина стрѣлецкая. Князь молчалъ, но очи его сверкали, ноздри вздувались и рука нетерпѣливо сжимала рукоять кинжала.

— Что ты хочешь дѣлать? повторилъ Агаревъ.

— Что велитъ честь и сердце Русское: заплатить набздомъ за набзды и вырвать плѣнницу изъ неволи. Пусть знаютъ эти панцерники, что поный голова не дастъ имъ солить

впрокъ Русскихъ барановъ, не только что торговать красавицами!

— Вспомни, князь, что ты самъ привезъ царское повелѣніе — не начинать безъ причины нападеній, чтобы не помѣшать переговорамъ о мирѣ.

— Миръ заключаютъ не съ разбойниками.

— Но ты вторгнешься въ Польскую землю.

— Земля Божья, и Русскіе не отказались еще отъ края, который въ старину принадлежалъ имъ.

— Не лучше ли подождать немного? Намъ нельзя подать списки захваченнымъ въ плѣнъ, и вѣрно ихъ вытребуютъ отъ короля.

— Знаю я, какъ слушаютъ паны своего короля и сената. Стану я перебирать день за днемъ, словно четки, или отбивать копья перьями! Князь Серебряный булатомъ добудетъ правды.

— Либо рухнетъ въ опалу. Подумай, князь!

— Бояринъ Наумъ Петровичъ — я не зову съ собою робкихъ! Ты сдалъ мнѣ начальство — теперь не твоя, — моя голова въ отвѣтѣ.

— Никто не отнимаетъ у тебя ни воли, ни власти, князь Степанъ, и ты обижаешь меня, стараго своего друга, думая что я удерживаю тебя изъ трусости. Когда ты рѣшился — я не отстану отъ тебя — пускай окольничіе разби-

рають, что право, что неправо — наше дѣло: руби да и только. Я докажу тебѣ, что мои стрѣльцы — удальцы на эту работу: закабалю бѣсъ мою душу, если я давалъ ржавѣть ихъ клинкамъ.

Друзья обнялись. Князь послалъ гонца къ старшему сотнику съ наказомъ принять начальство. Изъ с[illegible] набрали только молодцевъ и хор[illegible]ныхъ — остальную дворню и[illegible]и въ Опочку.

— На коне[illegible] князь Серебряной: товарищ[illegible] на Литву! — Съ этимъ словом[illegible] колѣнами пылкаго коня своего [illegible]нулъ въ Великую. Стрѣльцы, пы[illegible]ежали въ разныхъ мѣстахъ, и радос[illegible]и: — на Литву, на Литву! далеко раздавались по лѣсистымъ берегамъ рѣки пустынной. Солнце садилось.

ГЛАВА II.

Однажды по ночи глубокой
Мы слышимъ воющій набатъ:
Вдали стенанья, вопль жестокой
И тучи заревомъ горятъ....
« Къ конямъ, сѣдлай, безцѣнно время,
« На поясъ мечъ, и ногу въ стремя!...

Ночь была темная; дорога лѣсомъ дремучимъ. Проводникъ ѣхалъ впереди по излучистой тропинкѣ; за нимъ начальники, за ними по двое стрѣльцы тихо, безмолвно. Изрѣдка слышалось храпѣніе коня, или брякъ узды, или ударъ подковы въ подкову. Повременно вожатый останавливался, и тогда дремлющіе всадники наталкивались другъ на друга. Онъ прислушивался, иногда припадалъ ухомъ къ землѣ, потомъ снова вскакивалъ на коня, и поѣздъ опять трогался далѣе.

— Близко ли? спросилъ князь у проводника, въ полголоса.

— Вотъ изгорода, отвѣчалъ тотъ: вели, батюшка князь, изготовиться къ дѣлу: неровенъ случай, всполошатся раньше времени, а вѣдь эти головорѣзы съ лезвея берутъ и только съ лезвея уступаютъ добычу!

— Рѣшительный часъ близокъ, сказалъ князь, подъѣхавъ къ Агареву — сердце у меня будто хочетъ выпрянуть изъ груди: можетъ быть, это передъ свиданіемъ съ милою!

— Либо съ могилою, возразилъ Агаревъ. Ну, что жъ вы стали? собаки скоро насъ пронюхаютъ. Надо обойти селенье.

Тутъ онъ отсчиталъ самыхъ отчаянныхъ въ середину, назначилъ, кому напасть съ улицы, кому отрѣзать конское стадо.

— Панъ Зеленскій, сказалъ своему стремянному князь, этотъ стрѣлецъ проводитъ тебя къ дому Жеготы; ты перелѣзешь съ огорода и осмотришь, что тамъ дѣлается, между тѣмъ какъ товарищъ твой отвлечетъ собакъ къ воротамъ.

— Видно, что былъ въ наукѣ у лисовчиковъ, ворчалъ Агаревъ.

— Да, братъ, ведя четыре года паѣздническую войну противъ разбойниковъ, по неволѣ научился разнымъ хитростямъ, чтобы не

— Да замѣть, гдѣ висять оружія, панъ Зеленскій, примолвилъ Агаревъ, и нѣтъ ли куда боковыхъ выходовъ? Надобно, какъ шапкой накрыть это ястребиное гнѣздо, а то, говорятъ, у нихъ есть подпольныя норы — живомъ дадутъ стрѣчка.

— Будетъ все исполнено, отвѣчалъ стремянной, надѣвая шапку; я привыкъ лазить по стѣнамъ не хуже кошки, и вижу ночью, какъ рысь.

— Что это за выходецъ? спросилъ Агаревъ Серебрянаго, когда Зеленскій удалился.

— Польской шляхтичъ — служитъ у меня стремяннымъ.

— И ты довѣряешься ему въ Польской землѣ?

— Для него Польша теперь не отчизна: онъ служилъ шереговымъ подъ начальствомъ полковника Лисовскаго, и бушуя пьяный, дерзнулъ выхватить противъ него саблю. Лисовскій, какъ ты знаешь, не охотникъ до шутокъ— и виноватаго ждала петля, вмѣсто похмельнаго стакана; онъ бѣжалъ и явился ко мнѣ, прося защиты. Это было подъ Троицею, и съ тѣхъ поръ онъ служитъ мнѣ очень вѣрно: я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ его преданности. Малой расторопной и всѣмъ хорошъ, только чуть попало за ухо — такъ чортъ ему не брат— Постой, кажется, это выстрѣлъ!

— Нѣтъ, только собаки возрились. Ого, ужъ приступомъ лаютъ; теперь и намъ пора поближе.

— Отдайте коней въ заводъ: мы пѣшкомъ проберемся вслѣдъ Зеленскаго; тамъ главная засада, тамъ и лучшая добыча! Впередъ, товарищи . . . да тише тѣни!

Зеленскій взлѣзъ на высокій плетень подлѣ самой хаты Жеготы, и взоры его упали прямо въ растворенное окно. При тускломъ свѣтѣ одной свѣчи лишь до половины видна была внутренность комнаты. Стѣны увѣшаны были звѣриными шкурами и оружіемъ, полъ усыпанъ болотною травою. Въ одномъ углу рослой молодой мужчина чистилъ пистолетъ. У стола старуха показывала жиду, передъ ней стоящему, разныя золотыя украшенія, на которыя жадно смотрѣлъ онъ, потряхивая пейсками. Въ другомъ углу, подлѣ высокой изразцовой печи, сидѣла статная женщина въ Русскомъ сарафанѣ и горько плакала, закрывъ лицо руками. На нее никто не обращалъ вниманія.

— Але сто тридцать злотыхъ будетъ досыць, пани охмистрина, за эти серьги, говорилъ жидъ, играя передъ свѣчкой широкими

подвѣсками. — Вода въ жемчугахъ мутновата!

— Глаза у тебя мутны, Христопродавецъ! отвѣчала старуха, да эдакихъ перловъ сама пани воеводина во снѣ не видала. Навѣсь эти серьги хоть на моську, такъ на ся уши станутъ заглядываться пуще, нежели на хваленые глазки пани Завиши. А что бы, напримѣръ, ты цѣнилъ это ожерелье, рѣшетная совѣсть? Говори, не запинайся.

— А стось — оно бы недурно, да передѣлки много; иной камень лопнетъ, оправка угорѣть — такихъ подвѣсокъ ужъ давно не носятъ вельможныя паненки.

— Куда больно спѣсивы твои паненки! Да знаешь ли ты, что это ожерелье было на окладѣ у Преспятой Екатерины Мученицы подъ Изборскомъ — такъ послѣ нея не стыдно и старостинѣ надѣть. Видно, Лейба, не пивать съ тобой литокъ! ко мнѣ обѣщалъ быть Іоссель съ Рижской ярманки, такъ съ нимъ мы скорѣе сдѣлаемся: навезетъ всякой всячины: инда глаза разбѣгутся. Деньги на безмѣнъ и товары на промѣнъ: выбирай, сколько твоей душенкѣ угодно; чего хочешь, того и просишь.

— Але, пани охмистрина, и мои злоты не

— Не стрижены, такъ бриты, не купаны, такъ обшарканы, ужъ знакомъ ты мнѣ въ по[illegible] ноготную: въ прошлой разъ много было и[illegible] довѣсу въ твоей расплатѣ.

— За стось сердиться, пани охмистрина[illegible]? Вѣдь я не кую денегъ.

— А можетъ, куешь и плавишь! берег[illegible] свой загривокъ, Лейба, я кое что знаю: н[illegible] надешься въ когти бѣлому орлу, такъ и вор[illegible] намъ достанется позавтракать!

— Але не гнѣвайся, ясновельможная, возр[illegible] зилъ оробѣвшій Еврей, — рука руку мост[illegible], мы зе добрыхъ людей не обѣгаемъ — даю д[illegible] сяцъ червонцевъ за этотъ перстень.

— Езу - баранокъ Божій — только деся[illegible] червонцевъ! да объ своемъ ли ты умѣ, пенк[illegible] вое сѣмя! тутъ одна осыпка стоитъ болѣе.

— Азе пану Зеготъ оцiи клейноты деше[illegible] пришлись.

— Смотри пожалуй, онъ ни по что цѣни[illegible] кровь Христіанскую! Прошу прислушать, Ле[illegible] — то, что вы добывали изъ воды и огня, по[illegible] ставляя шею подъ топоръ и саблю, для не[illegible] бездѣлица, дрянь!

— Что съ нимъ долго толковать, угрю[illegible] отвѣчалъ сынъ старухи, — мнѣ хочется поп[illegible] тать новой пистоль на черепѣ этого Искаріот[illegible].

Онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху.

— А полно зе сутить, панъ, эцимъ можно забить целовѣка!

— А жида и подавно! ты увѣришься тогда, что я не шучу.

Испуганный жидъ упалъ на колѣни — у воротъ послышался лай собаки.

— Это отецъ! сказала старуха, поди, Яся, отвори ему калитку; онъ, я чай, не съ пустыми руками воротился.

Но собаки замолкли и не слышно было никакого стуку.

Нѣтъ, это не онъ, сказалъ Яся, прислушиваясь, — и захохоталъ, увидя, какъ Жидъ унижается у ногъ его, прося пощады. Полно кланяться, полно, примолвилъ онъ звѣрски, — лбомъ злотыхъ не напечатаешь. Однако какъ ты думаешь, Синайская піявка, знаю я, или нѣтъ, что ты продалъ пана Цыбульскаго, моего закадычнаго друга, сыщикамъ гетмана, когда тотъ свелъ съ конюшни его Арабскаго жеребца?

Жидъ побѣлѣлъ, какъ полотно, услыша это обвиненіе.

— Конечно, Цыбульскаго не воротишь, однако жъ ты свилъ ему веревку, чтобъ спуститься въ адъ, такъ ступай же туда обмѣри-

вать его старою водкою . . . безъ шинкаря ему будетъ скучно. Подавай деньги!

Жидъ, трепеща, опустилъ руку за пазуху, но медлилъ — казалось, ему труднѣй было разстаться съ кошелькомъ, чѣмъ съ жизнію.

— Подавай! закричалъ разбойникъ громовымъ голосомъ . . . Еврей отдалъ ему кошелекъ, но все еще держался за ремешекъ. Не погуби, не раззори, вопилъ онъ, будь ласковъ!

Я тебя приласкаю, жестоко возразилъ Яся, ударивъ его по рукѣ. Ну, Лейба — душа твоя у меня въ карманѣ, пора записать въ расходъ и туловище. Лучше и не теряй словъ на вѣтеръ! Пусти тебя живаго, такъ не оберешься хлопотъ, да жалобъ; а по мертвомъ Жидѣ не поютъ панихидъ ни монахи, ни судьи! Онъ медленно поднялъ дуло, забавляясь отчаяніемъ несчастнаго. Замѣтя это, сидящая въ углу дѣвушка съ воплемъ кинулась удержать руку убійцы.

— На то ли вы томите меня въ неволѣ, чтобы, кромѣ своихъ горестей, я была свидѣтельницей вашихъ злодѣйствъ! воскликала она.
— Прочь, съ негодованіемъ вскричалъ Яся, отталкивая ее, прочь, если не хочешь камня на шею и въ прудъ головой! что ты, матушка,

дала волю этой дѣвчонкѣ, благо полюбилась негодная плакса брату Яну. Прочь, говорю!...

Старуха схватила плѣнницу, желая ее вытащить, но та упиралась, жидъ стоналъ — эта борьба раздражила разбойника, — онъ вытащилъ его за воротъ на средину и уперъ дуло въ грудь.

— Змилуйся! шепталъ полумертвый жидъ.

— Спасите! помогите! воскликала дѣвушка!

— Это она, произнесъ кто-то подъ окномъ; выстрѣлъ сверкнулъ — и разбойникъ безгласенъ упалъ на землю. Стрѣльцы на этотъ знакъ со всѣхъ сторонъ ворвались въ домъ и въ село; крайняя изба запылала чтобъ отманить мущинъ на пожаръ. Вопль испуганныхъ женщинъ, плачъ дѣтей, крики грабежа, завыванье собакъ, выстрѣлы и звонъ оружія раздавались вездѣ; зарево играло на небѣ. Наконецъ все уступило отвагѣ . . . воруженные и безоружные панцерники бѣжали въ лѣсъ; стрѣльцы таскали рухлядь, выводили скотину, ловили птицъ — однимъ словомъ, поступали по военному. Агаревъ съ распростертыми объятіями бѣжалъ къ другу. Поздравляю, братъ, поздравляю, кричалъ онъ издали, наконецъ ты нашелъ свою Вареньку!

— Нѣтъ. отвѣчалъ Серебряной сердито.

— Какъ нѣтъ! Развѣ та красивая дѣвушк[illegible] которую велѣлъ я выпроводить изъ драки [illegible] беречь, какъ зеницу ока, не . . .? . .

— Не та, которой я ищу. Она то же Ру[illegible]ская плѣнница, и недавно увезена изъ-под[illegible] Острова Жеготою. Этотъ бездѣльникъ, каже[illegible]ся, далъ зарокъ перетаскать всѣхъ наших[illegible] красавицъ въ Польшу; но будь я не князь, [illegible] грязь, если онъ не расплатится за свои ра[illegible]бои головою. Мнѣ одно всего досаднѣе, чт[illegible] я надѣлалъ столько шуму даромъ.

— Какъ даромъ? Добыча презнатная: [illegible] панцерниковъ лари непустые, и кромѣ коней [illegible] рогатаго скота головъ двѣсти.

— Что мнѣ въ нихъ, когда не поймали ни [illegible] куницы, ни волка — но это одни цвѣтки [illegible] я конскимъ хвостомъ размету пепелъ замковъ [illegible] окрестныхъ, если мнѣ не выдадутъ плѣнни[illegible]цы. Притащите ко мнѣ старую вѣдьму, мать [illegible] Жеготы.

Старуху привели блѣдную, дрожащую, съ растрепанными волосами — она рухнулась въ ноги разъяренному князю. — Раззорилъ въ конецъ, не сгуби хоть души, родимый, даруй часъ на покаяніе! сказала она.

— Старуха! возразилъ Серебряной, если бы тебѣ три прежнихъ вѣка оставалось жить

на бѣломъ свѣтѣ, даже ихъ бы не стало замолить всѣ грѣхи твои, и тѣ, которые потакала ты въ сыновьяхъ, и тѣ, на которые наводила. На твоемъ порогѣ дымится кровь гостей, твои руки привыкли считать цѣну чужой погибели! Не жалуйся на разграбленіе: что приходитъ неправдой, то и уходитъ также... Однако послушай, я ворочу треть твоего добра, отпущу самую на волю, если ты мнѣ скажешь безъ утайки, куда дѣвали вы плѣнную дворянку Варвару Васильчикову? — Старуха всхлипывала и не отвѣчала ни слова; страхъ мужа оковалъ языкъ ея.

— Куда вы дѣвали Варвару Васильчикову? вскричалъ вспыльчивый князь, скрежеща зубами . . . говори — или ты будешь молчать до страшнаго суда: я горячимъ свинцомъ припечатаю языкъ твой къ гортани, змѣя подколодная! признавайся, гдѣ она?

— Мужъ мой отдалъ ее вмѣсто погодной платы за Зеленполѣскую аренду, отвѣчала наконецъ устрашенная старуха.

— Но когда, по кому продалъ онъ?

— Вельможному пану Колонтаю Рѣжицкому.

— Иду на Колонтая! грозно вскричалъ Серебряный. Панъ Зеленскій, свѣжаго копя — и тридцать стрѣльцовъ за мною!

— Стой, князь, сказалъ рѣшительно Агаревъ, заступивъ ему дорогу. До сихъ поръ наѣздъ нашъ былъ только вздоренъ — онъ будетъ безразсуденъ, если ты пойдешь далѣе. Горсти людей мало для столь отчаяннаго набѣга!

— Храбрость крѣпче силы.

— Но обѣ вмѣстѣ крѣпче одной храбрости, подумай! Заря окажетъ Полякамъ, какъ ничтоженъ отрядъ твой, притомъ въ рогахъ осталось не болѣе, какъ на пять зарядовъ пороху, и васъ переберутъ руками какъ мерзлыхъ щуровъ, или перестрѣляютъ изъ-за деревьевъ, какъ тетеревей. Итти на славную опасность любо, но въ безполезную гибель — глупо. Какъ ты хочешь, я не пущу тебя.

Князь почувствовалъ справедливость этихъ доводовъ и потупилъ взоры, молча сжалъ руку Агареву, надвинулъ на глаза шапку и вышелъ на улицу. — Готово ли? спросилъ онъ.

— Все въ порядкѣ, отвѣчалъ пятидесятникъ. Я въ голову и въ хвостъ поѣзда нарядилъ надежныхъ людей съ саблями и самопалами.

— Ступай! вскричалъ князь; караванъ двинулся.

Назадъ возвращались уже прямою большою дорогою, и стрѣльцы ѣхали въ нѣсколько ря-

довъ. Захваченное стадо гнали въ срединѣ; раненыхъ вели подъ руки. Многіе изъ вершниковъ были уже на веселѣ, всѣ шутили, смѣялись, разсказывали другъ другу свои подвиги. Агаревъ, который всѣдѣ и всегда сохранялъ свое равнодушіе, старался развлечь, раззабавить друга, но тотъ ѣхалъ мраченъ и печаленъ. Вдругъ онъ остановился, какъ будто какая счастливая мысль перелетѣла ему дорогу.

— Прощай, Агаревъ, сказалъ князь, похозяйничай за меня въ Опочкѣ: я ѣду искать судьбы своей. Не спрашивай, какъ и куда? — Если я не дойду и не выйду самъ, такъ ужъ другіе мнѣ не помога. Жди меня три дня, жди недѣлю — а потомъ давай знать родныхъ и властямъ, что я пропалъ безъ вѣсти.

— Удальство и слѣпая любовь заманиваютъ тебя, милый другъ, возразилъ Агаревъ, и заманиваютъ напрасно. Кто тебѣ порука, что Варенька еще у Колоптая? какъ увезешь ты ее, хотя бы она была и тамъ, а пуще всего, пробережься ли ты до нея въ землѣ, переполошенной наѣздомъ нашимъ? — Теперь старъ и малъ на конѣ, и всякій на сторожѣ . . .

Далекой набатъ разносилъ тревогу въ окрестности.

— Это звонъ моего свадебнаго или похоронпаго колокола . . . дѣло рѣшено — и я не ворочаюсь съ полдороги. Судьбы не встрѣтишь и не догонишь, коли ей самой не вздумается. Панъ Зеленскій — ты ѣдешь со мною; выбери что пи лучшихъ коней подъ себя и взаводъ — чтобъ убить да уйтить! Здѣсь ли мой походный чемоданъ?

— Здѣсь, отвѣчалъ Зеленскій, пересѣдлывая коней и пристегивая въ торока, что надобно.

— Возьми его съ собою, а все тяжелое оружіе отошли домой: теперь намъ нужнѣе лисій хвостъ, чѣмъ волчьи зубы. Если готовъ — впередъ! Прощай, другъ — не поминай лихомъ!

— Да сохранитъ тебя Николай Чудотворецъ и Тихвинская Богородица въ дальней дорогѣ и на чужомъ порогѣ . . . Дай Богъ свидѣться по добру, по здорову: заклинаю тебя, будь осторожнѣе!

Друзья обнялись — Серебряный помчался вихремъ.

— Жаль мнѣ тебя, умная, только буйная головушка, примолвилъ Агаревъ, провожая гла-

зами друга сквозь мракъ ночи, и вытирая рукавомъ слезу. Жаль тебя, доброе, только слишкомъ ретивое сердце!

Агаревъ медленно поворотилъ коня и поѣхалъ догонять поѣздъ.

ГЛАВА III.

«Вотъ ѣдетъ онъ путемъ дорогою, стороною далеко-
«кою, и наѣхалъ онъ на распутіе: по срединѣ столбъ
«стоитъ, на столбѣ щитъ прибитъ, на щитѣ надпись
«какъ жаръ горитъ: поѣдешь направо, будетъ конь сытъ,
«а самъ голоденъ; поѣдешь налѣво — будешь самъ
«сытъ, а конь голоденъ; поѣдешь прямо, — будутъ
«оба сыты, оба биты! — Иванъ Царевичъ призадумал-
«ся: самому поститься, съ силой проститься, а на
«тощемъ конѣ и горе богатырь — ни биться, ни
«драться, ни ратиться — поотвѣдаемъ счастья на тре-
«тьемъ пути; поглядимъ, кто побьетъ меня сытаго,
«на свѣжемъ конѣ, при булатномъ копьѣ?»

(Старинная народная сказка.)

Наши путники, подъ завѣсою темноты, счастливо пробрались внутрь Люцинскаго повѣта. Вотъ и самъ Люцинъ, сказалъ Зеленскій князю Серебряному, который задумчиво ѣхалъ, не обращая ни на что вниманія. Князь взглянулъ на право: деннница занималась . . . лѣнивый туманъ волнами вставалъ съ зубчатыхъ стѣнъ замка, стоящаго на холмѣ — и тихо

лежалъ городокъ у ногъ его: еще ни одна дверь не чернѣла, ни съ одной трубы не вился дымокъ и окружный лѣсъ, по немногу разсвѣтая, отрясалъ на путниковъ холодную росу. Далѣе къ Рѣжицѣ, старинному Розитену, виды становились еще живописнѣе. Холмистый край испещренъ былъ озерками, и надъ стекломъ ихъ бродили махровые пары; и дикія рощи, и зыбкіе тростники отражались въ неподвижномъ ихъ лонѣ. Порой только звучно прыгала изъ воды щука, или ныряла дикая утка; струи разбѣгались кругами и зыблясь, сливались въ зеркало.

Зеленскій ѣхалъ впереди и удачно поворачивалъ то вправо, то влѣво, на тропинки, иногда перерѣзывая лѣсъ, для сокращенья дороги, прямикомъ, иногда объѣзжая деревни околицами.

— Ты славно знаешь всѣ закоулки здѣшніе, сказалъ ему князь, я не ошибся, полагаясь на слова твои заранѣ.

— Какъ мнѣ не знать этого края! Мы цѣлый мѣсяцъ стояли здѣсь съ гетманомъ Литовскимъ Карломъ Ходкевичемъ, собираясь на Шведовъ; да потомъ и разгромили ихъ въ прахъ, даромъ, что ихъ было втрое болѣе. Въ то время я служилъ ловчимъ у пана Опалинскаго, и не сходилъ съ сѣдла на полева-

мьѣ — звѣрямъ отъ насъ было не лучше жи-
тье, какъ и людямъ, и я волею и неволе-
долженъ былъ узнать наизусть всѣ заячьи
стежки и всѣ медвѣжьи берлоги.

— Скажи пожалуй, отъ чего мы не про-
ѣхали ни одной деревеньки, которая бы по-
ходила на другую? — Въ иныхъ нашихъ Рус-
скія избы, съ узорными полотнами по кровлѣ
и высокими деревянными трубами въ прорѣзъ;
въ иныхъ мазанки, съ горшкомъ вмѣсто ды-
мовья, въ иныхъ чухонскія лачуги, у кото-
рыхъ изъ каждой щели, какъ изъ жерла, чер-
пѣетъ коноть?

— Изволишь видѣть, князь, край этотъ зо-
вется теперь *Польскими Инфлантами*, и до-
стался Польшѣ отъ Нѣмецкихъ рыцарей. Отъ
этого здѣсь есть и Чудскіе переселенцы, и
туземные Латыши, и старинные Литовцы, и
настоящая Польская шляхта, и бѣглые Рус-
скіе, которыми въ особенности заселены по-
граничья. Между панами такой же сбродъ:
кто Нѣмецъ, а кто Литвинъ, кто баронъ, кто
князь.

— Ну, а хорошо ли они знаютъ остальную
Польшу и другой конецъ Литвы? Украйну,
Подолію?

— И всѣ-то Поляки, кромѣ своего округа,
не знаютъ, да и знать не хотятъ отчизны, а

здѣшніе медвѣжата всѣхъ менѣе. Варшавцы и Краковяки смѣются надъ ними, — они презираютъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, и доказываютъ, что предки ихъ были уже дворянами, когда въ Польшѣ жили однѣ лягушки.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе! Стало быть, намъ безъ страха можно будетъ разсказывать сказки. Помни же, панъ Зеленскій, что я Литовскій дворянинъ Яромиръ Маевскій, а ты шляхтичъ Стребала; что мы раненые взяты были въ плѣнъ при вылазкѣ изъ Кремля, и теперь размѣненные возвращаемся домой въ Пинскъ, черезъ Сѣверную Русь, по приказу государеву, чтобы не столпить плѣнныхъ на военной дорогѣ къ Смоленску. Говоря по Польски, какъ Полякъ, и зная почти всѣхъ бывшихъ при дворѣ Димитрія, и въ войскахъ коронныхъ и въ полкахъ подъ Тушинымъ, я надѣюсь порядочно поддѣлаться къ Польскому ладу. Про тебя и говорить нечего: а впрочемъ, всему дѣлу колесо наше неизмѣнное, *авось!*

— Все это хорошо, сударь князь, если не случится тамъ никого изъ бывалыхъ подъ Москвою; а если на грѣхъ, какой озорникъ насъ узнаетъ? — Не миновать воздушной прогулки: у нихъ судъ коротокъ.

— Что жъ дѣлать, панъ Зеленскій, отвѣ копиваетъ медъ, а робость грызетъ ледъ. Во ковъ бояться, такъ и ягодъ въ глаза не в дать. Смекай, что я скажу тебѣ! мнѣ надоби выкрасть отъ Колонтая Русскую плѣнницу такъ ты хорошенько разъузнай, гдѣ она спитъ когда гулятъ, перещупай всѣ затворы, про нюхай всѣ лазеечки, и держи ухо востро, коней всегда въ подпругахъ.

Въ это время они встрѣтились съ бѣднымъ крестьяниномъ, который на низенькой, неко ванной тележкѣ ѣхалъ за сѣномъ, и увид всадниковъ, опрометью своротилъ съ дорог и опрокинулъ въ оврагъ свою повозку, п вмѣсто того, чтобъ поднимать ее, онъ толь болязливо кланялся проѣзжимъ. На истощен номъ лицѣ его написана была жалкая просто та; бѣлый, изодранный балахонъ не прикры валъ диръ на рубашкѣ.

— Далеко ли до Самполья, добрый чело вѣкъ? спросилъ князь.

— Близенько, папочекъ, отвѣчалъ крест яниnъ по Русски.

— Это значитъ: дай Богъ туда добраться къ обѣду, замѣтилъ Зеленскій; здѣшнее *близко* — длиннѣе Коломенской версты.

— Однако жъ, какъ близко? повторилъ Со-

— Въ старину было пять миль, папочекъ, да панья смиловалась, — велѣла только тремъ быть.

— Добрая же у васъ панья.

— И храни Богъ, какая добрая; сама намъ сказываетъ, какъ изъ церкви выходитъ, что за насъ молится; да панъ экономъ насъ обманываетъ: послѣднюю курку отнимаетъ, а въ годъ на спинѣ кожи двѣ обполитъ — да все приговариваетъ: панья велѣла.

— Ну, братъ Зеленскій, это видно по нашему: у хапжей, да пустосватовъ одинъ кошкамъ масляница.

— Какое сравненіе, князь, житью Русскаго мужичка съ Польскимъ — тотъ по продается на ряду съ баранами и дождавшись Юрьева дня — поклонъ да и вонъ отъ злаго боярина. А здѣсь хлопа и человѣкомъ не считаютъ; его же грабятъ, да его же и въ грязь топчутъ. Я знаю нѣкоторыхъ панонъ, которые отдаютъ выкармливать своихъ щенковъ кормилицамъ, отымая у нихъ грудныхъ младенцевъ.

— Это клевета, сказалъ Серебряный, содрогнувшись.

— Дай Богъ, чтобы это была клевета. Я выросъ на отпятомъ хлѣбѣ, князь, и съ молодыхъ ногтей привыкъ гулять на счетъ крестьянина, въ чужбинѣ и на родинѣ; совѣсть

у меня не изъ застѣнчивыхъ, а право, серд
поворачивается, когда посмотришь бывало, ч
дѣлаютъ паны со своими хлопами.

Князь долго ѣхалъ въ молчаніи. Вре
летѣло.

— Мы ужъ въ полумилѣ теперь отъ зам
пана Колонтая, сказалъ наконецъ Зелено
Не худо бы намъ, князь, поправиться у от
рѣчки. Всюдѣ по платью встрѣчаютъ, а
уму провожаютъ.

— И въ самомъ дѣлѣ такъ, отвѣчалъ кня
слѣзая: дай-ка мнѣ зеленой Польской кафтан
да и самъ нарядись побогаче, и будь се
не умнѣе, то скромнѣе, чтобы заслужить и х
рошую встрѣчу и добрые проводы. Я пр
шу тебя, для этого только мочить усы
чаркѣ.

— Нѣтъ, князь, коли пить, такъ пить, а
не начѣмъ и похать! У меня губа слов
грецкая губка — чуть окунешь ее въ ви
— донышко и проглядываетъ, а голова хо
выжми.

— Дѣлай, какъ знаешь; но честью увѣря
тебя, что если ты самъ-другъ проболтаешься
я изъ тебя сдѣлаю окрошку.

— Князь! будешь мною доволенъ. На м
шкурка, хоть не чернаго соболя, однако жъ

И между тѣмъ Зеленскій пособлялъ князю убираться. Зеленая бархатная шапочка, опушенная горностаемъ, покрыла темнорусыя кудри князя. Такого же цвѣта, и съ такою же окладкою венгерка, съ серебряными жгутами, обняла станъ. За золотымъ поясомъ заткнутъ былъ Турецкій кинжалъ, осаженный жемчугомъ и цвѣтными каменьями. Нешырокія атласныя порты скрывались въ желтые сафьянные сапоги — отличительный знакъ дворянства во всѣхъ земляхъ Славянскихъ. Наконецъ князь перебросилъ на шею эмалевую цѣпь, на которой висѣли серебряные часы луковицею, такъ что они выглядывали изъ подъ кушака. Кривая сабля довершала нарядъ его.

— Хорошъ ли? спросилъ онъ, улыбаясь съ самодовольнымъ видомъ и глядясь черезъ плечо въ рѣчкѣ.

— Молодецъ! отвѣчалъ стремянной, охорашиваясь самъ въ новомъ контушѣ. Теперь и я, какъ змѣй въ новой кожѣ: красивъ и хитеръ. Давно, князь, не носили мы Польскаго наряда, а по правдѣ сказать, что онъ картинка — стоитъ только надѣть его, чтобы вскружить головы всѣмъ красавицамъ!

— Поберегись, чтобы свою не скрутили; однако, солнце всходитъ, не пора ли

Князь завернулся отъ пыли въ охабень, подбитый купицами, и оба поскакали къ замку Колонтая.

Станиславъ Колонтай, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, тучный, подагрическій и какъ всегда водится при богатствѣ и недугѣ — причудливый, и своенравный, сидѣлъ подъ навѣсомъ на широкомъ крыльцѣ своего неуклюжаго палаца. Всѣ сказанныя достоинства выражались разными морщинами желтаго лица его, а длинные сѣдые усы, которыми онъ подергивалъ безпрестанно, придавали еще болѣе кислоты его физіономіи. На немъ, какъ на Китайскомъ мандаринѣ, была желтая однорядка, со множествомъ пуговицъ, подпоясанная очень низко, равно по обычаю Польскому, и для того, чтобъ поддержать его животъ. Ноги, обутыя въ плисовые сапоги, покоились на подушкѣ.

Въ сторонѣ, поодаль, сидѣла его супруга во Французскомъ кругломъ платьѣ, старушка почтенная, но жеманная; — далѣе еще нѣсколько сосѣдокъ, сынъ ихъ Левъ, статный мужчина съ выразительнымъ лицемъ, и паны-гости, въ которыхъ ни одинъ порядочной домъ въ Польшѣ не имѣетъ недостатка, даже въ

страстную недѣлю. Панёнки — существа, похожія на нашихъ воспитанницъ, покоевцы — родъ нажей, пахолики — родъ слугъ, и вся шляхетская молодежь, составлявшая нѣкогда застольную дворню, стояли или прогуливались сзади, шутили промежъ собою, болтали любезности дѣвушкамъ, и какъ водится, подтрунивали надъ своимъ патрономъ.

Младшій конюшій объѣзжалъ по двору пылкаго жеребца, и старикъ Колонтай, держа въ рукѣ бичъ, исполнялъ попременно имъ похлопывать, заставляя четвероногаго новичка дѣлать прыжки и дыбки. Дамы были заняты своимъ разговоромъ.

— Добрже, панъ Машталяржъ, доскопале! еще задай ему штранацію; острожки въ боки и хлыстомъ по крестцу, чтобы при осадкѣ — хвостъ на землю ложился. На одномъ шину поворачивай, вотъ такъ, да не балуй коня, когда онъ балуетъ! теперь играй уздой, чтобъ оскалъ не онѣжѣлъ, приговаривалъ хозяинъ.

— Добрый конь, сказалъ хорунжій Солтыкъ, взглянувъ на него, и снова обратился къ дамѣ, которой онъ что-то нашептывалъ.

— Настоящая Арабская кровь, примолвилъ одинъ изъ подлипалъ хозяина . . . орелъ а не конь!

— Пряничной пѣтухъ, возразилъ хозяинъ

съ презрѣніемъ. Если на тебѣ, панъ Цапли[illegible]
скій, выжечь тавро, такъ ты столько же б[illegible]
дешь Арабъ, какъ этотъ жеребчикъ! Не то б[illegible]
вы запѣли, господа, если бъ вамъ удалось в[illegible]
дѣть моего рыжаго въ маслѣ коня, настояще[illegible]
Персидской породы, котораго добылъ я, ко[illegible]
гда мы съ Замойскимъ разбили Турокъ. Бы[illegible]
вало, зжемъ подо мной совьется и вѣтром[illegible]
по полю носится, ржетъ и пышетъ и копы-
томъ изъ милости по муравѣ ступаетъ. Толь-
ко стало бы умѣнья сидѣть на немъ, а по-
скачетъ такъ любо — даже духъ захваты-
паетъ.

— Панъ Станиславъ издавна слылъ удалымъ наѣздникомъ, привѣтливо молвилъ Рѣжицкій судья Войдзевичъ.

— Да, честь имѣю доложить, мы за Баторія позвѣнѣли на свой пай палашами, и хотя у насъ въ тѣ поры молодцами хоть мостъ мости, а Колонтай между ними былъ не послѣдній. Бывало, когда выѣду погарцовать въ дѣлѣ — такъ други и недруги пальцами указываютъ. Теперь иныя времена: новопольскіе молодцы лучше любятъ ласкать дамскія ножки, чѣмъ сабельныя ручки.

— Мы слыхали, что и панъ Станиславъ въ

кожъ и любимцемъ красавицъ, сказалъ Войдзевичъ.

— Добрже, добрже панъ сендзя, что было, то было; только мы въ старину не забывали славы для полокитетва, и не вѣковали въ женскихъ уборныхъ; а вы черезъ чуръ изневѣстились, панове!

— Мнѣ кажется, возразилъ Левъ Колонтай, что батюшка напрасно обвиняетъ насъ въ изнѣженности. Уваженіе къ дамамъ не тушитъ, а раздуваетъ въ насъ пламя славолюбія, и недавнія побѣды надъ Русскими доказали, что мы достойны своихъ предковъ.

Панъ Колонтай принадлежалъ къ общему разряду стариковъ, для которыхъ все настоящее дурно, и все минувшее прекрасно, потому, что тогда они были молоды и могли блистать. Желчь въ немъ еще сильнѣе разыгралась отъ противорѣчія сына, котораго онъ называлъ — Леninькой, хоть ему минуло уже 27 лѣтъ: двѣ въ отцовскихъ глазахъ вѣчные недоросли, и сохрани Богъ, если они вздумаютъ имѣть, или, и того хуже, сказать собственное мнѣніе.

— Побѣды? вскричалъ онъ насмѣшливо: нечего сказать: славно побѣждали твои то-

Москвою; — и дѣльно важъ — не вступайтесь за всякаго бродягу. Марина повела васъ за хвостомъ своимъ, а за Жигмунтовы усы выпроводили молодцевъ неласково.

— Дѣло доказываетъ лучше споровъ, батюшка. Наши вывезли изъ Москвы до тысячи возовъ драгоцѣнностей.

— Слава конямъ, вся слава конямъ. Кто идетъ впередъ, тому нужнѣе брони, чѣмъ кони!

— Бѣглецы не приводятъ въ торжествѣ плѣнныхъ царей за собою.

— Полякамъ должно краснѣть за такія торжества. Съ боя ли, честью ли взяли Василія? Нѣтъ: изъ монастыря и обманомъ, да и давай показывать Варшавскимъ зѣвакамъ за царя, человѣка, ихъ же происками постриженнаго въ монахи; давай прозой и стихами величать себя побѣдителями, потирая бока. Вотъ весь вашъ хваленой походъ на Москву!

— Конечно онъ стоитъ похода Баторія на Псковъ, возразилъ въ укоризну раздосадованный сынъ.

Старикъ закипѣлъ.

— Да, конечно мы ходили туда безъ успѣха, но тамъ побѣдили насъ вьюги, а не люди, за то мы и не хвастались удачею: у кого довольно серебра, тотъ не натираетъ ртутью шелеговъ. Тамъ потерялъ я лучшаго друга и

лучшаго коня — и съ тѣхъ поръ поклялся вѣчною ненавистью къ Русскимъ — и пусть чортъ изъ костей моихъ выточитъ игральныя кости, если хоть одинъ Русской, попавшись въ мои руки, вырвется изъ нихъ живой, и мнѣ всего досаднѣе, что вы бьете ихъ только словами!

— А взятіе Смоленска? замѣтилъ Войдзевичъ.

Въ эту минуту князь Серебряный показался въ просѣкѣ, въ сопровожденіи своего стремяннаго. Общее движеніе любопытства очень кстати прервало порывъ раздражительности Колонтаевой, и онъ самъ, отѣнивъ глаза рукою, принялся разсматривать, кто ѣдетъ.

— Это Іозефъ Бржестовскій, сказала одна пригожая панна . . . то-то онъ навезетъ намъ новостей и гостинцевъ: онъ такъ мило умѣетъ разсказывать дворскія шалости, и такъ вѣрно описываетъ моды, что по словамъ его можно кроить, какъ по мѣркѣ.

— Развѣ Михалъ Тимонъ, возразила другая: вотъ намъ и первая пара въ мазурку... Это вѣрно онъ — я очень хорошо знаю его осанку.

— Сердце — примѣтливой живописецъ, лукаво замѣтилъ Войдзевичъ.

— Только панъ судья, плохой судья сердецъ, отвѣчала красавица.

— Это ни тотъ, ни другой, молвила третья, — это Вацлавъ Шадурскій. Не худо, чтобы панъ хорунжій прочелъ намъ отходную, потому что онъ уморитъ со смѣху, представляя короля и любимцевъ его Потоцкихъ, когда они варятъ золотой супъ.

— Панна Ружа можетъ до случая спрятать наперстокъ, возразилъ Левъ Колонтай; панну Сидалію приглашаю выбрать себѣ другаго кавалера для мазурки, а панна Марила удостоитъ еще пожить на свѣтѣ съ нами — это какой-то незнакомецъ, но во всякомъ случаѣ новый поклонникъ вашихъ прелестей, милостивыя государыни: не такъ ли, пани Элеонора?

— Если онъ также любезенъ, какъ статенъ, отвѣчала пани Ласская, нѣжно прищуривая очи на Колонтая.

— О, конечно, пани Элеонора, наружность такъ обманчива, и глазамъ опасно довѣряться.

— Очи зеркало души, говорятъ стихотворцы.

— Но и самая душа бываетъ зеркаломъ, которое все отражаетъ, и ничего не хранитъ.

— Какая строгость, панъ Левъ! Но мы знаемъ, откуда вѣтеръ наноситъ на насъ на-

падки за вѣтреность. Ваша скромная Русская плѣнница одна ли не взяла въ плѣнъ самого...

Пріѣздъ Зелинскаго прервалъ всѣ разговоры; онъ очень ловко и твердо повторилъ заученную просьбу, со всѣми околичностями.

— Просимъ пожаловать, ласково отвѣчалъ старикъ Колонтай: моего порога искони не миновали проѣзжіе, и я тѣмъ больше радъ гостю, что онъ землякъ и шляхтичъ. Проси пана Маевскаго не только на часъ — на мѣсяцъ. Я самъ, и домъ мой къ его услугамъ.

Между тѣмъ, покуда происходили объясненія и приглашенья, князь стоялъ верхомъ у въѣзда и разсматривалъ гербы на каменной оградѣ, которые, подобно негодящимъ травамъ, разпинались повсюду. На самомъ сводѣ воротъ прибитъ былъ раскрашенный желѣзный щитъ, и плющъ, въ самомъ дѣлѣ, прибавлялъ къ нему украшенія, не внесенныя въ печать; за то домовитыя ласточки залѣпили весь верхъ его своими гнѣздами, не заботясь, что эта вывѣска тщеславія хозяину дороже всѣхъ картинъ въ свѣтѣ; — но странная вещь — предразсудокъ, воздвигнувшій щитъ, уступая другому предразсудку, оставилъ въ покоѣ ласточекъ — будто въ доказательство, что внушенія природы побѣждаютъ заблужденія ума.

Я не ручаюсь, чтобы подобныя мысли кружились въ головѣ князя — онѣ принадлежали не его вѣку — и еще менѣе его положенію. Сердце князя билось — надали въ каждой женщинѣ ему мечталась Варвара. Что онъ скажетъ ей? Какъ встрѣтитъ она его Какъ открыться въ своемъ предпріятіи? Не измѣнятъ ли ему восклицанія неожиданно встрѣчи? У него потемнѣло въ глазахъ, когда онъ въѣхалъ на широкій дворъ магната.

Оправясь однако жъ отъ перваго замѣшательства, онъ посреди сошелъ на землю развязно приблизился къ хозяину. Тотъ, видя учтивость пріѣзжаго, разгладилъ усы и морщины, и поили обоюдные привѣты. — Поляки всегда были щедры на слова и магнат хотѣлъ доказать, что дворъ для него не *Исаак земли*. Въ заключеніе, онъ прибавилъ:

— Я увѣренъ, что панъ Маевскій, ступивъ послѣ долгаго плѣна на родную землю, найдетъ въ моемъ домѣ родственный пріемъ. Вотъ жена моя, урожденная княжна Гедройцъ вотъ сынъ мой Левъ Колонтай, ротмистръ лэды коронной . . . Предоставляю пану самому познакомиться съ дамами и съ молодыми панами.

Поцѣловавъ почтительно руку у хозяйки учтиво раскланявшись съ сыномъ, онъ былъ

задавленъ распросами отъ каждаго и каждой изъ собранія. Князь благодарилъ судьбу, что тутъ не было Варвары: онъ чувствовалъ, что въ ея присутствіи никакъ бы не могъ такъ вольно разсказывать небылицы. Духъ подражанія, коимъ столь щедро надѣлила или наказала природа Русскихъ, послужилъ ему въ этомъ случаѣ чрезвычайно.

Натершись польщизною при дворѣ Самозванца, и находясь съ ними въ безпрестанныхъ сношеніяхъ, послѣ употребляемый за переводчика во все время внутренней войны— онъ удачно ссылался на то, что зналъ, и отговаривался плѣномъ въ томъ, чего не зналъ, и приписывая отвычкѣ ошибки языка.

Съ полчаса спустя за полдень, на дорогѣ послышался топотъ коней, предшествуемый звуками бубна. Князь подумалъ сперва, что не за нимъ ли скачетъ отрядъ конницы— ничего не бывало. Пыль разступилась — и глазамъ его представилась тяжелая линейка, построенная едва ли не изъ обломковъ ковчега: она влекома была, такъ сказать, воспоминаніемъ шести тощихъ лошадей разнаго роста и разной масти. Впереди скакалъ бубенщикъ, чтобы недостойная чернь сворачивала съ дороги, а кругомъ шесть вершниковъ въ гусарской одеждѣ.

— Милости просимъ, панъ староста Креславскій, милости просимъ, ясновельможная пани старостина — добро пожаловать, панны старостевны — какой доброй вѣтеръ занесъ ко мнѣ васъ! вскричалъ старикъ Колонтай, обнимая по очереди допотопное семейство, и признаться сказать, когда онъ къ прочимъ привѣтствіямъ прибавилъ, что они ужъ тысячу лѣтъ не видались, никто не счелъ его за преувеличеніе. Когда выгрузили изъ линейки всѣхъ паній, всѣхъ панепокъ, всѣхъ мосекъ — и тысячу одну картонку и шкатулку, громкое восклицаніе: обѣдъ на столѣ! оживило собраніе. Хозяинъ подвелъ мнимаго Маевскаго къ младшей, хотя вовсе не молодой дочери старосты; подхватилъ самъ руку ея матери, крехтя отъ подагры, но за то лихо моргая усами — и гости, мѣняясь привѣтствіями, потянулись въ столовую.

ГЛАВА IV.

Я формалистъ: люблю я очень
Въ фарфорѣ чай, вино въ стеклѣ;
Въ обѣдѣ Русскомъ—добрый сочень
Roast-beef на Англійскомъ столѣ.
Люблю въ гостиной вѣсти, фразы;
Люблю въ гостинницѣ проказы,
И даже ссоры въ злые дни . . .
(Чего насъ Боже сохрани!)

Если нѣсколько Польскихъ магнатовъ могли блистать роскошью, какъ владѣтельные герцоги, за то три четверти остальныхъ равнялись съ ними одною спѣсью, далеко отставая въ средствахъ ее удовлетворить или выказать. Правда, каждый дворянинъ, не только магнатъ, силился имѣть около себя небольшой дворъ; но все это чванство, постепенно нисходя къ бѣдности, хвастливой богатствомъ, только дѣлало смѣшнѣй ихъ причуды и тѣмъ скорѣе довершало раззореніе. Колонтай, одинъ важ-

нѣйшихъ помѣщиковъ того края, конечно былъ богатъ всѣмъ, что составляетъ первыя надобности человѣка, но денежные доходы его были весьма ограничены. Нѣмецкіе купцы, посредствомъ Евреевъ, покупали, правда, у него лѣсъ, рожь, пеньку, сало — но Двина была не близка, перевозъ гужомъ въ бездорожномъ краю а сплавъ до Риги, по случаю и, очень не надеженъ, и по чрезвычайно низки. Прих громную дворню, запутанно тность экономовъ, безпорядо ахъ и приходахъ, отъ того, гда, какъ у насъ еще доселѣ, хо лось наукою, недостойною для дворянина — и вы не удивитесь удивленію князя Серебряннаго, который, минуя рядъ покоевъ, противъ своего чаянія не замѣтилъ въ нихъ ничего великолѣпнаго. Въ двухъ только гостиныхъ стѣны обиты были золототравчатымъ штофомъ, а кресла и стулья обтянуты рытымъ плисомъ, но все это было такъ блекло — что его безошибочно, казалось, можно назвать ровесникомъ Иастовъ.

Въ столовой залѣ по глухой стѣнѣ тянулись предки Колоптаевы отъ мала до велика; но благодаря пыли и коноти, они терялись

въ сумеркахъ временъ, и это обстоятельство конечно было не въ накладъ и портретахъ и живописцахъ. Въ концѣ залы стоялъ шкафъ со стеклами, раскрашенный и украшенный, какъ часовня; въ немъ были помѣщены въ узоръ серебряныя блюда, фигурные кубки, чары, чарочки чашечки и кружки, наслѣдственная родословная крестинъ, именинъ, свадебъ, мировыхъ подарковъ и посильныхъ добычъ. На столѣ, напротивъ, такъ какъ день былъ непраздничный, при оловянныхъ тарелкахъ, лежали только серебреныя ложки, да такой же кабачокъ и солонки. Кружки и рюмки были разноцвѣтнаго стекла и разнообразны.

Гости, жужжа, обходили столъ, будто крѣпость, назначенную къ разграбленію. Вся кровь зажглась въ князѣ Серебряномъ, когда онъ увидѣлъ выходящую изъ противуположныхъ дверей Варвару: она опиралась на руку Льва Колонтая, и одѣта была въ Польскомъ, или лучше сказать, въ Венгерскомъ платьѣ. Двѣ косы, перевитыя жемчужною нитью, два раза окружали ея голову. Бѣлый глазетовый доломанъ, опушенный соболями, охватывалъ стройный станъ, и голубая атласная исподница съ золотою бахрамою, струилась и шумѣла въ широкихъ складкахъ; стройная ножка заключена была въ красный сафьянный

черевикъ. На одинъ мигъ устремила она яхонтовые очи свои на незнакомца; румянецъ, какъ зарница, вспыхнулъ на лицѣ красавицы, и снова потухъ, и снова обратились взоры ея къ Колонтаю, какъ будто обманутые сходствомъ.

Князь былъ уязвленъ такою холодностію, онъ лучше бы желалъ, чтобы она подвела его подъ саблю своею радостію, чѣмъ быть безопаснымъ цѣною такого убійственнаго равнодушія.

Сельскій каноникъ прочелъ Oculi omnium, благословилъ яствы и всѣ стали садиться. Колонтай, какъ хозяинъ, не смотря на то, что дамы помѣстились на одинъ конецъ стола, выгадалъ себѣ мѣсто рядомъ съ Варварою, и бѣдный князь, сидя на одной сторонѣ съ нею, только вкось, и то изрѣдка могъ наслаждаться видомъ ея носика, перепрыгивая взорами, то черезъ толстое брюхо пана Пузины, то черезъ тѣнистые усы пана Зембины, то черезъ бритую голову пана Радуловича.

— Вассанъ конечно Русакъ по вѣрѣ? спросилъ панъ староста, обращая слово къ князю... сдается: панъ крестился на правое плечо?

— Крещусь на правое, а рублю и съ праваго и съ лѣваго! гордо отвѣчалъ Серебряный, *негодуя* за нескромный вопросъ и неу-

чтивое выраженіе: Вассанъ, которое почти равняется нашему: сударь.

—Что хорошо, то хорошо, со смѣхомъ вскричалъ хозяинъ, которому понравилась эта выходка. Пускай отцы іезуиты разбираютъ: Латынью, или Славянщизною лучше отпирать райскія двери; пускай они проклинаютъ нашихъ кальвинистовъ и за чубъ тащатъ казаковъ въ Унію: по нашему тотъ и святъ, кто лучше рубится за отчизну. Не правда ли, панъ судья?

— Моя хата съ краю — ничего не знаю, отвѣчалъ Войздевичъ, отшучиваясь, чтобы не навлечь на себя неудовольствія старосты.

— У Палистрантовъ, какъ на испорченныхъ часахъ, не узнаешь правды, сказалъ хорунжій Солтыкъ . . . одно бьютъ, а другое показываютъ!

— По крайней мѣрѣ, возразилъ Войдзевичъ, скрывая свой гнѣвъ, но брякнувъ саблею, моя стрѣлка туда и бьетъ, куда указываетъ . . . . Разумѣешь, панъ хорунжій?

— Разумѣю; только . . .

— Сомнѣваешься?

— Нѣтъ, просто, не вѣрю.

— Дерзкій мальчикъ: Satis loquentiae, sapientiae parum (богатъ словами, а бѣденъ разсудкомъ) — Знаешь ли, чѣмъ платятъ за подоб-

— Не все брать — надобно же и поплатиться, панъ судья.

— Прошу слово гонору, панъ хорунжій!

— Я не отдаю чести тѣмъ, которые не стоятъ ее!

— Не дашь, потому, что не изъ чего!

Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась ссора, подстрекаемая присутствіемъ общества, въ особенности дамъ. Такія ошибки были весьма обыкновенны въ Польшѣ, гдѣ всякій молодой человѣкъ жаждалъ выказать свою храбрость, не ходя далеко и не заботясь о справедливости, потому что одна удача заслуживала одобреніе . . . Хозяинъ, однако жъ, поспѣшилъ удержать запальчивость противниковъ.

— Тише, господа, прошу васъ, тише! Отложите на часъ ваши сдѣлки: садъ великъ и вечеръ дологъ: успѣете еще нарубиться до сыта. За обѣдомъ дѣло не о крови, а о винѣ.

— Гдѣ льется вино, тамъ и кровь брызжетъ нерѣдко, примолвилъ каноникъ.

— Не хочешь ли, преподобный, доказать, что вино пьяно? спросилъ, шутя, Левъ Колонтай.

— Не хочешь ли, панъ ротмистръ, доказать, что пѣтъ?

— Не только хочу, но и могу: я утверждаю, что пьяно отнюдь не вино, а время!

— Какъ время? Какимъ образомъ время? вскричали многіе голоса сквозь смѣхъ. Это очень любопытно!

— Вы смѣетесь, господа, немножко рано — я вамъ разскажу, какъ. Во-первыхъ возьмите вы бочку Венгерскаго и распѣйте ее въ три года по двѣ рюмки на день. Вѣдь вы не будете пьяны?

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ панъ Зембина, предполагая, что въ Польшѣ не найдется рѣшительный человѣкъ для такого постнаго опыта.

— Но выпейте же вы двѣ бутылки въ полчаса — вы безсомнѣнія опьянѣете. Слѣдственно, одно время придаетъ вину хмеля!

— Se non è vero, è ben trovato (если не правда, — то складно,) сказалъ по-Италіянски Солтыкъ. Этотъ языкъ входилъ тогда въ моду между знатью.

— Experto credite (вѣрьте опытности,) возразилъ Колонтай — даже глядя долго на иные глаза, можно притти въ упоеніе!

— Браво, браво, сынокъ! вскричалъ хозяинъ, хохоча громко: да я и не подозрѣвалъ за тобой такой прыти. Своими нестрогими проповѣдями, ты, пожалуй, отобьешь мѣ-

сто у королевскаго священника, Петра-Голыпскаго!

— Я гораздо честолюбивѣе, батюшка: мѣчу въ духовники прекраснаго пола, и желалъ бы начать эту назидательную обязанность съ панны Барбары!

— Если бъ я хотѣла отвѣчать пану Льву такою же лестью, я бы сказала, что лучше заключить, нежели зачинать мною . . . Но я искренна, и чтобъ не потерять этого качества, не желала бы имѣть такого духовника, сказала Варвара, очень мило. При томъ же мы различныхъ вѣръ . . .

— У сердецъ одна вѣра, примолвилъ тихо Левъ Колонтай.

— Панъ Маевскій, возгласилъ хозяинъ, прошу отвѣдать съ этого блюда. Вашмосць ничего не кушаетъ, поглядывая на землячекъ — надоѣдятъ, пріятель, скоро надоѣдятъ . . , родовитому шляхтичу не худо бы взять урокъ, другой, какъ слѣдуетъ кушать: у пана Зембины; онъ за живымъ зайцемъ не большой мастеръ гоняться, за то жареный отъ него не уйдетъ!

— Особенно, когда онъ подстрѣленъ паномъ Станиславомъ, отвѣчалъ весельчакъ Зембина, указывая на полную тарелку хозяина: на одной ножкѣ недалеко ускачешь.

— Ха, ха, ха! пани старостина! прошу не отказываться: лозанки, право, хоть куда! Ясневельможный! или жартовское съ гренками не нравится?

— Настоящее стариковское молоко: какъ весна, сердце грѣетъ.

— За чѣмъ же дѣло стало? или помолодѣть не охота? Ахъ, молодость наша, молодость, нашъ староста: любо вспомнить ее; помнишь ли наши пирушки въ Краковѣ?

— То-то было времячко — не нынѣшнему чета!

— Куда нынѣшнее! Теперь не только сердце, да и солнце Польское простыло. Гей, Венгерскаго! Стараго Венгерскаго, чтобы Стефана Баторія помнило! (наливаетъ въ большой серебряной кубокъ.) Да обновится старожитная Польша! отъ пана до пана! (пьетъ и передаетъ кубокъ старостѣ.)

— Да живетъ новая по старинному! (передаетъ сосѣду.)

— Да цвѣтетъ Польская слава!

— Да вѣчно зеленѣетъ свобода шляхетская!

Кубокъ шелъ кругомъ, и каждый возглашалъ заздравіе, какое внушалось ему чувствомъ, умомъ или памятью. Другой кругъ посвященъ былъ именинымъ здоровьямъ, и разумѣется, присутствующія красавицы не были

забыты. Привѣты, одинъ другаго нелѣпѣе, одинъ другаго затѣйливѣе — дождали. Когда дошла очередь до Льва Колонтая — онъ наклонился, схватилъ съ ножки Варвары башмачокъ, не смотря на ея крикъ и сопротивленіе, налилъ въ него вина и поднявъ, произнесъ: мое первое счастье сражаться за свободу отечества, а второе — терять свою собственную въ плѣну прекрасныхъ! . . . Предлагаю здоровье Русской розы — панны Барбары!

Долгое браво раздалось со стороны мужчинъ.

— Отъ пана до пана башмачокъ красавицы! восклицали они, хлопая въ ладоши: мы въ войнѣ только съ Русской силою, а не съ Русскою красотою.

Сафьянный бокалъ летѣлъ изъ рукъ въ руки; дамы кусали губы и перешептывались, а застѣнчивая Варвара раскланивалась, не подымая глазъ и пылая истинно, какъ роза. Казалось, она просила пощады, а не торжества.

— Нельзя ли къ этому здоровью прибавить здоровье пана ротмистра? спросилъ хорунжій, полушутя.

— Это не отъ меня зависитъ, отвѣчалъ тотъ строго, но со вздохомъ, поцѣловавъ руку у прекрасной своей сосѣдки. Варвара не знала,

куда дѣваться; двѣ крупныя слезы сверкали на ея рѣсницахъ, высоко вздымалась полная грудь. Левъ любовался ею, думая: она прелестнѣй обыкновеннаго, если она можетъ быть прелестнѣе.

Не трудно угадать, въ какомъ волненіи находился тогда князь Серебряной: иглы текли у него по жиламъ — ревность душила сердце. Онъ говорилъ не думая, отвѣчалъ не внимая; ему казалось — онъ поглащаетъ пламя въ винѣ, предложенномъ отъ соперника;— совсѣмъ тѣмъ жадно прильнулъ онъ устами къ башмачку той, которую любилъ такъ горячо. Едва владѣя собою, онъ спросилъ Солтыка: развѣ есть что нибудь положенное между молодымъ Колонтаемъ и плѣнницею?

— Навѣрно не знаю, но кажется, свадьбы не миновать. Отецъ и мать любятъ сына до безумія, и что онъ вахотѣлъ — то свято. Конечно за ней нельзя ждать приданаго, но она изъ старинаго дворянскаго дома, а главное, что Левъ въ нее влюбленъ по уши . . . только ею бредитъ во снѣ и на яву.

— Но любятъ ли его взаимно? произнесъ Серебряной, едва переводя дыханіе, между тѣмъ быстрыя краски измѣняли его лицо, то пылающее, то блѣдное.

— Прошу извинить, панъ Ярмиръ — голо-

ва у ней не хрустальная, и я не могъ видѣть ея мыслей. Знаю только, что Левъ молодъ, знатенъ, богатъ, и что должно бы поставить въ заглавіе — хорошъ собою: какое женское сердце не увлечется четверкою такихъ достоинствъ? Кромѣ этого, она обязана ему благодарностію: попеченіемъ Льва, она живетъ здѣсь не хуже принца Максимиліана въ Красномъ-Ставѣ, въ плѣну у Замойскаго. Не то, ей бы плохое было житье и отъ самаго старика, который ненавидитъ Русскихъ за то, что они упорны, и отъ нашихъ дамъ, которыя не прощаютъ красотѣ предпочтенной.

Такія вѣсти заставили князя повѣсить голову. Между тѣмъ бесѣда становилась шумнѣе и шумнѣе: молодые паны покинули свои мѣста и опершись на спинки дамскихъ стульевъ, въ полголоса говорили любезности. Старики подогрѣтые виномъ, толковали о политикѣ.

— А что, панъ Маевскій, жалѣютъ ли Русскіе нашего королевича? спросилъ у Серебрянаго староста Кресславскій: вѣдь они сами звали его на престолъ!

— Иногда люди *желаютъ* неизвѣстнаго; но *жалѣть* неизвѣстнаго невозможно, скромно отвѣчалъ князь.

— А кто виноватъ, если они отказались отъ него? . . . самъ королъ нашъ. Когда бы

не позавидовалъ сыну, такъ Русская корона не ушла бы у него въ лѣсъ, какъ заяцъ, сказалъ хозяинъ.

— Сомнѣваюсь, что бы Русскіе потерпѣли надъ собой иноплеменнаго царя: Татарское владычество увѣковѣчило въ нихъ ненависть ко всему, что не Русское. Владислава призывали на царство только нѣсколько честолюбцевъ.

— Просты же остальные бояре, право, просты: неужели не смыслятъ они, что чужеземнаго царя легче держать нашему брату въ лапкахъ?

— Московскій царь властвуетъ не для однихъ магнатовъ, а для всего народа; а народъ хочетъ видѣть въ государѣ отца и кровнаго, а не наемника чужеземца. Теперь всей землей они выбрали себѣ достойнаго царя.

— И мы, кажется, выбираемъ королей не при свѣчахъ. Не такъ ли, панъ староста? Однако, пусть лукавый утонитъ въ бочкѣ Венгерскаго мою душу, если Жигмунтъ не рветъ наши Pacta Conventa на заплатку Шведскихъ своихъ усовъ. Но дай только дождаться новаго сейма — у меня найдется свой Зебржидовскій — онъ грянетъ *непозволямъ*, какъ вѣ-

— Вспоминаютъ ли на Москвѣ нашихъ удальцевъ? спросилъ Солтыкъ.

Лице князя вспыхнуло гнѣвомъ, но онъ умѣрилъ это невольное движеніе. — Поступки полковъ, бывшихъ съ Тушинскимъ самозванцемъ и назѣздники Лисовскаго, были причиною сильной къ намъ ненависти, сказалъ онъ, потупивъ очи.

— Какое намъ дѣло: любятъ ли насъ рыбы, когда мы ѣдимъ ихъ! возразилъ старый Колонтай. Ай, спасибо Лисовскому!

— Кстати о немъ, сказалъ староста: Лисовскому велѣно опять собираться на Москву, и онъ прислалъ сюда Мацѣевскаго, вербовать охотниковъ, разумѣется такихъ удальцевъ, у которыхъ neque res, neque spes bonum (ни добра, ни надежды), завтра онъ будетъ сюда.

— Мацѣевскій! воскликнулъ князь, вспомня, что они хорошо знакомы другъ другу и въ домѣ, и въ полѣ.

— Онъ долженъ быть знакомецъ панскій, сказалъ Левъ Колонтай. Вы оба служили подъ знаменами Жолкевскаго?

Князь отвѣчалъ склоненіемъ головы. Онъ молчалъ, но за то сердце говорило тѣмъ громче. Безумецъ, безумецъ! думалъ онъ: не для того ли, чтобъ побывать на свадьбѣ у врага и соперника — жертвуешь ты жизнію и

свободой! не ожидаешь ли ты взаимности отъ дѣвицы, которая тебя не дарить даже воспоминаніемъ! Бѣги, не ожидая новыхъ униженій, новыхъ бѣдъ!

Обѣдъ кончился. Женщины, подстрекаемыя любопытствомъ, окружили мнимаго выходца изъ плѣна, и вѣроятно, желая заманить въ новый. Чтобы отплатить Варварѣ тою же монетою, князь притворился, будто и не замѣчаетъ ее. — Не ищи, и въ тебѣ искать будутъ: правило очень вѣрное только для особъ, щедро одаренныхъ отъ природы умомъ или красотою. И конечно, князь могъ назваться однимъ изъ ея баловней. Польки очень были довольны его отрывистыми отвѣтами, его дикою живостію. Кто понравится женщинамъ, у того и самые недостатки имъ кажутся милыми, самыя ошибки остроумными. Впрочемъ онъ довольно дорого платилъ за расположеніе дамъ: — онѣ замучили его вопросами, предложеніями и приглашеніями.

— Вы вѣрно, панъ Яромиръ, выучились говорить и пѣть по Русски, сказала одна черноглазая дама; спойте намъ что нибудь, у васъ такой чистый голосъ: — это должно быть очень пріятно.

— По крайней мѣрѣ, очень любопытно, примолвила другая.

— Чему быть хорошему на хлопскомъ языкѣ? важно произнесъ панъ староста, для котораго языкъ его крестьянина значилъ не болѣе мычанья быковъ.

— На Руси, почти то же говорятъ о Польскомъ языкѣ, возразилъ Серебряной, хотя, я ссылаюсь на моихъ прекрасныхъ соотечественницъ, — онъ такъ мило звучитъ въ словѣ *кохамъ*, что его нельзя выговорить, не вздохнувши! Я увѣренъ однако же, что и переводъ этого слова: *люблю*, въ устахъ Русской красавицы, показался бы не менѣе сладостенъ и благозвученъ.

Онъ съ жаромъ произнесъ послѣднія слова, устремивъ въ припадкѣ нѣжности очи свои на Варвару, которая одна не приближалась къ нему, одна не заводила съ нимъ рѣчи. Казалось, она вздрогнула, услышавъ слова родныя . . . румянецъ разлился по челу, уста раскрылись, какъ будто для отвѣта, она подняла длинныя рѣсницы свои, и снова опустила ихъ, молча. Князь былъ внѣ себя отъ досады. Но смотря на это, онъ не хотя, долженъ былъ взяться за многострунную цитру, инструментъ, уже знакомый ему по домамъ Польскихъ вельможъ въ Москвѣ, и хорошо играя на гусляхъ, онъ въ нѣсколько перебо*ровъ примѣнился* къ ладамъ ея. Левъ Колон-

Гай взялся вторить ему на флейтѣ, и князь Серебряной, послѣ звучнаго аккорда, запѣлъ заунывную Русскую цѣсню:

Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается, и проч.

Новость ли, или сила выраженія, которою оживилъ князь слова простыя, или, что всего вѣроятнѣе, привѣтливость общества, только громкія рукоплесканія раздались кругомъ, когда онъ кончилъ . . . Но ему лестно было одобреніе лишь одной особы — и этой особы уже не было въ компатѣ.

ГЛАВА V.

За слово, за надменный взглядъ
Рубиться онъ готовъ и радъ;
О прежней дружбѣ нѣтъ помину—
И вотъ на званый поединокъ
Сошлись — товарищи кругомъ —
Поклоны — и мечи крестомъ.

— На два слова, п. Маевскій, сказалъ на ухо князю хорунжій Солтыкъ, и далъ ему знакъ за собою слѣдовать. Когда оба они вышли на крыльцо, Солтыкъ взялъ его подъ руку и быстрыми шагами почти повлекъ изумленнаго гостя въ садъ. Въ безмолвіи пробѣгали они длинныя дорожки, осѣненныя дѣдовскими липами и кленами, на которыхъ нѣсколько поколѣній воронъ невозмутимо пользовались тѣнью и пріютомъ. Когда они были уже въ такомъ отдаленіи, что не могли быть видимы изъ замка, хорунжій остановился.

— Прошу извинить, сказалъ онъ князю, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ объясненія. Я безпокою пана изъ бездѣлицы, но она необходима. Вотъ въ чемъ дѣло: я ужъ давно зубы грызу на Войдзевича, за то, что онъ отсудилъ при раздѣлѣ имѣнія моего дяди лучшую долю дальнему родственнику, и что хуже всего, отбиваетъ у меня ласки пани Ласской. Сегодня за обѣдомъ дошло до расчету — и теперь мнѣ надобенъ товарищъ. Надѣюсь, что какъ родовитый шляхтичъ и добрый воинъ, панъ Яромиръ удостоитъ промѣнять за меня пару другую сабельныхъ ударовъ. Я могъ бы просить Колонтая, да совѣстно отрывать его отъ коханки, а кромѣ его насъ только двое здѣсь изъ коронной службы, и такъ могу ли?

— Я готовъ охотно служить рукой и волей пану хорунжему и очень благодаренъ за довѣренность, отвѣчалъ князь, который воображалъ услышать гораздо грознѣйшія вѣсти. Не нужно ли пригласить сюда пана судью?

— О нѣтъ, напрасная забота, панъ Яромиръ! мои рѣчи заставили его взять эту обязанность на себя. Онъ сей-часъ будетъ сюда — съ товарищемъ, и у меня страхъ чешется рука напечатать на лбу этого ходячаго Литовскаго статута, свое имя красными букса-

Противники приближались. Войдзевичъ выбралъ товарищемъ толстяка Зембину, и всѣ, свернувъ съ дорожки, пошли вправо чащею: впереди двое враговъ по чувствамъ, сзади двое по случаю.

— Очень радъ утвердить новое знакомство дракою, сказалъ Зембина, подавая князю руку: но между нами будь сказано, прибавилъ онъ тише, изъ-за чего намъ рубить другъ друга безъ милосердія? Нашъ въ первый разъ видитъ Солтыка, а я не заплакалъ бы по Войдзевичу, увидя и въ послѣдній. Впрочемъ, такъ какъ у насъ никто не отказывается ни отъ обѣда, ни отъ поединка — такъ какъ обычай требуетъ отъ насъ бою и крови — быть такъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ зависитъ порасчастливѣе отвѣшивать удары, чтобы рана не помѣшала аппетиту, потеря котораго, признаться сказать, мнѣ важнѣе всѣхъ судей извѣстнаго свѣта.

Откровенность Зембины очень понравилась князю. — Отъ души согласенъ на предложеніе, отвѣчалъ онъ, смѣючись; я не имѣю противъ п. Зембины ни какой личности, и очень радъ хоть каплей ума смягчить безразсудный обычай.

Небольшая тѣнистая поляна, заслоненная густыми деревьями, была, какъ нарочно, ус-

строена для свиданій любви и чести, или по крайней мѣрѣ для того, что величаютъ этими громкими именами. Товарищи указали мѣсто противникамъ, и рядомъ съ ними обнажили и сами сабли. По слову: разъ, два, три! каждый изъ нихъ, топнувъ ногою, ступилъ шагъ впередъ, и сдѣлавъ поклонъ шапками и оружіемъ, скрестили сабли. На нихъ можно было любоваться: гордо, ловко стали они въ позицію, заложа лѣвыя руки за спину и стройной стопой поражая землю, чтобы обмануть непріятеля; и между тѣмъ не сводя очей другъ съ друга, и чуть зыбля рукоятками готовя незапный ударъ — и вотъ какъ лучъ сверкнулъ онъ — но вездѣ клинокъ встрѣчаетъ клинокъ, все злая усмѣшка не слетаетъ съ обоихъ лицъ, все еще звуки нетерпѣнія вырываются сквозь зубы, стиснутыя гнѣвомъ.

— Начнемъ, сказалъ Зембина, закидывая за плеча рукава контуша. Сдѣлавъ нѣсколько выпадовъ, брякнувъ нѣсколько разъ клинками, случаемъ, или умысломъ, только сабля князя, скользнувъ по саблѣ Зембины, разсѣкла ему немного руку ниже локтя.

— Consommatum est (совершилось)! произнесъ онъ съ комическою важностію. Много одолженъ, панъ Маевскій: злотъ, который мнѣ заплатить за кровопусканіе — теперь въ

карманъ. Пускай платокъ пропитается кровью, прибавилъ онъ князю, который заботливо перевязывалъ его рану — это завидный цвѣтокъ для нашего брата героя — я увѣренъ, что къ нему слетятся паненки, какъ бабочки.

Какъ ни хвалился хорунжій удальствомъ, но судья былъ если не искуснѣе, то гораздо хладнокровнѣе его въ шпажномъ дѣлѣ, и такъ умѣлъ раздражить противника, что онъ, думая только о нападеніи, забылъ закрываться. Выманивъ неосторожный ударъ, судья однимъ движеніемъ руки отразилъ его и рубнулъ въ открытое плечо Солтыка. Сабля раненаго выпала изъ обезсилѣвшей руки; онъ зашатался.

— Упадаю къ ногамъ панскимъ, сказалъ Войдзевичъ, раскланиваясь съ самодовольною улыбкою.

— Лежу у вашихъ, отвѣчалъ полунасмѣшливо, полужалобно Солтыкъ, у котораго никакое положеніе не могло отнять веселости и охоты играть словами.

— Однако моя сабля такъ иззубрена, примолвилъ судья, что мнѣ въ слѣдующій разъ придется пилить своего противника. — Благодарю за честь, господа.

Войдзевичъ удалился, хладнокровно крутя усы и напѣвая:

Польша богата всякимъ добромъ;
Польша славна и мечемъ и перомъ!

— Неспосный хвастунъ! сказалъ Солтыкъ, крехтя подъ перевязкою.

— Въ этотъ разъ ему есть чѣмъ хвалиться, проуча такого лихаго рубаку, каковъ Солтыкъ, возразилъ Зембина. Теперь не только онъ самъ, да и клипокъ его выростетъ двумя вершками.

— Не его ужѣнье, а моя ошибка всему виною.

— Да что жъ такое ужѣнье, какъ не мастерство пользоваться чужими ошибками! Какъ ни говори, а придется пану хорунжему сидѣть въ углу цѣлую недѣлю, не танцуя даже Польскаго!

— Да и ты, кажется, съ обновкою, панъ Зембина?

— Бездѣлица, сущая бездѣлица, небольше крови, какъ на подписку имени, когда я вздумаю заложить душу за бочку Венгерскаго.

Хорунжій, встрѣтя своихъ людей, отблагодарилъ товарищей за участіе, и, поддерживаемъ ими, отправился въ свою комнату для покоя и леченья.

Князь Серебряной былъ весьма доволенъ, что его на время оставили одного съ самимъ собою. Сомнѣніе и безпадежность, ревность и надежда попеременно волновали его душу; множество нежданыхъ чувствъ и происшествій въ теченіе одного дня — утомили его; онъ видѣлъ и опасность, надъ нимъ висящую, но будто потерялъ волю избѣжать ея удаленіемъ. Такъ въ страшномъ снѣ мы видимъ порой, будто лютый звѣрь гонится за нами, и не можемъ оторвать ногъ отъ земли; будто незримая сила влечетъ насъ къ пропасти, сердце замираетъ — и нѣтъ силъ остановиться!

Не зная, куда и зачѣмъ, шелъ Серебряной по бережку небольшаго озера, къ которому примыкалъ садъ. Едва протоптанная стезя завела его на длинный мысъ, далеко впадающій въ озеро. Плакучія березы клонили зыбкіе своды до корней своихъ, и лучи солнца, просѣваясь черезъ сѣть зелени, сыпались блестками по влагѣ. Мирно лежало озеро въ берегахъ своихъ... посреди его недвижно плылъ лебедь, будто созерцая небосклонъ, отраженный водами — подобіе чистой души надъ безмятежнымъ моремъ думъ, въ коихъ свѣтлѣетъ далекое небо истины.

Въ какомъ бы состояніи ни былъ человѣкъ, въ какой бы вѣкъ онъ ни жилъ, но больше

или менѣе, только всегда, природа имѣетъ на него вліяніе или посредствомъ тѣла на духъ, или чрезъ умъ на чувства. Нахмуренъ, стиснувъ руки на груди, глядѣлъ князь на природу окрестную, — и тишина и свѣтлость ея, по немногу проникли до его сердца: оно, какъ почной цвѣтокъ, развернулось росѣ утѣшенія, но утѣшенія, смѣшаннаго съ горечью. Никогда сильнѣй не чувствуешь одиночества, какъ взирая на прелесть творенія; такъ бы и хотѣлось, прижать милую къ груди, сказать: посмотри, какъ это прекрасно! или, склонясь на плечо ея, безмолвно любоваться ея наслажденіемъ! Но его нѣтъ, если нѣтъ раздѣла — и то чувство, которое могло бы стать счастіемъ, превращается въ глубокую грусть.

— Гдѣ ты, милая? подумалъ князь со вздохомъ — онъ поднялъ очи, и что жъ? въ десяти шагахъ отъ него, подъ врачною елью, на дерновой скамьѣ, сидѣла Варвара. Она была въ глубокой думѣ; въ отуманенныхъ печалью глазахъ ея сверкали слезы: она походила на лилію, спрыснутую вешней росою. Сомнѣніе, досада, ревность — все исчезло для князя; тонкое пламя проникло его существо — онъ видѣлъ только ее, только она существовала для него въ цѣломъ мірѣ — ему казалось, онъ видитъ ее снова впервые.

— Варенька! милая Варенька! вскричалъ онъ невольно.

Она вздрогнула, вскочила, нѣсколько мгновеній стояла въ нерѣшимости изумленія, и съ радостнымъ восклицаніемъ: ты ль это, князь Степанъ? рыдая, упала къ нему на грудь.

Серебряному казалось, что все это происходило во снѣ. Милую ли прижималъ онъ къ сердцу, для котораго уже считалъ ее погибшею? Ему ли растворились вновь двери надежды и радости?

Варвара пришла въ себя, вырвалась изъ объятій юноши, но чело ея не горѣло румянцемъ — на немъ сіяло одно безмятежное удовольствіе. Она сѣла рядомъ съ Серебрянымъ и долго смотрѣла на него.

— Князь, сказала она наконецъ, я встрѣтила тебя не только, какъ одноземца, но какъ родственника, какъ брата! Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ я похищена изъ отчизны, лишилась матери, забыта родными, не вижу Русскаго лица, не слышу голоса одноземцевъ. Князь, я одного тебя знала хорошо въ Москвѣ — ты любилъ водить рѣчь съ неопытною дѣвушкою, и я часто вспоминала тебя на чужбинѣ; но если бъ и чужой и вовсе незнакомый повстрѣчался мнѣ, я бы рада была ему,

тебя, но видя эту одежду, слыша ложное имя — страшилась малѣйшимъ движеніемъ измѣнить невѣдомой мнѣ тайнѣ; но когда ты запѣлъ Русскую пѣсню, примолвила Варвара съ умиленіемъ — сердце во мнѣ закатилось — я убѣжала сюда поплакать — и назвавъ меня семейнымъ именемъ, ты обновилъ всю старину въ моей памяти: прежнія радости и печали, святую Русь и мою волю дѣвическую — мнѣ казалось, что голосъ матери зоветъ меня, что я опять дома и на родинѣ!

— Я пришелъ возвратить тебѣ родину и тебя отечеству! . . . сказалъ до слезъ тронутый князь.

— Сладокъ для Русской души голосъ и разумъ рѣчей твоихъ — онѣ обѣщаютъ свободу — но, ради Бога, будь осторожнѣе, скрытнѣе: Левъ Колоптай подозрителенъ . . . онъ силенъ и грозенъ!

— Хотя бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ левъ, я и тогда исхитилъ бы тебя изъ когтей его. Но теперь время не словъ, а дѣлъ. Варвара! хочешь ли ты бѣжать отсель этой ночью?

— Въ эту ночь весь домъ будетъ на ногахъ, готовясь къ завтрашнему дню рожденія хозяйки . . . Прошу тебя: отложимъ все до завтра; замѣшательство и хмель праздничный лучше скроютъ побѣгъ нашъ.

— Располагай мною, как Богъ внушилъ разуму — однако, мнѣ кажется, замедленье умножитъ опасности, хотя и удалитъ нѣкоторыя препятствія. Назначенный стрѣлецкимъ головою въ Опочку, я считалъ тебя плѣнницею Жеготы и въ прошлой ночи сдѣлалъ набѣгъ на село панцерныхъ дворянъ, разграбилъ его — и обманутый въ своей надеждѣ, рѣшился подъ видомъ Поляка добраться сюда, чтобы хоть головою своей выручить тебя изъ неволи!

— Ты сдѣлалъ набѣгъ! О князь, у меня нѣтъ словъ выразить благодарность — и страхъ за тебя . . . Колонтай ненавидитъ Русскихъ, Польша въ войнѣ съ Москвою — и ты, наѣздникъ, ты здѣсь, посреди враговъ! о бѣги, удались, покуда есть еще время!

— Мнѣ бѣжать? Мнѣ покинуть тебя? Скорѣе домъ Колонтая двинется ко Пскову, чѣмъ я одинъ отсюда. Для того ли я нашелъ тебя, чтобы потерять вдвойнѣ?

— Но тебя могутъ узнать, открыть, прежде нежели мы найдемъ случай къ общему бѣгству . . . и ты, не спасши меня, прибавишь мнѣ къ печали раскаянie, что я была виной твоей гибели — удались, — оставь меня моей горькой участи!

Сомнѣнія князя обновились.

— Варвара Михайловна! сказалъ онъ мрачно: я не понимаю тебя. Одно средство предстоитъ тебѣ увидѣть родину — это моя помощь — и ты хочешь удалить ее?

— Я не хочу купить свое освобожденіе цѣною твоей крови.

— Или, быть можетъ, тебѣ мило плѣнничество!

— Князь, князь! ты не произнесъ бы этого, если бъ зналъ, каково птичкѣ и въ золотой клѣткѣ; какъ много песку въ даровомъ хлѣбѣ чужеземца! Богъ видитъ, превратилось ли во мнѣ сердце Русское!

— Варвара Михайловна! дозволь мнѣ одинъ вопросъ: любишь ли ты Льва Колонтая?

Варвара потупила очи и молчала; но румянецъ, проступившій даже на высокой шеѣ, доказывалъ, какъ волновалась кровь ея.

Князь Серебряный повторилъ вопросъ свой.

— Онъ стоитъ любви, отвѣчала она твердо и спокойно; только его великодушію обязана я минутами покоя и радости въ враждебной землѣ этой.

Страшно было лице князя. — Прямо и беззавѣтно прошу сказать, любишь ли ты Льва Колонтая? произнесъ онъ.

— Въ такіе ли часы говорить о любви? отвѣчала Варвара, слыша, что многіе голоса

призывали ее по саду: если не удастся нам[illegible]
поговорить о дѣлѣ сегодня, — то завтра узна[illegible]
ешь все — и мое рѣшенье, и мое сердце.. —
Да спасетъ тебя ангелъ хранитель!

Она мелькнула, какъ тѣнь, и скрылась от[illegible]
изумленныхъ взоровъ князя Степана.

Онъ не зналъ, что и думать о загадочныхъ[illegible]
словахъ Варвары: то они казались ему выра-[illegible]
женіемъ дѣвической робости и стыдливости.[illegible]
то признаніемъ въ склонности къ сопернику.[illegible]
Самолюбіе стояло за первое, ревность утверж[illegible]
дала другое. Во всякомъ случаѣ онъ былъ[illegible]
влюбленнѣе, нежели когда нибудь, и Варвара[illegible]
казалась ему тѣмъ прелестнѣе; но какъ ни[illegible]
старался онъ приблизиться къ ней наединѣ ——
старанія его цѣлый вечеръ оставались безу-[illegible]
спѣшны. Только среди толпы другихъ гостей[illegible]
могъ онъ говорить съ нею, и лишь нарѣдка[illegible]
украдкою брошенный взоръ участія награж-[illegible]
далъ его за скуку, притворяться веселымъ.

Когда послѣ ужина въ отведенной ему ком-[illegible]
натѣ онъ увидѣлся съ Зеленскимъ на просто-[illegible]
рѣ, опасенія его усилены были разсказомъ сего[illegible]
послѣдняго, что въ корчмѣ, куда приглашалъ[illegible]
онъ новыхъ своихъ товарищей и знакомцевъ ——
прислужниковъ Колоптая, встрѣтился онъ съ[illegible]
какимъ-то забіякою шляхтичемъ, который дер-[illegible]
знулъ утверждать безъ стыда и совѣсти, что[illegible]

въ Пинскѣ, въ городкѣ, названномъ отчизною князя, никогда не бывало Маевскихъ. Правду сказать, онъ былъ очень пьянъ и словамъ его мало давали вѣры. Но онъ можетъ протрезвиться и распустить такія вѣсти далѣе. Кромѣ того, Зеленскій замѣтилъ, что Колонтай говорилъ что-то на ухо своему конюшему, и тотъ не выпускалъ князя изъ виду; что нѣсколько человѣкъ бродили кругомъ его, когда онъ прогуливался; наконецъ опасливый стремянной далъ замѣтить боярину, что узкое окно его спальни было съ рѣшеткою, а дверь дубовая съ толстыми засовами и пробоями.

— Такъ ты думаешь, что мы открыты? сказалъ князь, улыбаясь.

— По крайней мѣрѣ подозрѣваемы, отвѣчалъ стремянной. И задалъ коняхъ овса, примолвилъ онъ будто мимоходомъ.

— Пусть ѣдятъ на здоровье: въ эту ночь мы не потревожимъ ихъ, и чуть держусь на ногахъ отъ безсонницы, и если кто вздумаетъ нарушить покой мой — тотъ дорого заплатитъ за дерзость.

Говоря это, князь положилъ свои пистолеты на стулъ, а саблю подъ подушки, и только снявъ верхнее платье, кинулся въ постель. Зеленскій былъ осторожнѣе; онъ пригромоздилъ къ дверямъ длинный столъ и растянулся

ГЛАВА VI.

«Ихъ вѣра — въ колокольномъ звонѣ,
Ихъ образованность — въ поклонѣ.»

Съ Польскаго.

Ненастно было утро, и утомленный князь проспалъ бы долѣе обыкновеннаго подъ однозвучный ропотъ дождя, если бъ Зеленскій не разбудилъ его извѣщеніемъ, что пора итти къ завтраку, напоминая притомъ, чтобы онъ приготовился привѣтствовать хозяйку съ днемъ ея рожденія. Князь встрепенулся, освѣжилъ себя водою, расчесалъ кудри на буйной головушкѣ, нарядился молодцемъ, и по пословицѣ: утро вечера мудренѣе, гораздо покойнѣе разсуждалъ о томъ, что случилось, и смѣлѣе пошелъ навстрѣчу тому, что могло случиться. Всѣ гости собрались уже поздравлять пани Колонтаеву и шумѣли вокругъ нея, какъ медоносныя

пчелы въ кругу запертаго улья. Въ огромныхъ фишбейнахъ, въ высокомъ кружевномъ чепцѣ, она жеманно поворачивалась на деревянныхъ каблучкахъ, отвѣчая на всѣ желанія и привѣтствія, которыя имѣютъ удивительное свойство никогда не изнашиваться, и приходиться ко всякому лицу. Отдавъ свою пошлину хозяйкѣ и раскланиваясь дамамъ, князь замѣтилъ, что на лицѣ Варвары разлита была какая-то блѣдная томность, и она отвѣчала на вопросные взоры его столь нѣжно укорительнымъ взоромъ, что онъ готовъ былъ на колѣнахъ просить прощенья въ своей вчерашней подозрительности.

Старикъ Колоптай любилъ шутить, и любилъ еще болѣе, чтобы смѣялись, когда онъ замѣревался смѣшить. Разумѣется, потворствуя его слабости, догадливые обыкновенно хохотали прежде, нежели онъ успѣлъ разверить ротъ.

Поздравляю дамъ съ первою погодою, сказалъ онъ, грибы въ лѣсу и лестные привѣты въ гостиныхъ отъ дождя сильнѣй высыпаются: теперь молодежь прильнетъ къ вамъ на весь день!

— И не мудрено, возразилъ Солтыкъ: прекрасный полъ наше солнце.

Много чести, панъ хоружій, и еще боль-

ше заботы. Довольно съ насъ быть скромными цвѣтами, которые живитъ и краситъ солнце, нежели самымъ солнцемъ, на которое ропщутъ не рѣдко и за то даже, что отъ него загараютъ, сказала Варвара.

— Я бы готовъ стать Арабомъ, лишь бы приблизиться къ пылкому свѣтилу, сказалъ Войдзевичъ, взглянувъ на даму, подлѣ которой сидѣлъ онъ.

Ласковая улыбка была ему отвѣтомъ.

— Для мотылька довольно и свѣчи, чтобъ ожечься, возразила панна Ласская, поглядывая на эту чету и желая, какъ говорится, однимъ камнемъ убить двухъ воробьевъ.

— О конечно, для мотылька довольно и свѣчки, воскликнулъ князь Серебряной, устремя одушевленный взоръ на Варвару — за то орелъ безстрашно глядитъ на лучезарное свѣтило!

— Поберегите свои восковыя крылышки, чтобъ они не растаяли въ чужомъ небѣ, сказалъ Левъ Колоптай сердито.

— Что значитъ: въ чужомъ небѣ, панъ Колоптай? гордо спросилъ князь, — въ любви и въ воздухѣ нѣтъ границъ!

— Въ любви? въ любви, панъ Яромиръ? — это другое дѣло; я не зналъ, что вы уже за-

или такъ далеко! насмѣшливо возразилъ
лодой Колонтай.

— Полноте вамъ летать и трещать по
тру, какъ бумажные змѣи, сказалъ хозяи
взявши подружески за руки обоихъ прот
никовъ. Прошу, господа, сперва позавтрак
— натощахъ не споро и Богу молиться,
уже повозки у крыльца, чтобы ѣхать до
стела.

Гораздо легче сказать, чего не было, не
то, что было за обильнымъ завтракомъ По
скимъ; притомъ, не желая растравлять охоты
ѣдѣ въ тѣхъ, которые еще не кушали, и
желая скучать тѣмъ, которые сыты — я уж
чу о немъ. Вилки перестали уже скрыпѣть
звенѣть по тарелкамъ, рюмки присмирѣ
стояли на столѣ, и языки опять смѣнялись
бы въ работѣ, когда вбѣжалъ покоевецъ
комнату сказать на ухо старому Колонта
что нашъ Жегота проситъ позволенія видѣ
его.

— Прахъ побери этого Жеготу: у него в
все непраздничное лице, ворчалъ хозяинъ;
что же ты сталъ? Зови его сюда . . . вѣ
мнѣ не встрѣчать его на крыльцѣ. Вѣрно
поздравленіемъ подъѣхалъ, старая лиса!

Лекъ потихоньку замѣтилъ отцу, что Жег

та не стоитъ чести быть принятымъ въ хорошемъ обществѣ.

— *Самъ и терпѣть не могу этого подорожнаго разбойника, да человѣкъ-то онъ нужный. Онъ стережетъ мои деревни отъ Русскихъ набѣговъ, и порой посужается деньгами хоть и за адскіе проценты. Да вѣдь мнѣ съ нимъ не дѣтей крестить; плеснулъ ему рюмку водки, да и за порогъ; теперь не на сеймъ собираемся. Здорово, нашъ вахмистръ,* сказалъ онъ входящему Жеготѣ: *какъ живешь, можешь?*

Жеготa былъ здоровый старикъ высокаго роста, широкъ плечемъ и энергиченъ на лицѣ. Подъ орлинымъ носомъ подвѣшены были два огромные уса; сѣрые очи сверкали изъподъ густыхъ бровей — всѣ черты и пріемы выражали дерзость и жестокость, худо скрытыя подъ униженными поклонами и лживыми словами. Изношенный синій кафтанъ его повсе былъ созданъ не для посѣщеній, но за поясомъ заткнутъ былъ пистолетъ, оправленный въ серебро, и широкая Турецкая сабля качалась на боку. Онъ съ ногъ до головы обрызганъ былъ грязью. Чудная его фигура обратила на себя общее вниманіе.

— Ну, что скажешь, сорви-голова? спросилъ съ покровительнымъ видомъ хозяинъ, когда Жеготa обнялъ его колѣно.

— Я едва унесъ свою на плечахъ, Ясневельможный, отвѣчалъ смиренно Жегота, Русскіе наѣхали на наши селенья въ позапрошлую ночь, разграбили, выжгли, угнали скоть, перестрѣляли многихъ панцерниковъ. Панская деревня Тримостье — хоть шарокъ покати.

— Какъ? Русскіе осмѣлились сдѣлать наѣздъ, разграбить мою деревню? Это неслыханная наглость, за это надо ихъ проучить порядкомъ, надо втрое выместить. Да что жъ ты дѣлалъ самъ, панъ Жегота, чего глядѣли твои панцерники? Развѣ даромъ держитъ насъ король на границѣ? Развѣ за тѣмъ даны вамъ преимущества шляхетскія, чтобы вы провозили запрещенные товары, да шильничали по большимъ дорогамъ? Я увѣренъ, что Русскіе по слѣдамъ за тобой ворвались въ наши границы, а твои удальцы — и тягу, привыкши воевать чаще съ карманами, чѣмъ съ лядунками.

— Прошу извинить, ясневельможный; я, правда, былъ на полеванье, только въ другомъ краю, за Великою. Въ Опочку пріѣхалъ новый стрѣлецкій голова, князь Серебряной, и ему-то вздумалось показать у насъ свое молодечество. Я догналъ ихъ уже близъ переправы, но послѣ небольшой перестрѣлки ничего не могъ отбить . . . пріѣзжаю домой —

одинъ головни курятся: сундуки разбиты, старшій сынъ тяжело раненъ. Съ обѣда я поскакалъ сюда просить у пана защиты и помощи — и вчерась бы вечеромъ былъ здѣсь, да на дорогѣ конь палъ, и я верстъ пятнадцать тащился почью пѣшкомъ.

— Это срамъ, это позоръ Полякамъ, я не стерплю этого.

— Не дай въ обиду насъ бѣдняковъ, панъ Колонтай! если имъ будутъ спускать магнаты, такъ они у нашей братьи станутъ хозяйничать какъ въ своемъ карманѣ. Заступись за насъ передъ начальствомъ, ясневельможный — а то пойдешь подальше безъ позволенья, такъ бѣды наживешь!

— Пусть меня убьетъ не бомба, а пивная бутылка, лопнувши, если я съ Русскихъ не возьму за каждую баранью шкурку по кожѣ. Я съ ними разочтусь, раздѣлаюсь!

Многіе шляхтичи кричали: — на Русь, на Русь!

— Назначаю полсотни рейтаровъ съ моимъ ротмистромъ, чтобы вмѣстѣ съ панцерниками ударить на Опочку; понимаешь меня, панъ вахмистръ?

— Гдѣ я пройду лисой, со страху три года курицы не несутся, а гдѣ волкомъ проскачу, тамъ и трава не будетъ расти. Положись на

меня, ясновельможный — найдешь, гдѣ погрѣть руки и въ чемъ вымарать контуши!

— Смотри, Жегота, не положи охулки на руку. Сегодня въ вечеру выступитъ конь, чтобы соединиться съ твоими подъ Люцинонъ — послѣдніе приказы получишь съ паномъ Горжельскимъ.

— Лихо грянемъ! отвѣчалъ Жегота, потирая руки съ злобною радостію; не привести ли вельможному Москаленка для потѣхи?

— Ни медвѣжонка; мнѣ и дома Русскій духъ надоѣлъ. На тебя ужъ давно грызутся судьи и воевода, Жегота; смотри же, если успѣешь за Великой — я тебѣ стѣна; если жъ нѣтъ — такъ нѣтъ, и на глаза не кажись.

— Либо панъ, либо пропалъ, отвѣчалъ атаманъ, раскланиваясь.

— Впрочемъ, господа, сказалъ, успокоясь, хозяинъ: эта вздорная сдѣлка не помѣшаетъ намъ ввечеру потанцовать, а теперь съѣздить въ церковь. Молодежь — охотники до драки, могутъ отправиться ночью и догнать отрядъ

Тяжелыя кареты, линейки и брички потянулись къ костелу черезъ грязное мѣстечко, полунаселенное жидами, дворней и немногими ремесленниками. Неопрятные домишки, казалось, кланялись прохожимъ, или ожидали перваго вѣтра, чтобъ повалиться. Маленькія окошки, заклеенныя бумагою или тряпками, очень походили на глаза съ бѣльмами. Почти нагія жиденята выползали подивиться на долгій поѣздъ, и оборванные жиды снимали не только шляпы, но даже ермолки свои, низменно кланяясь панству, которое не удостоивало ихъ даже взоромъ. У самой церкви колеса брички, въ которой сидѣли князь и Солтыкъ, совсѣмъ утонули въ лужѣ.

— Неужели здѣсь всегда столько воды? спросилъ первый изъ нихъ.

— Сохрани Богъ, отвѣчалъ Солтыкъ. Весной и осенью здѣсь гораздо менѣе воды, но за то втрое болѣе грязи.

— Прекрасное утѣшеніе. И этотъ шинокъ противу самыхъ дверей церковныхъ, не очень благонравное сочетанье — тамъ уже звонятъ стаканами, прежде чѣмъ брякнуло кадило.

— Гдѣ панъ Богъ строитъ Свой храмъ, тамъ и лукавый ставитъ свою западню . . . но какъ быть? Колонтаю жидъ платитъ откупъ

за корчму, а добрые католики грѣются въ ней, озябнувъ въ церкви, или освѣжаются, когда тамъ жарко.

— Недалекъ же, только трудепъ переходъ изъ ада въ рай.

— Да изъ этого чистилища не вытащатъ одни молитвы.

Колокольный звонъ встрѣтилъ Колонтая на паперти, и высыпавшій народъ низко кланялся и раздавался врозь, когда онъ важно пошелъ въ средину. Казалось бы, у Престола Всевышняго человѣкъ долженъ былъ забыть, или по крайней мѣрѣ умѣрить гордость свою: напротивъ, онъ выказываетъ ее въ храмѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Подлѣ креста Спасителева онъ воздвигаетъ кудрявые гербы, пышные балдахины, богатыя сѣдалища. Неприступныя перила отдѣляютъ и отличаютъ его отъ собратій — онъ и тутъ не хочетъ казаться человѣкомъ. Бѣгущіе впереди Колонтая двое пажей съ копнякомъ и молитвенникомъ не слишкомъ вѣжливо толкали дробныхъ шляхтичей, комисаровъ и экономовъ съ дородными ихъ супругами и вертлявыми дочками, и безъ всякаго вниманія наступали на крестьянъ и крестьянокъ, которые въ набожномъ углубленіи, не внемля шуму пріі-

тада, лежали на полу крестомъ, распростерши руки.

Сиповатые органы прогремѣли и началась служба. По окончаніи обѣдни патеръ удостоилъ прихожанъ Латинскою проповѣдью, которая безъ сомнѣнія была превосходна, потому что ее врядъ ли кто понялъ, не исключая и самаго проповѣдника. Большая часть дворянства, не смотря на необходимое изученіе Латинскаго языка, не больше понимала его, какъ настоящіе Турки Арабскій, и нѣсколько десятковъ заученныхъ пословицъ, прибаутокъ, рѣченій изъ историковъ или судейскихъ выраженій, составляли всю премудрость знаменитаго штяхетства Польскаго.

Всѣ почтенные сосѣди, неуспѣвшіе пріѣхать ранѣе, собрались въ церковь и, какъ водится, приглашены были въ замокъ. Званый обѣдъ продолжался чуть не до завтра, со всѣми причудами того времени, и какъ ни привыченъ былъ князь Серебряный къ долгимъ имянинымъ обѣдамъ на родинѣ, только этотъ показался ему длиннѣе ноябрской ночи.

Намѣренье Жеготы по долгу отзывало его въ Опочку — и немедленно; желанье выручить Варвару удерживало здѣсь по серд-

— Это значитъ, что панъ Левъ заслоняетъ мнѣ дорогу!

— Дорога широка, панъ Маевскій!

— Не шире моей сабли! съ запальчивостью вскричалъ князь.

— И вѣрно не долѣе моего терпѣнія. Завтра утромъ мы помѣряемся клинками!

— Зачѣмъ же не теперь, не сей часъ?

Оба схватились за рукояти сабель.

Ради меня, ради Бога, оставьте вашу ссору! воскликала по-Русски блѣдная, трепетная Варвара, кидаясь между ними; но противники не переставали грозиться другъ на друга.

— Пали! раздалось изъ ближней комнаты . . . выстрѣлъ грянулъ, и перепуганныя дамы разбѣжались во всѣ стороны — жена стараго Колонтая съ крикомъ упала на полъ.

— Помогите ей, помогите! шумѣли дамы; мужчины съ изумленіемъ толпились около . . . Левъ Колонтай, поблѣднѣвъ, кинулся къ матери; суматоха была невообразима.

— Безразсудный! произнесла Варвара торопливо Серебряному: ты накликаешь на се-

бя новыя опасности — но я рѣшилась . . . ровно въ десять часовъ я буду въ саду у старой башни. Сказавъ это, она мелькнула въ кругъ женщинъ, суетившихся около хозяйки. Всѣ спрашивали — никто не зналъ причины выстрѣла.

ГЛАВА VII.

Я ль не изведалъ на вѣку
Любови терпія и розы,
Ея восторгъ, ея угрозы,
И гнѣва знойную тоску
И нѣги сладостныя слезы!

Между тѣмъ старый Колонтай, стоя на порогѣ, хохоталъ такъ усердно, что брюхо его волновалось, какъ парусъ. Ему вторилъ нашъ староста и еще нѣсколько человѣкъ стариковъ: Венгерское плескалось изъ рюмокъ, которыя держали они въ рукахъ, — все общество дивилось, что тутъ находятъ они смѣшнаго!

— Каково попалъ? каково умѣтилъ? восклицалъ хазяинъ. Не безпокойтесь, пани и паны — у жены моей отстрѣлитъ только деревянный каблучокъ . . . мой глазъ не старѣется . . . мы еще затянемъ кой-кого за поясъ, нашъ староста?

— Чудесная выдумка! уморилъ со смѣху, панъ Станиславъ! приговаривали сверстники хозяина.

Въ самомъ дѣлѣ, когда увѣрились, что страхъ былъ напрасенъ и мнимая рана ограничивалась однимъ каблукомъ, смѣхъ сталъ всеобщимъ. Мужчины не могли надивиться изобрѣтательности хозяина, чтобы въ комнатѣ и посреди танцевъ выказать удаль въ стрѣльбѣ; и многіе дали слово повторить эту милую шутку при первомъ удачномъ случаѣ. И точно съ тѣхъ поръ обычай отстрѣливать дамскіе каблуки велся въ Польшѣ до нашихъ дней. Исторія умалчиваетъ, нравилась ли эта выдумка прекрасному полу, и всегда ли бывали цѣлы ихъ ноги — только то достовѣрно, что кавалеры полюбили ее до такой степени, что приноровили даже къ жмуркамъ, особенно подъ вдохновеніемъ Венгерскаго. Завязавъ глаза одному изъ товарищей и давъ ему въ руки заряженный пистолетъ — всѣ прочіе бѣгали кругомъ и хохотали, когда онъ промахивался; но случалось, что пуля мѣтко пятнала непроворныхъ.

Не находя веселья въ шумныхъ забавахъ праздника, и преданный грызеніямъ ревности, Левъ Колонтай, по виду Варвары, одинокъ и *сумраченъ*, бродилъ по заламъ замка. Будучи

цимъ изъ красавцевъ своего округа, однимъ
ъ самыхъ любезныхъ мужчинъ при дворѣ
игизмунда, куда порою являлся онъ, Левъ
лъ однако жъ нелюдимаго права, хоть и
чуждался свѣта. Страстный по природѣ,
ажный по призванію, пламенный патріотъ
долгу, онъ во всемъ былъ обманутъ суще-
стью, или лучше сказать, собственнымъ во-
раженіемъ, которое рисовало ему земные
едметы небесными красками. Горько было
и его счастія и самолюбія обнять испе-
епныхъ скудельныхъ идоловъ вмѣсто высо-
къ существъ, созданныхъ его мечтою. Лю-
ное пустословіе, расточаемое безъ чувства
пріемлемое безъ вѣры, непостоянство жен-
нъ и легкомысліе мужчинъ въ любви, ко-
ая для ума стала дѣломъ, а для сердца
рушкою, отвага безъ повиновенія въ полѣ
безъ скромности дома — скоро ему наску-
ли. Нестерпимое невѣжество дробной шлях-
, и дерзость магнатовъ въ народныхъ со-
аніяхъ, низкіе происки при дворѣ для по-
ченія коронныхъ мѣстъ и потомъ неуваже-
е къ королю, потому что мѣста сіи были
отъемлемы; хищность на чужое добро и
сточительность на собственное, наконецъ
ои выгоды всегда впереди блага отчизны,
крытыя подъ ненавистной личиною ложнаго

патріотизма — все это породило въ немъ какъ-то презрѣніе и недовѣрчивость къ людямъ. Онъ не умѣлъ вовсе разлюбить ихъ — но уже не могъ уважать — и это чувство проливало на всѣ его дѣла, на всѣ поступки, странный отблескъ добросердечія и насмѣшливости, обходительности и гордости.

Встрѣча съ Варварою въ домѣ отца, произвела сильное впечатлѣніе на душу свѣтскаго нелюдима. Онъ привыкъ къ остроумію и къ красотѣ женщинъ, но простота, но младенческая искренность, соединенная съ свѣтлымъ умомъ, была для него утѣшною новостью. Увѣренный въ себѣ, онъ приблизился, чтобы ее разсмотрѣть какъ мудрецъ, и кончилъ тѣмъ, что влюбился какъ юноша. Въ ея чувствахъ онъ, казалось, находилъ отраженіе своихъ мыслей — онъ увѣрился, что она способна любить, подобно ему, постоянно, глубоко. Тяжко бы ему было сознаться въ истинной страсти какой нибудь изъ блестящихъ красавицъ своихъ; по существу, столь беззащитно прекрасному, чувства свои онъ почиталъ долгомъ священнымъ. Обязывая другихъ, мы къ нимъ привязываемся невольно, и Левъ, объявя себя рыцаремъ дѣвушки, похищенной изъ семейства, изъ родины, преданной, огорченной — старался вниманіемъ своимъ, своею

братскою попечительностію сгладить съ ея памяти всѣ недостойные поступки, всѣ случайныя и умышленныя огорченія, отъ своихъ родныхъ, отъ наглой прислуги и ревнивыхъ сосѣдокъ.

Сказать, что семнадцатилѣтняя дѣвушка, брошенная судьбою въ чужой край, между враговъ отечества — осталась равнодушною къ человѣку, который сталъ ей не только покровителемъ, но воспитателемъ, совѣтникомъ, другомъ нѣжнымъ, было бы по крайней мѣрѣ сомнительно. Варвара была свободна сердцемъ: вниманіе князя Серебрянаго началось къ ней еще въ такомъ возрастѣ, когда она не могла еще ни понимать, ни отвѣчать на чувства сердечныя; и мгновенныя съ нимъ встрѣчи оставили только въ ея памяти уваженіе къ нему, даже пріязнь, но не болѣе. Напротивъ склонность ко Льву Колонтаю, основанная на долгомъ знакомствѣ и нѣжной признательности, пламеннымъ почеркомъ врѣзалась въ ея душу. Страсти счастливцевъ измѣряются быстролетными часами; страсти злополучныхъ долговременны, потому что сердце несчастнаго, засохшее отъ печали, жадно и глубоко всасываетъ слезы утѣшенія, и ядъ новыхъ бѣдствій.

Неопытная красавица Русская не могла

скрыть отъ своего побѣдителя ни волненій незнакомой ей страсти, ни борьбы ея склонности съ совѣстію. Она равно ужасалась мысли не любить своего благодѣтеля и любить непріятеля, иновѣрца! Набожная и страстная вмѣстѣ, она то увлекала самого Льва своею пылкостію, то оледеняла его раскаяніемъ. Въ то время, когда плѣнительные сны юности, которымъ любимъ мы предаваться, убѣгая отъ разума, рисовали ей радости любви взаимной, счастье любви увѣнчанной — черный призракъ вставалъ предъ очами и мечты разлетались, какъ испуганныя ласточки. Незванное появленіе князя пробудило въ ней засыпающую тоску по родинѣ. Тысячу разъ прежде хотѣла она бѣжать двойной неволи; но страхъ, и скажу ли? можетъ быть любовь, ее удерживали. Теперь сомнѣнія ея исчезли; любовь къ отечеству преодолѣла — помощь однозем-ца подкрѣпила ея колеблющійся духъ, и какъ ни горестна, какъ ни тяжка видѣлась ей разлука съ милымъ, но уваженіе къ Вѣрѣ, ко всему родному и Русскому, ея ранніе обычаи и обычаи громко звали изъ плѣну.

Взоръ Колонтая скоро угадалъ въ князѣ Серебряномъ соперника, и всѣ недовѣрчивыя, всѣ ненавистныя чувства въ немъ воспрянули. Гордый въ самой нѣжности, великодушный

въ самомъ гнѣвѣ, и вспыльчивый въ обоихъ, онъ то вскипалъ ревностью, то опять утихалъ отъ ласковаго слова, отъ яснаго взора любезной. Колеблемъ такими противоположными ощущеніями, пошелъ онъ Варвару въ отдаленной комнатѣ; она сидѣла, подпершись обѣими руками голову надъ столикомъ, и ничего не видѣла, не слышала. Нагорѣвшія свѣчи доказывали, что долго длилась грустная ея дума.

— Панна Барбара не хочетъ видѣть меня, сказалъ Левъ кротко-укорительнымъ голосомъ.

— Я не должна видѣть тебя, Левъ, отвѣчала Варвара, отвращая лице, чтобы скрыть катящіяся по немъ слезы, — я не должна бы любить тебя — о, еслибъ то и другое было въ моей власти!

— И не ужели, жестокая дѣвушка, ты бы могла такъ же легко совершить, какъ пожелать этого?

— Богъ дастъ силы на доброе!

— Доброе? — разорвать союзъ сердецъ, сдѣлать несчастнымъ человѣка, виновнаго только тѣмъ, что онъ любилъ пламенно, и это замышляютъ во имя Бога, Который весь любовь! Барбара, Барбара! если бы сердце твое, хотя въ сотую долю, было проникнуто

моею страстію, никогда бы такой предразсудокъ не нашелъ въ нежъ уголокъ!

— Мужчины привыкли называть всѣ обычаи старины, всѣ священныя правила предразсудками, и часто слабый умъ нашъ увлекается тѣмъ, какъ перо на вѣтрѣ; но въ душѣ есть стражъ неусыпаемый, и порой слышится его голосъ!

— Варвара, ты обижаешь меня, сомнѣваясь только толико безстрастныхъ обожателей. Никогда сердце мое не было колыбелью порока, никогда уста не чернили неправдою. Намѣренія мои чисты, какъ безкорыстна любовь. Сколько разъ умолялъ я тебя рѣшить судьбу мою — умоляю еще разъ: послушайся внушеній сердца и осчастливь меня, себя — не могу вѣрить, чтобы кто инои могъ такъ нѣжно, такъ постоянно любить тебя; такъ желать угодить твоимъ прихотямъ, предупреждать твою волю, такъ умѣлъ бы оцѣнить твои добрыя качества! Скажи, чѣмъ не готовъ я пожертвовать для взаимности, чего не совершу, чтобъ владѣть твоей рукою! . . .

Онъ съ жаромъ схватилъ руку Варвары и съ умиленьемъ смотрѣлъ ей въ очи.

— Милый, добрый другъ мой! отвѣчала она: словами не выразить и не заплатить мнѣ того, чѣмъ я обязана твоимъ попеченіямъ.

Ты усладилъ мнѣ горькіе часы неволи, ты воспиталъ мой умъ — но душа моя развилась на Руси. Ты для меня сдѣлалъ все, что въ силахъ человѣческихъ; но могъ ли ты создать мнѣ родину, могъ ли пересоздать самую меня? Я забыла, что ты чужеземецъ, но могу ли забыть, что я Русская? Холодъ проницаетъ сердце, когда вздумаю, что должна буду навѣкъ отказаться отъ языка моей матери, отъ могилы отцевъ, отъ полей моей родины!

— Тебѣ все мило, кромѣ меня, ледяная душа... но съ тобой — тундры Сибири стали бы мнѣ краше отечества.

— И ты мыслишь, что я могла бы остаться спокойна, лишивъ тебя этого незамѣнимаго сокровища! Нѣтъ, милый Левъ, для твоего счастья, я должна отказаться отъ собственнаго. Твои родные уже заранѣе ропщутъ на бракъ съ чужеземкою; дамы уже острятъ жало насмѣшекъ и клеветы противъ насъ обоихъ. Ты повсюду будешь предметомъ вѣстей и басень.

— И я для пустыхъ звуковъ пожертвую единственнымъ моимъ благомъ на земли, и я за мгновенную благосклонность вѣтреннаго свѣта промѣняю счастіе цѣлой жизни. Неужели, Барбара, я такъ низко упалъ въ твоемъ мнѣніи? ужели такъ мало полагаешь во мнѣ раз-

судка, чтобъ увидѣть ничтожность этого, и такъ мало рѣшительности, чтобы это прервѣть? — Нѣтъ, Левъ Колонтай имѣетъ голосъ сказать свою волю, и мечъ — ее подтвердить!

— Благородный другъ! и капли точутъ камень. То, что было нашъ украшеніемъ въ юности, стан[illegible]о тяжелою цѣпью въ лѣтахъ муж[illegible]орю уже, что моя совѣсть никог[illegible]риться со мною, если я соедин[illegible]рцемъ: знать Богъ не благослови[illegible]а... Но онъ можетъ заградит[illegible]ъ къ высокимъ санамъ Республ[illegible]орые призываютъ тебя твои достоинства и долгъ гражданина... прощу ли я себѣ, что была тому поводомъ!... О, нѣтъ — я была бы тогда несчастна въ самомъ лонѣ счастія!

— Я въ самомъ дѣлѣ начинаю думать, что панна Барбара никогда не любила! Такія тонкія догадки, такіе дальные расчеты! Это ли голосъ взаимности? Таковъ ли языкъ любви? когда для меня всѣ надежды, всѣ блага — весь міръ въ тебѣ одной, — ты заботишься о невѣрномъ будущемъ... Благодарю за эту осеннюю любовь... Кто меня любитъ мало, тотъ меня ненавидитъ.

— Боже великій! должна ли я внимать уко-

ражъ совѣсти за горячность мою къ тебѣ, и твоимъ укоражъ за холодность!! Безразсудный человѣкъ! для того именно, что ты не думаешь о себѣ, я должна о тебѣ заботиться. Женское сердце нерѣдко лучше предчувствуетъ то, что не предусматриваетъ умъ мужей: бракъ со мною навлекъ бы тебѣ на вѣку множество горестей, а мнѣ слезъ . . . Отбрось эту мысль, добрый другъ мой!

Левъ Колонтай растрогался на минуту.

— Барбара, сказалъ онъ: моя доля была видѣть тебя, такъ долго и такъ часто — почему же не всегда? Я лелѣялъ эту надежду, какъ цвѣтокъ — и ты хочешь вырвать ее съ корнемъ — это расторгнетъ мое сердце. Не владѣть тобою — ужасно, но знать тебя во власти другаго — нѣтъ, это выше меня! . . .

— Левъ, я не разлюбила вовѣкъ, кого полюбила однажды; но признаюсь — я бы рада была видѣть тебя счастливымъ съ другою.

— И въ самомъ дѣлѣ ты думаешь, что говоришь? и ты бы могла хладнокровно видѣть меня съ иною! . . . Этого никогда не будетъ: на закаленомъ булатѣ нельзя ничего сгладить, ни начертать! — И пусть вѣдаетъ снисходительная панна Барбара, что я не изъ тѣхъ уступчивыхъ людей, которые спокойно глядятъ, когда соперникъ отнимаетъ у нихъ сча-

стіе, и на чужомъ пиру питаются басиями самоотверженія . . . Слезы? — Женщины расточительны на нихъ и на увѣщанія, потому что ни то, ни другое ничего имъ не стоитъ! Нерѣдко безразсудныя въ своихъ прихотяхъ, какъ благоразумны онѣ въ страстяхъ своихъ, какъ мѣрны в[illegible] какъ витіеваты въ убѣжденіяхъ! [illegible]ютъ онѣ человѣку, готовому [illegible] нихъ жизнію и душою: бу[illegible], будьте разсудительны!

— Но кр[illegible]ьте великодушны! вскричала [illegible]я незаслуженными укоризнами.

— Если на вашемъ языкѣ безчувствіе называется великодушіемъ, я никогда его не достигну.

— О, какъ дорого, Левъ, продаешь ты свои благодѣянія!

— Я, я продаю благодѣянія! я, который никогда и въ пылу страсти не преступалъ твоихъ завѣтовъ, который и въ забытіи восторга не приводилъ въ краску твоей стыдливости! Этотъ упрекъ слишкомъ жестокъ, панна Барбара, для сердца даже притворно любившаго — онъ не твоего созданья. — Эта недавняя скрытность, эта выученная холодность —

кого онъ здѣсь? для чего онъ здѣсь? Онъ былъ долго въ Москвѣ, онъ могъ видѣть, знать, любить тебя, можетъ статься, быть любимымъ! . . . Ваши значительные взоры, волненье, замѣшательство, самыя слезы твои... ужасная мысль. Но знайте, что сердце Барбары можетъ не принадлежать мнѣ — за то рука ея не будетъ принадлежать никому — знайте, что если я умѣю любить страстно, то умѣю страстно ненавидѣть, и этотъ похититель моего блаженства, этотъ скитающійся Маевскій заплатитъ кровью за дерзость!

Предавшись внушеніямъ ревности, Левъ Колонтай совершенно вышелъ изъ себя. Жилы на челѣ напряглись, бѣлыя пятна проступали и скрывались на пылающихъ ланитахъ — съ страшными угрозами мести покинулъ онъ комнату.

— Левъ, выслушай меня, Левъ! воскликала Варвара въ слѣдъ ему, но онъ не внималъ ничему; онъ уже былъ далеко.

Ужели сердца тайный страхъ,
Иль сѣмена грядущей муки?
Ужель предвѣстницей разлуки
Дрожитъ слеза въ твоихъ очахъ?

Вечеринка шла своимъ чередомъ, шумно и весело. Хозяинъ, хлопая въ ладоши, велѣлъ играть музыкантамъ мазурку.

— Польскія косточки и въ гробу запрыгаютъ отъ этой музыки, сказалъ онъ ободряя молодыхъ людей къ танцамъ.

Круги сомкнулись и кавалеры, побрякивая не шпорами, которыхъ на сафьянныхъ сапогахъ не носили, но подковками, загнутыми на закаблучье, пускались то по двое, то по трое съ одной или съ двумя дамами на средину, и снова свивались въ цѣпи, въ круги, въ кресты. Трудно вообразить что нибудь живѣе и живописнѣе мазурки, когда кадриль въ

народномъ костюмѣ и танцующіе соединяютъ искусство съ настоящимъ духомъ народнымъ. Если польской называютъ танцемъ войны, то мазурка танецъ побѣды. Въ ней отпечатанъ нравъ народа болѣе отважнаго, нежели скромнаго, и болѣе пылкаго, чѣмъ чѣжнаго. По смѣлости движеній онъ наиболѣе свойственъ военнымъ, по живости — однимъ юношамъ. Старики, чувствуя это, только окружили танцующихъ, и сверкая очами другъ на друга, да порой притопывая или поводя плечомъ, будто говорили: «Бывало и мы гарцовали!» Многіе изъ нихъ припѣвали куплеты, называемые мазуречками, не имѣющіе между собой никакой связи. Ихъ въ Польшѣ безчисленное множество ходячихъ, кромѣ тѣхъ, которые импровизуются удалыми танцорами при каждомъ кругѣ, и при каждомъ умильномъ личикѣ. На этотъ разъ ограничимся бывшими въ устахъ старика Колонтая.

Молодые Поляки выбирали куплеты понѣжнѣе и позамысловатѣе этихъ, но старой Колонтай любилъ все, что напоминало ему его цвѣтное время, что дышало стариною простотою и удальствомъ напольнымъ.

Князь Серебряной, улучивъ время, когда всѣ ноги, всѣ глаза и всѣ сердца заняты были мазуркою, сошелъ въ низъ, отыскалъ своего Зеленскаго, и отведя его къ сторонѣ въ саду, спросилъ, нѣтъ ли какихъ новостей?

— Покуда, самое хорошее то, что пересталъ дожжикъ, а самое худое, что Маціевскій въ Рѣжицѣ и не сегодня — завтра нагрянетъ сюда. Про тебя, сударь-князь, слухи, будто убитъ въ наѣздѣ!

— Я докажу этимъ сорванцамъ, что я живехонекъ. Отправлены ли рейтары Колонтаевы подъ Опочку?

— Ушли недавно; только они такъ хмельны, что намъ нетрудно будетъ обогнать ихъ; у нихъ въ каждой корчмѣ привалы.

— Тѣмъ лучше . . . мнѣ хоть умереть, а поспѣть домой для отраженія. Я поссорился

съ молодымъ Колонтаемъ, но частныя сдѣлки можно отложить до случая, и потомъ развѣдаться на границѣ; осмотрѣлъ ли ты збрую и оружіе?

— Даже подковные гвозди въ исправности— этотъ прокля . . .

— Тсъ, тише—мнѣ кажется, кто-то мелькнулъ за деревьями:

Оба замолкли прислушиваясь, но все было тихо; лишь остальныя капли падали съ кровли въ лужу.

— Это тѣнь изъ окопъ, сказалъ ободрясь Зеленскій.

— Въ исходѣ десятаго, по моимъ часамъ (князь отдалъ ихъ Зеленскому), ты проведешь коней для насъ и для Варвары Михайловны, за садовой стѣною къ старой банѣ. Я съ нею выйду потихоньку — и помнинай, какъ звали. Надѣешься ли ты все это спровопить незамѣтно?

— Теперь если бы самихъ конюховъ положить въ пушку и выстрѣлить — они и тогда не проснутся: всѣ пьяны, какъ убитые.

— Условный знакъ два свистка; отвѣтъ. — ударъ въ ладоши!

Оба потихоньку прокрались въ разныя стороны.

— Ebbene, uomo di poca fede (ну, что, мало-

вѣрный!) какова женщина? вскричалъ корунжій Солтыкъ, засмѣявшись. Этотъ Мазовскій ляхой чародѣй — онъ въ одинъ урокъ оберпулъ твою суровую красоту, любезный Левъ, около жизница. Право, я хочу проситься къ нему въ ученики!

— Кровь! произнесъ Колонтай, едва внятно; до такой степени гнѣвъ задушалъ его голосъ: коварная обымеръ трупъ своего обольстителя!

— Полно дурачиться, милый другъ! Если бы мстить за каждую невѣрность женъ и любовницъ, такъ нашему Королю пришлось бы набирать Амазонскія дружины, чтобъ воевать съ непріятелями. Послѣдуй лучше моему примѣру: я съ отчаянія глотаю бутылку Венгерскаго, выучиваю новую пѣсню, влюбляюсь снова по уши — и утѣшенъ!

— Но кто этотъ злодѣй? какъ смѣлъ, какъ могъ онъ? . . .

— Это мнѣ самому любопытно узнать, dilecto amico mio (милый другъ мой). Однако жъ здѣсь страхъ сыро для моей раны; притомъ же мнѣ хочется сказать пани Ласской, что она танцуетъ, какъ ангелъ, если ангелы танцуютъ. До зобаченья!

Нѣсколько минутъ стоялъ Колонтай неподвиженъ отъ бѣшенства и огорченія: мстительные замыслы вращались въ головѣ его — на-

конецъ онъ опомнился и тихо возвратился къ дому.

Не предчувствуя грозы, готовой разразиться надъ его головою, князь Серебряной, строя воздушные замки, полонъ надеждою и любовію, поглядывалъ на большіе стѣнные часы, которые, будто Краковская ратуша, стояли въ углу, испещрены фольгою и рѣзьбою. Душа его прильнула къ стрѣлкѣ, и всякой разъ, когда раздавался звонъ четвертей — высоко билось сердце наблюдателя. Уже была половина десятаго, но чѣмъ ближе подходила медленно переступающая стрѣлка къ желанной мѣтѣ, тѣмъ сильнѣе тѣснился страхъ въ грудь его; то хотѣлось ему удалить роковое мгновеніе, то видѣть его далеко за собою. Въ это время онъ замѣтилъ Льва Колонтая подлѣ Варвары въ жаркомъ объясненіи. Казалось, онъ укорялъ ее, она уговаривала его съ нѣжностію ... сомнѣнія снова проникли въ сердце князя и умножили тоску ожиданія. Сложа на крестъ руки и грозно бросая взоры то на Колонтая, то на часы, онъ былъ словно прикованъ къ мѣсту.

— Панъ Яромиръ такъ пристально смотритъ на часовую доску, какъ будто хочетъ на ней

прочесть судьбу свою, сказала ему мамн Ласская, мимоходомъ.

Князь вздохнулъ — мамн Элеонора угадала, отвѣчалъ онъ — время и женщины для меня непонятныя письмена.

— Говорятъ, что время разгадываетъ насъ, а я разгадаю маму времени: оно крылатая саранча, которая то ползетъ, то летитъ летомъ: кто хочетъ поймать ее, тотъ не вѣрь будущему часу!

— Этотъ урокъ для меня напрасенъ, отвѣчалъ князь Серебряной, и видя, что мамн Ласская, не смотря на отговорки Льва, успѣла усадить его за карточный столикъ съ собою, очень доволенъ избавленіемъ отъ опаснаго наблюдателя, — ускользнулъ изъ залы, блистающей огнями, гдѣ тщеславіе и остроуміе, красота и любезность спорили о побѣдѣ.

Стрѣлка всходила на десять. —

Пробравшись до старой башни, князь долго ходилъ взадъ и впередъ, волнуемъ нетерпѣніемъ и опасеніями. Трудно было рѣшить, для какого употребленія выстроена была въ томъ мѣстѣ башня?

Въ старину не помѣщали въ садахъ развалинъ никогда не существовавшихъ замковъ;

не оклеивали мохомъ пещеръ, сбитыхъ изъ сосновыхъ досокъ, и не околачивали ихъ устричными раковинами; а замокъ, казалось, не былъ никогда назначаемъ выдерживать осаду, и примыкающія къ ней садовыя стѣны были очень невысоки и сверху надѣвчаны частоколомъ. Какъ бы то ни было, только вышка этого строенія обращена была въ голубятню, а желѣзная дверь, ведущая внизъ, стояла настежь: по всему видѣлось, что тамъ издавна никто не жилъ. Заглохшія дорожки, мрачно и единообразно обсаженныя липами и дубами, тянулись въ обѣ стороны.

Скоро послышался князю топотъ копей за стѣною.

— *Это мой Зеленскій, подумалъ онъ, не смѣя однако жъ подать голоса. Варвары еще не было.*

Черезъ пять минутъ быстрые шаги кого-то, привлекли его вниманіе; онъ слушалъ, не переводя духа; видѣть было невозможно.

— Здѣсь ли? прошепталъ робкій голосъ, и рука Серебрянаго встрѣтила трепетную руку Варвары. Колонтай такъ страшно преслѣдовалъ меня взорами — скорѣй, скорѣй; спаси меня отъ плѣна, отъ собственнаго сердца.

— Одно слово, Варвара, произнесъ князь, подавъ условный знакъ Зеленскому: одно сло-

отвѣчалъ князь, встрѣчая саблею саблю ..... Блѣдна, какъ мраморъ, рухнула между ними Варвара, потерявъ чувства; но не внимая ничему, кромѣ своего неистовства, они еще злобнѣе схватились надъ тѣломъ ея въ битву. Колонтай нападалъ съ запальчивостію, оглашая воздухъ проклятіями невѣрной и угрозами обольстителю. Князь рубился, молча отъ злобы — и уже кровь текла изъ ранъ обоихъ на несчастную виновницу ихъ ненависти.

Картина была ужасна: Колонтай махалъ саблей и пламенникомъ, пылающимъ въ лѣвой его рукѣ; голуби, испуганные шумомъ и блескомъ, хлопая крыльями, рѣяли вокругъ и натыкаясь на острія, падали, трепеща, на землю. Робкая толпа гостей и слугъ, озаренная зеленоватымъ огнемъ факеловъ, и наконецъ прекрасная женщина, побѣлѣвшая отъ холода смертнаго, распростертая у ногъ сражающихся — все, все наводило трепетъ на сердце. Появленіе отца было поздно для отвращенія кровопролитія — Левъ съ разрубленной головой упалъ къ ногамъ его.

— Спасайся, вскричалъ Зеленскому князь Серебряной, и во что бы ни стало, увѣдомь обо всемъ Агарева. Пусть онъ забудетъ обо мнѣ, пусть только заботится отразить набѣгъ — ни слова болѣе, это послѣдняя моя воля — скачи!

и привязанности, теперь д
ществующихъ, пораженъ от
нуту, когда, казалось онъ
счастія, князь не замѣчалъ,
высокой, суроваго вида му
въ него вглядывался.

— Я не ошибаюсь, сказа
лецъ — князь Серебряной
которыхъ я былъ знакомъ
торыхъ дрался подъ Мос
третьяго дня сдѣлалъ набѣг
цы отъ Оночки!

— Стрѣлецкой голова?
голоса: повѣсить его, как
лазутчика!

Князь медленно, но горд

пробудилъ всю злобу отчаяннаго отца, который напрасно старался привести въ чувство любимаго сына своего. Горесть его превратилась въ ярость и потокомъ проклятій излилась изъ сердца.

— Схватите его, скуйте, бросьте этого самозванца въ самой сырой, въ самой душной погребъ, чтобы оттуда былъ одинъ шагъ до ада, кричалъ онъ, пѣнясь отъ гнѣва. Злодѣй, мало тебѣ было грабить въ землѣ Польской, расхищать мои деревни, губить во мракѣ ночи — нѣтъ, ты дерзнулъ еще вкрасться въ домъ мой, насмѣяться надъ гостепріимствомъ, и наконецъ убійствомъ сына заплатить за хлѣбъ-соль хозяина. Бѣдный Левъ, единственное мое утѣшеніе! кому теперь передамъ я имя Колонтаевъ!!

Старикъ сжалъ руки надъ головою — и рыданія прервали его рѣчи. Но скоро любовь родительская зажгла въ немъ опять воспоминаніе обиды и жажду мести за кровь.

— Но если на старости лѣтъ мнѣ придется лечь во гробъ сиротою, вскричалъ онъ, ты,— Серебряной, ты, убійца моего сердца, моего имени и племени, ты безчестною смертью умрешь на могилѣ, въ которой схоронятъ всѣ мои надежды; ты ляжешь первымъ памятникомъ *моей любви* къ сыну — тогда — тогда,

всегда, живъ онъ или мертвъ, ты все не избѣгнешь погибели; въ этомъ клянусь моей честью и отчизною! Ничто, никто не спасетъ тебя: я не возьму бочки золота за твой выкупъ — ты падешь на жертву моей ненависти, на страхъ всѣмъ врагамъ моимъ. Сорвите съ него Польскую одежду, которую онъ позоритъ, и киньте злодѣя въ эту башню. Шесть человѣкъ часовыхъ мнѣ жизнію отвѣчаютъ за его тѣло, изъ котораго я съ наслажденіемъ вырву душу, завтра!

Во всякомъ состояніи есть низкіе люди, готовые въ радости сердца исполнять самыя безчеловѣчнѣйшія, самыя безчестнѣйшія приказанія торжествующей силы, отравляя насмѣшками побѣжденное несчастіе. Многіе изъ шляхтичей надворныхъ кинулись обрывать и вязать окруженнаго князя; и хотя благородные Поляки съ негодованіемъ смотрѣли на это, но они знали, что противорѣчіе лишь раздражитъ Колонтая — и молчали. Сопротивленіе со стороны князя было бы безразсудно; онъ не произнесъ ни звука, не сдѣлалъ ни одного движенія въ свою защиту — онъ только бросилъ презрительный взоръ на хозяина. Наглые челядинцы грубо втолкнули его въ темный погребъ и со смѣхомъ захлопнули

ГЛАВА IX.

Во мглѣ непробудимой ночи,
Казалось, блещутъ злыя очи,
Внимаетъ влажная стѣна
И что-то шепчетъ тишина!..
Порой лишь капля водяная
Сквозь плитъ холодною слезой,
На мигъ безмолвіе смущая,
На звонкій полъ спадала мой,
Какъ память жизни, воли милой —
Цвѣтущихъ надъ моей могилой.

Медленно течетъ время узника. Князь Серебряной, брошенъ на сырую землю, полураздѣтый, окованный, тоскуя смотрѣлъ на одинокій солнечный лучъ, какъ змѣя ползущій по стѣнѣ. Описавъ полкруга, онъ подымался выше и выше, по мѣрѣ того, какъ западало солнце, сверкнулъ на потолкѣ — и померкъ, будто, звѣзда надежды. Душа, отчужденная отъ міра стѣнами темницы, любитъ утѣшаться ничтожными подобіями счастія, ласкать себя

гаданіями о будущемъ — и огорчена малѣйшею неудачею, случайною мечтою сна: это соломинка, за которую хватается утопающій. Такъ было и съ княземъ: покуда сіялъ ему лучъ дня — онъ будто видѣлъ въ немъ друга, раздѣляющаго съ нимъ скуку заключенія, будто читалъ въ немъ обѣтъ свободы; . . . но когда мраки ранней ночи тюремной охватили его — невольный холодъ пробѣжалъ по членамъ, и мысль о безвременной погибели бросала его то въ ярость, то въ отчаяніе. Неизвѣстность будущаго напрягаетъ душу, какъ тетиву — и малѣйшее прикосновеніе исторгаетъ изъ нея грустные звуки; она дрожитъ, готовая разторгнуться. Но когда къ неизъяснимой скорби неволи присоединено еще ожиданіе смерти, томленіе ревности и раскаяніе въ своихъ ошибкахъ, тѣмъ горестнѣйшее, что оно поздно, то муки нетерпѣнія пронзительны . . . онѣ какъ зубристое жало впиваются въ сердце.

Князю будто слышался голосъ духа искусителя: ты не любимъ — она въ объятіяхъ другаго! — и онъ въ порывѣ безсильнаго гнѣва потрясалъ цѣпями, и, снова пораженный безнадежностію, упадалъ, подобенъ хладному камню между каменьями.

Почти уже сутки протекли его заключенію,

но къ нему однажды только входилъ стражъ съ кружкой воды и кускомъ хлѣба. Кругомъ было темно, какъ въ душѣ, и тихо, будто въ могильномъ склепѣ. Взоръ напрасно напрягался уловить предметы, ухо напрасно ждало какихъ нибудь звуковъ для развлеченія. Башня раздѣлена стѣною на двое, и въ передней половинѣ, за дверью, помѣщались караульные. Порой только раздавался мѣрный шумъ шаговъ часоваго, и порой слышалось храпѣнье его товарища ... вотъ ропотъ разговора привлекъ любопытство узника. Казалось, началъ говорить тотъ, который спалъ:

— Проклятые камни, и сквозь солому ребра переломали — а уже такъ сыро, что я, право, обросту мохомъ, если еще ночь здѣсь заночую!

— Экой пѣженька! отъ однѣхъ сутокъ разнялъ, словно пряникъ отъ дождя. Потерпи не много, здѣсь не вѣкъ вѣковать. Коли не въ ночь, такъ наверно къ разсвѣту, этого Русскаго зябліку въ землю, а мы въ постель—спи хоть до преставленія свѣта.

— Чорта съ два въ землю — паны-гости за него вступорошились, да и самъ панъ Левъ въ упросъ проситъ старика!

— Слышь ты, старикъ и слышать не хочетъ: рветъ да мечетъ встрѣчнаго и поперечъ-

него. Заклялся его вынести, какъ не спустить: ужъ двѣнадцати рейтаровъ налѣво въ поправѣ ружья держитъ, хочетъ на ворона, да и орла, валъ!

— Хоть бы посмотрѣть, какъ его разстрѣлять; я еще отродясь не видывалъ, какъ добрыхъ людей разстрѣливаютъ!

— Нѣтъ, мнѣ привелъ Богъ и видѣть и самому палить: было сему вдоволь, когда жида Берку за разведку мы потянули въ Іисусу; бѣднякъ, не успѣлъ перекреститься — хлопъ — и какъ не было!

— Тутъ, братъ, и православному не до креста, не то что Еврею — да полно вѣрно ли надъ плѣнникомъ то сбудется?

— А такъ-то вѣрно, что я готовъ о квартѣ водки закладъ держать. Старый панъ при мнѣ наказывалъ ловчему, чтобы все было готово, покуда гости спятъ!

Князь Серебряной былъ мужественъ отъ природы и по привычкѣ, только одно сомнѣніе, одна неизвѣстность могли потрясать его душу; но когда опасность переходила въ достовѣрность неизбѣжную — онъ хладнокровно встрѣчалъ вѣсть о смерти, съ которою такъ свыкся въ семилѣтніе мятежи. Правда, послѣ борьбы различныхъ страстей и волненія, природа взяла свое — слезы градомъ покатились

изъ очей, когда онъ вздумалъ о родныхъ, о родинѣ, о славѣ, для коихъ уже погибнетъ въ цвѣтущемъ возрастѣ! . . . Но онъ вздумалъ о томъ уже безъ страха.

— Я сожалѣю только объ одномъ, сказалъ онъ самому себѣ: сожалѣю, что умру безславною смертію, и не тамъ, гдѣ долженъ я быть — не на стѣнѣ Опочки. Я виновенъ, что слушался болѣе сердца, нежели обязанности; но развѣ избавленіе несчастной сироты не есть обязанность? Я желалъ добраго — прочее въ рукахъ Бога... Не въ моей волѣ было забыть ее, не въ ея власти любить меня... пусть совершится то, что намъ обоимъ написано на роду!

Онъ занятъ былъ подобными мыслями, когда въ передней послышался говоръ многихъ людей.

Повелительный голосъ произнесъ: отворите! — свѣтъ блеснулъ въ щели дверей, ключи брякали, замокъ скрипнулъ пружиною . . .

Князь перекрестился съ біеніемъ сердечнымъ.

Неожиданное появленіе Маціевскаго, который спѣшилъ поипровать на праздникъ къ Колонтаю, но опоздалъ, изломавъ на дурной дорогѣ бричку — такъ поразило Зеленскаго,

что онъ схвати въ заводь только вьючнаго коня, ускакалъ не оглядываясь. Въ суматохѣ никто и не думалъ за нимъ гнаться, но онъ, никѣмъ не гонимый, все еще летѣлъ во весь опоръ, воображая, что слышитъ за собой преслѣдованіе; и шорохъ каждой вѣтки, взлетъ ли же испуганной пташки, бросали его въ жаръ и въ холодъ. Колеся окрестными дорогами, которыя слились въ топкое болото отъ продолжительнаго дождя — онъ скоро утомилъ коней своихъ: но неволѣ пришлось ему ѣхать мелкой рысцою, хотя робкое сердце скакало въ груди бѣглеца отъ петли. Крѣпко ему было жаль своего добраго князя, и раздумываясь о горькой долѣ, его ожидающей, — онъ всякой разъ ронялъ слезу на вѣтеръ, и всякой разъ запивалъ общее горе водкою изъ дорожной фляжки, съ которой онъ уже три дня не здоровался. Въ слѣдъ за тѣмъ, желая скорѣе исполнить порученіе князя, и надѣясь, что Агаревъ успѣетъ его выручить, онъ весьма усердно отвѣшивалъ коню своему по нѣскольку ударовъ плетью, какъ будто водкою онъ подкрѣплялъ его, а не себя. Видя однако жъ, что и такія убѣжденія перестали дѣйствовать на четвероногихъ, онъ, скрѣпя сердце, заѣхалъ нарочно въ самую бѣдную деревушку, чтобы не встрѣтиться съ вершни-

ками Колоптая. Взойдя въ одну пустую избу, потому что хозяева разбѣжались со страха врозь, завидя издали всадника, отъ которыхъ не было имъ ни житья, ни покою, Зеленскій отыскалъ въ печи и въ поставцѣ кой чего позавтракать; заложилъ некупленнаго корму лошадямъ, и потомъ, запершись кругомъ для безопасности, залѣзъ на сѣнникъ, подъ самой конекъ кровли, и заснулъ тамъ сномъ богатырскимъ.

Солнце перекатилось далеко за полдень, когда онъ проснулся — а ему еще оставалось верстъ 20 дороги. Онъ поспѣшно осѣдлалъ коней, пересѣлъ на подручнаго, чтобы уровнять силы обоихъ, и по счастію никого не встрѣчая на дорогѣ, приближался по немногу къ Великой. Предполагая, что Жегота изберетъ обыкновенную переправу ниже Опочки, онъ нарочно взялъ въ право, чтобы съ нимъ не столкнуться, и уже сквозь деревья мелькали ему, на закатѣ солнца, холмы противоположнаго берега, уже онъ сталъ спускаться къ рѣкѣ — какъ вдругъ двое, съ ногъ до головы вооруженныхъ людей, выскочили изъ-за кустовъ и схватили подъ устцы его лошадь.

— Ни съ мѣста, произнесъ одинъ изъ нихъ.

— Если ты шевельнешь языкомъ или ору-

жемъ, я приколочу тебя къ сѣдлу, какъ бляху, сказалъ другой, грозясь пожечь.

— Въ хорошія руки я попалъ, подумалъ Зеленскій; онъ не хотѣлъ однако жъ показаться передъ ними трусомъ. — Да какъ вы смѣете, да почему вы осмѣлились остановить вольнаго шляхтича? вскричалъ онъ, подымаясь на стременахъ.

— Полно шумѣть, товарищъ, отвѣчали ему, ты видишь, *какъ* мы смѣли — а *почему* — узнаешь.

Выговоривъ это, одинъ повелъ его въ чащу, другой шелъ слѣдомъ, держа короткое ружье на готовѣ . . . Зеленскій недовѣрчиво поглядывалъ на обоихъ. Противъ всякаго чаянія его привели къ Жеготѣ.

Панцерные дворяне были учреждены еще при Ягеллонахъ, во время войнъ съ Крыжаками (Крестоносцами) и Русскими, и обязывались по первой тревогѣ садиться на конь для отраженія набѣговъ. Это были совершенные наши однодворцы, съ нѣкоторыми выгодами шляхетскими, но безъ голоса на сеймахъ. Какъ всегда случается съ военными кастами, панцерники склоннѣе были на грабежъ, нежели на работу, и пограничное положеніе ихъ давало къ тому тысячи способовъ. Правда, и сосѣди не оставляли ихъ въ покоѣ кушать до-

бычу, отплачивая набѣгами за набѣги, выручая свои убытки и отомщая личныя обиды; но какъ послѣ уничтоженія ордена крестоносцевъ Ливонскихъ, они одни остались набѣдниками по природѣ и ремеслу, то выгода почти всегда оставалась за ними. — За недостаткомъ законнаго грабежа, эти рыцари ночи выѣзжали тихомолкомъ вблизь и вдаль на дороги, облегчать отъ лишняго груза своихъ соотечественниковъ, а истинное или мнимое хищничество Русскихъ, служило имъ предлогомъ и отговоркою.

Панъ Жегота, Польской шляхтичъ, по нахмистръ сихъ панцирниковъ, составленныхъ изъ всякаго сброда, былъ одинъ изъ самыхъ удалыхъ рубакъ и самыхъ безпощадныхъ разбойниковъ — два качества, которыя въ тѣ времена феодальнаго безначалія, почти всегда сливались во едино; и ему не доставало только знаменитаго рода, чтобы подвиги его были прославлены. За то, если высшее дворянство обходилось съ нимъ едва не презрительно, окружная, дробная шляхта, вербовщики конфедерацій, охотники до перекапыванія граничныхъ столбовъ и до набѣговъ на чужія пашни и лѣса, иные отъ страху, другіе изъ выгоды — снимали шапки, кромѣ

его имя: такъ между ними былъ славенъ этотъ начальникъ удалыхъ забіякъ.

На небольшой полянѣ, куда привели Зелескаго, нѣсколько человѣкъ спали въ вооруженіи; кругомъ раздавались звуки топоровъ по соснамъ; самъ Жегота сидѣлъ на сброшеномъ сѣдлѣ. Подъ широкимъ, сѣраго сукна плащемъ его, сверкала кольчуга, но голова покрыта была рысьею, на брови надвинутою шапкою. Онъ варилъ въ котелкѣ молоко съ пивомъ, и помѣшивая свое стряпанье, жарко разсказывалъ что-то товарищу. Самопалъ и сабля были подъ рукою и между ними выглядывала деревянная баклажка, какъ будто и она принадлежала къ числу оружія. Усатый шляхтичъ, съ которымъ разговаривалъ Жегота, лежалъ растянувшись по другую сторону костра, въ контушѣ, на которомъ можно было привесть въ извѣстность каждую нитку, за то конечно никто не рѣшился бы взять грѣха на душу — сказать, какого онъ былъ цвѣта? Огромный палашище качался поперегъ его туловища, какъ вѣсы. Они продолжали свой разговоръ, не замѣчая, или не удостоивая замѣтить прибывшихъ.

— Ты чортъ, а не человѣкъ, панъ Жегота — у тебя въ жилахъ водка съ порохомъ...

лихая выдумка, ради борона святаго Антонія, славная выдумка! говорилъ шляхтичъ.

— Не боись, не дадимъ промаха, отвѣчалъ Жегота. Вмѣсто того, чтобы шарить по крестьянскимъ дворамъ, гдѣ, признаться, и лишняго пера въ пѣтушьемъ хвостѣ не оставлено, мы словно горшкомъ накроемъ Русскихъ въ самомъ замкѣ. Теперь половина засадныхъ ратниковъ выслана съ сотникомъ въ погоню за моимъ сыномъ, котораго я нарочно отрядилъ выманить ихъ изъ крѣпости, а остальные ни сномъ, ни духомъ не чуютъ, какимъ завтракомъ мы попотчуемъ ихъ съ конца копья. Зная, что вблизи нѣтъ ни строевыхъ Шведовъ, ни наѣздниковъ Польскихъ, они спустя рукава сторожатъ стѣны Опочки, — а намъ не привыкать стать лазить. Когда ворвемся туда — такъ гуляй душа, своя рука владыка. Только смотри, панъ Плевака, подплывши потихоньку на плотахъ къ острову — круши всѣхъ, и реви пуще всѣхъ!

— Ради Валлаамова осла, панъ Жегота, да я что за рыба, чтобъ не кричать во все горло! а горло у меня, не хвастовски сказать, могу, что твоя труба — рявкну, такъ на ногахъ не устоишь! На сеймахъ мнѣ за него не одинъ ужъ червончикъ перепадалъ. Что же касается до палаша, *бассама те теремте*!

Голову долой, какъ тыкву, наше добродѣ
человѣка поволокъ — какъ рѣдьку! . . .

— Ну, то-то же, панъ Плевака, сажъ пом
да и другимъ скажи: кто идетъ съ Жеготс
тотъ не оглядывайся до *старого замка*; у
ня туда провожатый — пуля. Я не люб
шутить!

— Ради хвоста самаго Асмодея, панъ Ж
гота, развѣ мы не родовитые шляхтичи? Р
вѣ наша храбрость не извѣстна по всей з
лѣ? Слово гонору, панъ добродзій — тол
смѣй кто покривить рожу, сохнѣвшись
этомъ — такъ въ одинъ мигъ у него буд
двумя усами менѣе . . . Панъ братъ гот
спрыгнуть въ адъ за славою!

— Припеки тебѣ лукавый языкъ, прок
тый пустомеля — тебѣ, разумѣется, не ми
вать аду, только совсѣмъ за другія причи
Не за славой ли ты лазилъ въ карманъ
подсудку Дембеку?

— Тише, панъ Жегота, ради Варшавс
го колокола, тише; что намъ за охота свя
ваться съ ябедою. Я по сію пору боюсь
стить судейскіе злоты плясать по корчемн
столу — они и въ карманѣ гремятъ донесо

— Давно бы такъ. Кажется, панъ Плева
и я не послѣдняя спица въ колесницѣ,

— А почему мнѣ знать! лукавой лучше цѣнить, какъ дорого продается у тебя душа и сабля!

— Ахъ, ты осиновое яблочко — шутникъ, собачья голова — а все-таки о прежнемъ рѣчь . . . Хоть я не хуже иного люблю молву молодецкую, а не кинулся бы въ петлю, не видя поживы. И теперь меня взманили своеземные окрестными жителями въ Оночку пожитки. Да кромѣ того, у поваго головы, сказываютъ, много своей дорогой посуды — мнѣ ей протремъ глаза, и самаго этого князька Серебрянаго, будь я холопъ, а не вахмистръ, если не перечеканю въ деньги.

— Ха, ха, ха! сперва надобно сдѣлать изъ него выжигу, панъ Жегота — и въ этомъ положись на меня, — ради борова св. Антонія, на меня! Я его расплавлю.

Зеленскій не проронилъ ни слова; но люди, которые привели его, видя, что атаманъ не обращаетъ на нихъ вниманія, наконецъ громко сказали ему, что они перехватили этого шляхтича, когда онъ хотѣлъ бродиться за рѣку. Панъ Жегота поднялъ глаза и чуть двинулъ шапкою на поклоны пришельца.

— Чортъ меня согни въ баранiй рогъ, сказалъ онъ, если я не встрѣчалъ гдѣ нибудь

Зеленскій напоминалъ ему, что они завтракали вмѣстѣ у эконома въ замкѣ пана Колонтая.

— Такъ за чѣмъ же нелегкая несетъ тебя въ Русь, да еще и со вьючною лошадью?

Зеленскій, видя, въ какомъ обществѣ находился, кивнулъ значительно головою и подлаживаясь подъ стать Жеготы, сказалъ ему на ухо: что онъ имѣлъ честь служить у пана Маевскаго конюшимъ, который имѣлъ непріятность быть убитымъ на поединкѣ со Львомъ Колонтаемъ, котораго онъ ранилъ, и наконецъ, что онъ, Стребала, имѣлъ благоразуміе оставшись сиротою, убраться съ чемоданами подалѣе, чтобы завѣрить ихъ въ счетъ жалованья.

— А, а, понимаю, имѣлъ честь бѣжать съ панскимъ добромъ: это лихо, это по нашему, панъ Трепала, панъ Стрекала, панъ Стребала, какъ-бишь ты назвалъ себя? Милости прошу къ моимъ молодцамъ въ науку, — не только что яицы изъ-подъ ласточки — между глазъ носъ украдутъ. Только извини, пріятель, хочешь не хочешь, а оставайся съ нами до завтра. Сегодня ни одной души не перепущу за рѣку! Мы станемъ сводить свои счеты съ Опочкою, такъ надо въ расплохъ нагрянуть. Что жъ ты не потчуешь гостя, панъ Плевака?

Баклажка пошла гулять по рукамъ — и Зе-

ленскій, хотя волкомъ поглядывалъ къ лѣсу, но не переставалъ однако жъ улещать хозяевъ своихъ, и шутливостью очень имъ понравился.

— Ради бичевки Святаго Францишка, панъ Стребала, ты за полвереты пахнешь пенькою! Пристань, Юрку, до первбунку! — и катай съ нами въ наѣздъ! сказалъ Пловака.

— Съ вами въ огонь и въ воду, отвѣчалъ Зеленскій, прикидываясь пьянымъ.

— Кохаймыся! отъ пана до пана, возгласилъ Жегота, а между тѣмъ, не видалъ ли ты Колонтаевой рейтаріи?

— Мнѣ было не до нихъ, а кажется, вдали тянулись вершники!

— Растянулъ бы я ихъ въ проволоку — этихъ женскихъ прихвостней: какъ танцовать — то ихъ на цѣпи не удержишь, а драться, такъ послѣдніе. Да я радехонекъ — было бы съ нами имя Колонтая для отговорки, при случаѣ, а его жолнеровъ хоть вѣкъ не будь. Бѣлоручка ротмистръ пришелъ бы надо мной величаться, да распоряжаться — а я небольно жалую чужіе указы — еще менѣе подѣлъ добычи. У волка не тронь оглодка.

— Къ чорту всѣхъ Колонтаевцевъ! У насъ и безъ нихъ сотня такихъ рубакъ, что на каждой ноготокъ по пяти Русскихъ мало;

нулся въ плащъ, его примѣру послѣдовалъ и Плевака. Черезъ четверть часа они храпѣли во всю ивановскую.

Сердце Зелепскаго билось, какъ рябчикъ въ петлѣ, слыша, какую участь готовятъ ему злодѣи; онъ робко поднялъ голову — все спало, огонь чуть дымился, мѣсяцъ тихо всходилъ по небу.

Тогда и въ устроенныхъ войскахъ военный порядокъ наблюдался очень плохо; такъ странно ли, что не было стражи у этой вольницы? Желая сохранить втайнѣ походъ свой, Жеготa велѣлъ останавливать днемъ всѣхъ проѣзжихъ, но въ ночь ихъ не могло быть — въ тѣ смутныя времена не только въ дорогу, но и на улицу не смѣлъ выходить никто послѣ сумерковъ.

Зеленскій, трепеща, доползъ до своихъ коней, потихоньку отвязалъ ихъ и шагъ за шагомъ — повелъ къ рѣкѣ — стелющійся дымъ скрывалъ его, какъ завѣсой. Но въ это время одинъ панцерникъ пробудился, привсталъ, — бѣглецъ, склонясь за конемъ, замеръ на мѣстѣ — и тотъ, никого не видя, опять склонилъ голову — Зеленскій мимо и мимо — и вотъ уже на берегу.

Великая, вздувшись отъ дождей, гремя катила мутныя волны по каменной лудѣ — при-

бой сверкалъ и пѣнился между грядами валуновъ. Зеленскій стоялъ въ нерѣшимости, не зная броду — а рѣка, по всѣмъ примѣтамъ, была въ этомъ мѣстѣ глубже и быстрѣе; но опасность грозила ему за спиною, долгъ благодарности звалъ впередъ, участь Опочки и спасеніе князя, можетъ быть, зависѣли отъ его слова — и онъ рѣшился. Спугнувъ заводнаго коня впередъ, онъ съѣхалъ и самъ въ воду, глубже, глубже . . . волны съ шумомъ кипѣли, неслись, плескали на сѣдло, голова кружилась, въ глазахъ рябило отъ быстрины — и вдругъ конь и всадникъ исчезли въ крутящемся омутѣ. —

ГЛАВА X.

Жребіи въ лонѣ таинственномъ рока
Зрѣютъ, незримы для смертнаго ока! —

Мы оставили князя Серебрянаго, ожидающаго палачей своихъ — и въ самомъ дѣлѣ, дверь распахнулась, и при дымномъ свѣтѣ факеловъ, нѣсколько человѣкъ вошли въ темницу. Впереди ихъ былъ Левъ Колонтай, блѣдный, съ завязанною головою, ведомый подъ руки Солтыкомъ и Зембиной. Онъ шелъ качаясь, и его посадили на камень отъ усталости. Глаза его бродили дико, онъ задыхался. Въ углу, завернувшись въ широкій плащъ, плакалъ какой-то молодой человѣкъ; Левъ началъ говорить.

— Знаешь ли, князь, какая судьба ждетъ тебя.

— Знаю и готовлюсь къ ней, хладнокровно отвѣчалъ Серебряной. Я завѣщаю дому Колонтаевъ позоръ моей смерти, а своему отечеству месть за нее!

Колонтай улыбнулся. — Кому незнакомъ страхъ, тому непонятны угрозы, возразилъ онъ: притомъ вспомни, князь, что ты взятъ не подъ знаменемъ, и въ ложномъ видѣ.

— Мое знамя сабля, и я ранилъ тебя въ честномъ бою. Впрочемъ сила всегда найдетъ обвиненіе побѣжденному.

— О конечно, сказалъ Солтыкъ, если бъ у тебя была дюжина знаменъ въ карманѣ, и тогда передъ Станиславомъ Колонтаемъ ты не сталъ бы ни капли правѣе.

— Князь Серебряной — ты свободенъ, произнесъ Левъ.

— Левъ, ты благородный человѣкъ, отвѣчалъ помолчавъ Серебряной: но я не приму твоего дара, покуда не узнаю отъ Варвары Васильчиковой — волей ли она остается въ этомъ замкѣ — и если нѣтъ — я готовъ своей смертью выкупить ея свободу, готовъ перенести все, лишь бы не страдала она за намѣренье побѣга. Я уже опоздалъ на мѣсто чести — по крайней мѣрѣ не намѣню друже-

Колонтай, молча, подалъ руку Серебряному; чело его прояснилось.

— Ты врагъ мой, молвилъ онъ, врагъ по роду и по сердцу — я не могу любить тебя — но мы любимъ одно — и я не могу ненавидѣть. О, если бъ ты могъ по крайней мѣрѣ быть счастливъ тѣмъ, что у меня отымешь! . . . Вотъ панна Барбара — она ѣдетъ съ тобою!

Плащъ молодаго Поляка распахнулся и въ немъ Серебряной узналъ ту, для которой жертвовалъ волей и жизнію. Она съ признательностію, но печально пожала его руку.

— Князь, произнесла она, я предаюсь твоему покровительству!

— Твоему великодушію, князь, поручаю залогъ, драгоцѣнный для насъ обоихъ — будь ей другомъ и братомъ, будь ей Ангеломъ хранителемъ — будь — если все разлучило насъ — почему жъ, Барбара, не быть ему женихомъ твоимъ?

— Мой женихъ въ небѣ, отвѣчала она.

— Спѣшите! я тайно отъ отца приготовилъ побѣгъ вашъ, но онъ хозяинъ въ домѣ и эта вѣсть скоро дойдетъ до него — а месть стариковъ непримирима. Проводникъ и лучшіе бѣгуны ожидаютъ васъ . . . Барбара! . . . онъ хотѣлъ выговорить *прости*, это ужасный-

ее слово, какое-либо изобрѣлъ человѣ-
ля казни любящихся — но у него недоста-
илъ — онъ скрылъ лицо въ плащъ и зарыд-
алъ, какъ дитя.

Плачъ мужчины имѣетъ въ себѣ что-то ра-
ирающее сердце, и всѣ, кто тутъ ни был-
ъ изумленіемъ почувствовали слезы на лицах-
воихъ. Варвара, утѣшая друга, говорил-
то собственная совѣсть должна вознаградит-
обѣдителя самаго себя.

— Богъ видитъ, какъ дорого стоитъ м-
обѣда! отвѣчалъ онъ — не скрою, что э-
корье дань, чѣмъ жертва — ты хотѣла этог-
— да будетъ!

— Живи счастливъ! сказала Варвара, ст-
ая, чтобъ удалиться.

— Нѣтъ, я не переживу, я не хочу пере-
сить своего сердца — надежды сраслись с-
ушною — и душа увянетъ съ ними. Для те-
я отказался отъ славы — разлука съ тобо-
озвратитъ меня битвамъ — и я еще дорого
родамъ жизнь, которая, отнынѣ, не имѣетъ
ля меня никакой цѣны. Да благословитъ те-
я Богъ на родинѣ!...

Варвара обратилась еще разъ взглянуть на
юбезнаго, простерла къ нему руки — н-
ерезъ мигъ уже была на груди его — слезы
есчастныхъ смѣшались.

— Колонтай, Варвара! вскричалъ умиленный князь: я не разлучу васъ, вы своей любовью заслужили отъ людей и Бога счастіе.

— Нѣтъ, сказалъ Левъ, качая головой, для нѣсколькихъ часовъ восторга, не хочу покупать чужаго горя. И въ самомъ счастіи мысль, что Варвара рѣшалась оставить меня, отравила бы мою любовь и ея покой. Пусть свершится, что суждено судьбою... Прощайте — прости!...

— Поѣдемъ! рѣшительно произнесла Варвара. Зембина и Солтыкъ обняли князя, прося его вспомнить, что и въ Польшѣ не безъ добрыхъ людей, и желая, чтобы онъ на Руси былъ одинъ изъ счастливыхъ. Левъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ — вперялъ очи во мракъ за дверью — ему казалась она дверью могильною, за которой скрылась лучшая половина его самаго; онъ съ безпокойнымъ вниманіемъ слушалъ удаляющійся топотъ коней, уносящихъ всѣ его радости — и когда затихъ послѣдній отголосокъ поѣзда, онъ съ тяжкимъ стономъ упалъ въ руки друзей своихъ.

Проводникъ скакалъ во всю прыть глухими тропинками, едва давая коняхъ задохнуть, и потомъ пускался по прежнему. Князь несся на ряду съ главнымъ походцемъ, на которомъ сидѣла Варвара; но онъ и она, погруженные въ думы, не имѣли ни желанія, ни удобности завести рѣчь между собою. Дорога, просохшая послѣ дождя, была ровна, мѣсяцъ сіялъ сквозь вѣтви, ѣхать было прекрасно, и они быстро приближались къ мѣтѣ своего путешествія.

— Далеко ли до Великой? спросилъ князь проводника.

— Съ полмили, отвѣчалъ тотъ, и если не попадемъ на шайку Жеготы — дѣло кончено. Впрочемъ, теперь его удальцы чай храпятъ, какъ волынки.

Князь освѣдомился у своей спутницы, не чувствуетъ ли она усталости, проскакавъ верстъ 50 въ такое короткое время? — Она отвѣчала, что душевная боль онѣмила въ ней тѣлесное утомленье, и что чѣмъ ближе подъѣзжаетъ она къ родному краю, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ нетерпѣніе быть въ немъ.

Проскакавъ еще съ версту — проводникъ осадилъ коня, и тихо сказалъ князю: надо приготовиться — за нами погоня!

— Что жъ намъ дѣлать? вскричалъ князь, болѣзненно взглянувъ на свою утомленную спутницу.

— Драться, покуда сможемъ! отвѣчалъ проводникъ, выправляя оружіе. По приказу господина моего, я готовъ разнести башку первому пріятелю, если онъ сунется насъ задерживать.

— Другъ мой, бой теперь безполезенъ, — ихъ вѣрно не двое и не трое, а мнѣ каждый мигъ дороже самой жизни. Ужели мы не ускачемъ отъ нихъ? — кони у всѣхъ утомлены одинаково!

— Нѣтъ, боярин, на бѣгуновъ плохая надежда. Погоня могла дважды перемѣнить своихъ изъ-подъ рейтаровъ, кочующихъ на дорогѣ — а наши хранятъ и въ мылѣ съ головы до копыть.

(Топотъ приближался.)

— Постой, вскричалъ князь, попытаемъ послѣднее средство, — ты скачи вправо съ конями, чтобы обмануть гонящихъ — а мы шпикомъ ударимся въ лѣсъ, куда глаза глядятъ!

— Правда, правда, сказалъ проводникъ,

помогая слѣзать съ коня спутницѣ, и затык[illegible] за кушакъ князя сѣдельные пистолеты.

— Дай Богъ удачи вамъ, а ужъ я прове[illegible]у ихъ молодецки!

Князь всунулъ въ пазуху добраго прово[illegible]ника свой кошелекъ, и вмѣстѣ съ Варваро[illegible]е скрылся въ чащѣ, — одинъ поскокъ коне[illegible]й удалялся отъ нихъ, между тѣмъ какъ друго[illegible]й становился листвениѣе.

Съ большимъ трудомъ пробирались бѣгл[illegible]цы между кустарниками и валежникомъ. Т[illegible]о ноги тонули во мху, то сучья цѣплялись [illegible]а платье. Тихо велъ князь усталую спутницу[illegible], отводя рукой вѣтви отъ лица ея и нытая ст[illegible]пой ея дорогу.

Они спустились къ ручью, впадающему [illegible]ъ Великую, чтобы по берегу ея легче пробрат[illegible]ся къ устью . . . и вотъ, невдалекѣ, за собо[illegible]й, послышали говоръ: голоса, казалось, о чем[illegible]то спорили, о чемъ-то разсуждали — нак[illegible]нецъ къ неописанному ихъ страху, раздал[illegible]лай гончей собаки, вѣроятно пущенной, чт[illegible]бы ихъ выслѣдить. Сначала она взлаяла, и [illegible]молчала, потомъ опять подала голосъ, позв[illegible]сила его громче, громче и залилась, напа[illegible]ла на горячій слѣдъ . . . громкіе клики ловчих[illegible]вторили ей и далеко раздались по лѣсу — сердца застыли въ обоихъ бѣглецахъ наших[illegible]

— Я не могу идти далѣе, — спасайся! сказала отчаяннымъ голосомъ Варвара — и склонилась къ землѣ.

— Гибнуть — такъ вмѣстѣ! возразилъ Серебряной — и взбросилъ ее какъ перо на плечо свое; онъ спрыгнулъ въ ручей, чтобъ обмануть собаку.

Едва успѣлъ князь пробѣжать шаговъ сорокъ по колѣно въ водѣ и потомъ притаиться въ орѣшникѣ на противоположномъ берегу, какъ нѣсколько человѣкъ предводимыхъ лающею собакою, приспѣли на мѣсто, имъ покинутое. Гончая, потерявъ въ текучей водѣ слѣдъ, съ визгомъ бѣгала взадъ и впередъ по берегу; ловчіе ждали ея показу.

— Бери, бери, улюлю! тутъ былъ, тутъ игралъ, тутъ смѣтку далъ, кричалъ одинъ изъ нихъ, ободряя собаку охотничьими восклицаніями.

— Бабушка на двое сказала, возразилъ другой, можетъ статься — это вовсе не они: гончая спугнула лисицу либо волка, вотъ тебѣ и вся сказка тутъ!

— Какъ бы тебѣ не лисицу — не бось, Урывай не знаетъ носомъ, что звѣрь, что Русской?

— Онъ-то знаетъ, да какъ мы у него доспросимся! Волкъ меня укуси! Развѣ ты училъ

его новой азбукѣ, или самъ по-собачьи мороковать сталъ?

— Станешь и по птичьи говорить, какъ 300 канчуговъ на коврѣ обѣщаютъ влѣпить!

— По крайней мѣрѣ хоть на коврѣ, по шляхетски! Да что вираду, родить пахъ, что ли, бѣглецовъ-то? Волкъ меня укуси! какой лѣшій занесетъ ихъ въ эту трущобу? Они знай катаютъ въ хвостъ и въ гриву по дорогѣ, и теперь ужъ навѣрно въ когтяхъ у нашихъ дожжачихъ.

— И вирязь такъ, панъ ловчій, прибавилъ третій голосъ: что намъ караулить вѣтеръ — пора до дому!

— До дому, панъ ловчій, до дому!

— То есть, до корчмы! возгласили многіе.

— Храни Богъ, коли вздумается какой вѣдьмѣ подшутить надъ нами, такъ проблудишь до завтра около одной сосны: собакѣ не дарожъ померещилось — анъ вдругъ и слѣдъ простылъ!

— Можетъ, сквозь землю провалились! Свентый Іозефе, змилуйся надъ нами! До дому, панъ ловчій!

—Ахъ, вы трусы, паны добродѣи, возразилъ ловчій, по такимъ голосомъ, который доказывалъ, что онъ самъ радъ воротиться, и при случаѣ свалить на другихъ неудачу. Ну, что

мнѣ дѣлать съ вами? Одними руками не отстоять острова — домой, такъ домой — назадъ, Урывай, назадъ!

Голоса по немногу удалились.

Благодаря Бога за неожиданное избавленіе, Серебряной снова поднялъ Варвару; легка ему казалась ноша: отрадное чувство — спасти свободу любимому существу, придало ему силъ и бодрости. Они достигли до берега.

Шумъ Великой одушевилъ Варвару — она быстро сбѣжала къ ней, упала на колѣни и съ горячей мольбою сотворила три земныхъ поклона, потомъ припала къ рѣкѣ устами и съ жадностію глотала мимотекущую струю.

— О, какъ живительна вода рѣки родной! сказала Варвара,—она напоила меня прежнею радостью — но если бъ и смерть текла въ волнахъ ея, мнѣ и тогда показалась бы она сладостна. Добрый другъ мой, примолвила она, взявъ руку князя Серебрянаго, который съ умиленіемъ внималъ ей: чѣмъ я могу воздать тебѣ за твой тяжкій подвигъ, за твое безпримѣрное великодушіе? чѣмъ, когда и это бѣдное сердце не принадлежитъ мнѣ? Но есть Богъ — Онъ наградитъ тебя: слезы сироты, какъ роса утренняя, улетаютъ на небо!

— Я награжденъ и на землѣ, отвѣчалъ

князь, если порой ты вспомнишь обо мнѣ, если хоть разъ воздохнешь о моей участи!

Мѣсяцъ закатывался; тускло мерцали вдалекѣ башни замка Опочки; только по грядамъ свѣтлѣлась пѣна Великой. Князь съ радостію замѣтилъ, что все, какъ на дорогѣ, такъ и въ окрестности, было покойно, замедленіе Колонтаевыхъ рейтаровъ отсрочило, какъ видно, непріязненныя дѣйствія.

Зная, что вблизи должна быть хижина рыбака, про котораго сказывалъ ему Агаревъ, какъ про доброжелателя Русскихъ, потому что самъ онъ былъ выходецъ Русской—князь оставилъ Варвару въ скромномъ мѣстѣ, подъ ивою, и отправился искать средствъ къ переправѣ. Множество сплетенныхъ изъ тростника рыболовныхъ мордъ, мелькающихъ по берегу, указали ему хату рыбака: онъ осторожно постучался въ двери.

Черезъ нѣсколько времени волоковое окошечко отодвинулось, и дрожащій голосъ спросилъ его: что надо, панъ добродѣй?

— Твою лодку, дѣдушка, чтобы въ ней переѣхать за рѣку. Поторопись, старикъ, я дамъ тебѣ за труды два злота.

— Если бъ ты придалъ къ нимъ два кошечьихъ глаза, добродѣй, такъ нешто, можно бы ѣхать — а то, куда мы въ такую темень!

— Если ты не хочешь услужить мнѣ за деньги, такъ послужи для матушки Руси — важное дѣло есть въ Опочку.

Казалось, эти слова подѣйствовали надъ старикомъ. Онъ захлопнулъ окошко, и князю почудилось, будто бы онъ разговаривалъ, съ другимъ ли кѣмъ, или съ самимъ собою, этого невозможно было разслушать. Скоро старикъ вышелъ въ двери и кинулся обнимать князя.

— Соколъ ты мой, земляк родимой, приговаривалъ онъ — какимъ буйнымъ вѣтромъ занесло тебя на эту сторонушку? Ужъ не гонецъ ли къ Науму Петровичу? Онъ въ большихъ горяхъ: князь Серебряной, другъ его, погибъ да пропалъ безъ вѣсти. Сей часъ, родимой, налажу челнокъ — для матушки Святой Руси готовъ хоть въ полымя... Много я видѣлъ бѣдъ на родинѣ — а все таки радъ за нее положить свою головушку!

Оставя словоохотнаго рыболова сдвигать челнокъ и управляться съ нимъ, князь возратился къ Варварѣ: утомленная дорогой и безсонницею, она спала подъ журчаньемъ рѣки, лелѣявшей ея младенчество. Князь потихоньку сѣлъ подлѣ, склонилъ на нее взоры, желая уловить во мракѣ милыя черты, вни-

мать ея дыханіе, ощутить его на лицѣ своемъ.

— Ангельская душа! думалъ онъ, никакое подозрѣнье не смущаетъ чистой души твоей! Среди опасностей всѣхъ родовъ ты безстрашно спишь — подъ охраной невинности!

И сердце его снова согрѣлось нѣжностію — онъ снова замечталъ о взаимности, улыбался надеждѣ — время все исцѣляетъ и все преодолѣваетъ! ... Рыбакъ прервалъ нить утѣшительныхъ размышленій — и онъ тихо разбудилъ свою прекрасную спутницу.

— Гдѣ мы? спросила она, озираясь, — ужели еще не въ родной землѣ! Я была тамъ, я видѣла мать мою — она такъ свѣтлѣла лицемъ, такъ ласково звала меня! ... и это былъ только сонъ — ахъ, все милое сердцу — одинъ сонъ!

— Куда велишь везти себя, Варвара Михайловна? Было время, что я надѣялся принять тебя въ палатѣ своей — теперь не для меня это счастіе! Въ замкѣ живетъ старикъ священникъ; не хочешь ли остановиться у него, покуда я не вытребую твоего наслѣдія отъ хищнаго дяди, и гостепріимства отъ другихъ родственниковъ твоихъ!

— Такъ, у меня теперь одинъ домъ — это могила моей матери. Ни тотъ женскомъ мо-

настырѣ подъ Изборскомъ, гдѣ положена мать моя, доживу я горестную свою жизнь. До тѣхъ поръ дѣлай, князь, что найдешь за лучшее — у меня осталось одно желаніе — умереть на землѣ Русской!

Варвара вступила въ челнъ, и князь уже занесъ ногу, чтобы сойти въ него, когда вдали грянувшій выстрѣлъ освѣтилъ окружность — въ одинъ мигъ оба берега загорѣлись перепалкою и вдругъ, вспыхнувшіе пуки соломы и лучинъ озарили всю рѣку — люди высыпали отвсюду, казалось, земля разступалась, чтобы родить ихъ — князь былъ окруженъ ратными.

— Это онъ, это князь Серебряной, это голова нашъ! радостно восклицали стрѣльцы — веди насъ, батюшка князь, на этихъ разбойниковъ! Съ нами князь — бей панцерныхъ!

Серебряной обнажилъ саблю... жажда битвы заставила его забыть все — и безопасность Варвары, и любовь свою.

—За мною, други! вскричалъ онъ, видя спускающихся внизъ по рѣкѣ непріятелей,—вскочилъ въ лодку, весла ударили, и въ три мгновенія онъ уже сцѣпился съ первымъ плотомъ.

Счастье помогло Зеленскому выплыть, и Агаревъ въ тотъ же часъ, какъ можно скрытнѣе, выслалъ по обѣимъ берегамъ засады,

встрѣтить разбойниковъ, велѣвъ имъ запастись цуками лучины, хворосту и соломы, чтобы не цѣлить другъ въ друга. Какъ ожидали такъ и случилось: обманутые тишиною панцерники, безъ всякаго опасенія, безъ всякаго порядка, пустились на рѣку на одна связанныхъ прутьями бревнахъ, въ полной надеждѣ перерѣзать въ расплохъ засаду Оночинскую. Но можно вообразить, каково было ихъ изумленіе, когда съ обѣихъ сторонъ открылась пальба, и они, видные какъ на ладони, не могши остановиться, должны были плыть сквозь огненный строй. Схватка однако была ужасна ... отчаянные въ пощадѣ панцерники дрались на смерть. Крики мести и ярости вторились холмами, плоты, пристающіе къ берегу, были въ тотъ же мигъ очищены свинцомъ и желѣзомъ; другіе, набѣгая на гряды камней, разрушались, и кровавая смерть ожидала избѣгнувшихъ смерти влажной. Бой продолжался съ обоюднымъ ожесточеніемъ — выстрѣлы стали рѣдѣть, чтобы перекрестнымъ огнемъ не повредить своимъ, за то сабли и копья сверкали и ломались.

Разсѣявъ передовыхъ съ плота, на который онъ выскочилъ со своими, опрокинувъ въ воду живыхъ и раненыхъ, князь Серебряной перепрыгнулъ на другой, на которомъ находился самъ Жегота. Удальцы его отстрѣливались

жѣтко и отважно — онъ, какъ волкъ, окруженный охотниками, отгрызался, держа въ лѣвой рукѣ пистолетъ, а въ правой саблю — но все уступило бѣшеной храбрости князя Серебрянаго. На концѣ плота они сошлись лицемъ къ лицу.

— Сдайся! вскричалъ ему князь, или твоя гибель неизбѣжна?

— Я тебѣ сдамъ свинцовыми злотыми! отвѣчалъ съ злобной усмѣшкою Жегота — прицѣлилъ почти въ упоръ — пуля засвистѣла, но она пробила только рукавъ князя, и пошла далѣе искать жертвы.

— Убирайся же къ чорту! сказалъ князь и со всего размаху ударилъ Жеготу въ грудь саблею . . . Разбойникъ зашатался, упалъ, но падая, увлекъ за собою противника. Какъ змѣй обвилъ онъ его руками, задушая огромнымъ тѣломъ своимъ; еще нѣсколько мгновеній боролись они всплывая — и наконецъ оба погрузли.

Видѣлъ ли кто въ дыму схватки, при невѣрномъ блескѣ выстрѣловъ, паденіе князя? Слышалъ ли послѣдній стонъ его? . . .

іакъ раскаленный шаръ вставало солнце
туманъ. Остатки недавней битвы разбро-
ы были по берегамъ; окровавленныя брев-
тихо вращались въ заводяхъ или стояли,
знувъ между каменьевъ — на иныхъ ды-
ись еще трупы отъ пыжей, тлѣющихъ въ
ждѣ. Черезъ рѣку плавили захваченныхъ
ей панцерниковъ, изъ которыхъ весьма
ногіе избѣжали побоища, не смотря на со-
істіе Колонтаевцевъ, подосѣвшихъ на вы-
ку. На Русской сторонѣ дѣлали добычу.
Но все тихо и мрачно было подъ самыми
шнями замка, хотя тамъ собралось множество
рода; казалось и башни нахмурясь взирали
выскаго холма, и туманъ, какъ саванъ,
вивалъ ихъ — стрѣльцы отыскивали утопе-
го.

— Боже милосердный! восклицалъ Агаревъ
водя къ небу очи, полныя слезъ — неу-
ли сму па роду написано погибнуть такою
ертью! бѣдный, добрый другъ — для того
выпустила она тебя изъ когтей своихъ,
объ похитить посль удачи! Я бы поставилъ
асу Многомилостивому свѣчу въ княжій
ст, если бъ онъ воротился въ живые, я бы
ъ бочку вина тѣмъ, которые жить скажутъ

— Очнулся, очнулся! закричали многіе.

И въ самомъ дѣлѣ, князь Серебряной вздохнулъ, открылъ очи, и будто пробудясь отъ страшнаго сна, озирался кругомъ боязливо; ручьями текла вода по блѣдному челу его — зрачки будто потухли.

Агаревъ кинулся обнимать спасеннаго.

— Слава Богу — ты опять нашъ, милой князь, да и можно ли умереть послѣ такой побѣды? Мы побились молодецки, особенно ты, орелъ орловичъ — звѣздой летѣлъ впереди . . . то-то запируемъ теперь!

Такъ восклицалъ Агаревъ, несвязно мѣшая привѣты съ поздравленіями. Зеленскій прыгалъ отъ радости, какъ сумасшедшій. Стрѣльцы толпились кругомъ, чтобъ увѣриться въ радостной вѣсти. Одинъ только князь не дѣлилъ общаго восторга — онъ будто что-то припоминалъ, чего-то искалъ въ своей памяти; ему мнилось будто, по выстрѣлѣ Жеготы, пронзительный, но краткій стонъ оледенилъ его сердце; будто голосъ этотъ возникъ изъ лона водъ и былъ нечуждъ ему; — будто ужасающій этотъ стонъ ослабилъ ударъ, низпавшій на грудь разбойника; но гдѣ, но какъ, но кѣмъ произнесенъ былъ онъ? были ли то мечта смертная, или истинное дѣ-

ло? — Въ этомъ отказывала ему смущенная память.

— Гдѣ она? наконецъ вскричалъ князь нетерпѣливо.

(Всѣ молчали.)

— Гдѣ она, гдѣ Варвара? повторилъ онъ — и страхъ изобразился на лицѣ. Замѣтно было, что онъ болѣе страшился, чѣмъ желалъ отвѣта, ища его на померкшихъ лицахъ окружающихъ.

Сверхъестественныя силы влились въ князя, онъ всталъ, ступилъ впередъ нѣсколько шаговъ, шитая дикими взорами окрестность: — передъ нимъ лежала раненая Варвара!!

Въ головахъ ея стоялъ рыболовъ, опершись на весло — и крупныя слезы катились по сѣдой бородѣ его. Священникъ, совершивъ обрядъ причащенія, на колѣняхъ перевязывалъ ей рану: пуля пробила ее навылетъ, выше лѣвой груди, и только небольшое кровавое пятнышко означало, гдѣ она ударила. Лице Варвары было покрыто смертною блѣдностію, но кротко и покойно — длинные волосы струились по обнаженнымъ плечамъ.

Она уже не могла говорить — но увидя князя, улыбнулась радостно, захватила немно-

го земли слабою рукою, прижала ее къ сердцу и подняла очи на Небо. — Двѣ яркія слезы выкатились изъ нихъ — чело ея просіяло неземнымъ блаженствомъ.

— Безцѣнная Варвара! вскричалъ князь Серебряной, упадая подлѣ нея на колѣна: хоть одно слово, хоть одинъ взоръ еще!

Всѣ плакали на взрыдъ . . . чужіе, незнакомые проливали слезы — каково же было сердцу, ее любившему! Князь не могъ плакать, не могъ стенать: отчаяніе его было выше выраженій смертныхъ. — Онъ только воскликналъ: Варвара! но къ ней не долеталъ призывъ жизни — она уже не существовала.

КРАСНОЕ ПОКРЫВАЛО.

Сцены изъ походной жизни.

Любви на сердце отраженье —
Небесной радуги цвѣта:
Она яркa, она чиста,
Она святa, какъ вдохновенье!

Съ карандашемъ въ рукѣ сидѣлъ я на восточномъ кладбищѣ Арзерума, срисовывая одинъ весьма красивый надгробникъ въ видѣ часовни. Осеннее солнце клонилось за далекія горы Лазистана. Ярко отдѣлялись на зарѣ зубчатыя стѣны города, который восходилъ въ гору ступенями и надъ нимъ въ вышинѣ, грознымъ стражемъ возникалъ замокъ, и надъ замкомъ сверкали Русскія пушки, вѣялъ Русскій Орелъ крылами. Столько-видныя райны, перевышенныя башнями, устремленными въ небо, не колеблясь стояли вдали, и стройные минареты мечетей, сверкая золоченными маковками, казались огромными свѣча-

ми, теплющимися предъ лицемъ Аллы. Долгія тѣни надгробныхъ камней толпой сходили въ долины, и за кладбищами, разсыпанными по всѣмъ окреснымъ холмамъ Арзерума, какъ стадо лебедей, виднѣлся лагерь военный, расположенный при входѣ въ Байбуртское ущелiе. Картина, развитая передо мной, была великолѣпна, плѣнительна и, забывъ рисунокъ свой, я весь поглощенъ былъ созерцанiемъ видовъ окрестныхъ: сумерки облекали въ свои таинственныя краски все дикое, все рѣзкое при сіянiи дневномъ, и населяли пустоту мечтами, даль мыслями. Городъ роптalъ, какъ засыпающiй великанъ, но за то предмѣстiя становились тѣмъ шумнѣе предъ закрытiемъ воротъ. Всѣ дороги, къ нимъ ведущiя, сокрытыя игрою холмовъ, въ коихъ онѣ прорыты, замѣтны были только по облакамъ пыли, надъ ними кипящей. Стада спѣшили съ поля въ городъ, и изъ города на водопой. Крикъ погонщиковъ, гременiе ослиныхъ позвонковъ, лѣнивое мычанiе буйволовъ, нетерпѣливое ржанiе боевыхъ коней — сливались въ шумъ, подобный спору моря съ утесами.

Жизнь говорила вдали, но за то какая мертвая тишина лежала кругомъ меня! Грозна была громада города, но еще грознѣй облегало его войско смерти — безчисленное мно-

жество стоячихъ камней казались воинами, стремящимися на приступъ неотразимый. Сколько поколѣній, жившихъ за этими крѣпкими стѣнами, невольно покинули ихъ, чтобъ лечь въ прахъ у стопъ могильныхъ камней, и сколько еще родовъ и народовъ заснутъ здѣсь сномъ безпробуднымъ!

Кладбище, бездна, ни чѣмъ неналолняемая и вѣчно неситая — ужель безпозмездно работаетъ на тебя жизнь? Ужели волны твои грозятъ потопить нѣкогда всю область ея? — Кладбище, говорю я; но что такое вся земля, какъ не исполинское кладбище? — Какъ здѣсь гробъ на гробѣ, кости на костяхъ; такъ вездѣ на каждомъ шагу попираемъ мы остовы праотцевъ, памятники народовъ, обломки первобытныхъ міровъ, изъ коихъ созданъ міръ нашъ. Можетъ быть прахъ, отрясаемый съ нашихъ ногъ, сѣшанъ съ прахомъ Восточныхъ царей, давно истлѣвшихъ, давно забытыхъ; и кто считалъ песчинки въ часахъ судьбы?

Можетъ быть чрезъ мѣсяцъ вѣтеръ, освѣжающій лице мое въ жаръ полудня, разнесетъ мой прахъ далеко, далеко. — И почему эта мысль, какъ льдина, пала на сердце? Мнѣ ли быть вѣчнымъ на земли, когда тысячелѣтнія деревья падаютъ съ подножій ровесниковъ

творенія, когда гранитъ распадается отъ дыханія времени, и подъ тяжкою пятою его сокрушаются всѣ памятники бытія, даже небытія человѣковъ? Посмотрите кругомъ: сколько жилищъ, вѣковъ, вѣръ другъ на другѣ: идолопоклонники, огнепоклонники, мусульмане, христіане. Подлѣ камня, цвѣтущаго пестрыми, свѣжими арабесками, вростаетъ въ землю тяжелое надгробіе, сѣдое мохомъ древности, и путникъ напрасно разбираетъ невѣдомыя на немъ руны — судьба сгладила ихъ съ камня, какъ языкъ, на коемъ онѣ писаны, изъ памяти народовъ, какъ самый народъ, говорившій имъ, съ лица земли. Самыя кладбища имѣютъ судьбу свою, сказалъ Ювеналъ.

«Data sunt ipsae quoque fata sepulchris.»

Глубокая, горестная истина! И гдѣ суждено мнѣ пасть въ объятія сырой земли? Гдѣ истлѣетъ мой прахъ и сокрушится надъ нимъ тлѣнное надгробіе? На родинѣ или въ чужбинѣ пожрутъ меня уста этого непонятнаго сфинкса — могилы? Сохраню ли я въ другомъ мірѣ здѣшнюю самобытность, или лучшею только частію моею сольюся съ другимъ лучшимъ цѣлымъ? Оживетъ ли въ ней память объ этой жизни, или только пророческіе сны, едва намѣкающіе о давноминувшемъ, будутъ,

думы опять покинули землю противъ воли и безъ вѣдома сердца.

Скажите: отъ чего на полѣ битвы, даже послѣ битвы, когда уже сердце начинаетъ простывать отъ запальчивости, отъ негодованія, отъ мести; когда миновала опасность и вниманіе не занято службою, отъ чего спрашиваю, видя растерзанные чугуномъ и желѣзомъ трупы, въ крови, въ пыли, обнаженные, разбросанные по землѣ, слыша стонъ безнадежно раненыхъ и хрипѣніе умирающихъ — душа воина не содрагается? Смерть кругомъ его, смерть всюдѣ, кромѣ его мысли.

Самый трусъ не дастъ вамъ отчета, чего онъ боится въ дѣлѣ, чего ужасается послѣ? Его страшитъ сабля, пуля — онъ хотѣлъ бы избѣжать раны, спасти жизнь — но никогда ясная мысль о смерти не представляется его уму, крутящемуся въ вихрѣ разныхъ ощущеній. Ему некогда думать отъ робости, отъ стыда; отважному отъ горячности, отъ жажды отличія, отъ занятій по должности; каждый такъ занятъ дѣломъ или любопытствомъ, нетерпѣніемъ или боязнію, что прежде, чѣмъ успѣетъ разсудить, онъ уже увлеченъ въ натискъ или въ отступленіе, и нерѣдко раненъ или убитъ, не имѣя свободнаго мгновенія и вспомнить о смерти. Вотъ почему не должно

такъ высоко цѣнить то, что мы называемъ храбростію, ибо изъ сотни, едва ли двое дѣйствуютъ по собственному внушенію, остальные покорны случаю и влекутся немногими; побѣждаютъ или гибнутъ потому, что не могли сдѣлать иначе. Послѣ сраженія, удовольствіе видѣть себя невредимыхъ, радость встрѣчи съ друзьями, высокое чувство побѣды, и наконецъ усталость тѣлесная, заграждаютъ душу отъ мысли о кончинѣ, хотя всѣ чувства поражены ея жертвами. Привычка довершаетъ безпечность.

Не то бываетъ наединѣ, на кладбищѣ — хотя оно только область тлѣнія, только, хранилище бренныхъ остатковъ человѣка, а не поле смерти. Безмолвіе гробницъ навѣваетъ на душу какую-то священную тишину: сердце усмирено, страсти улегаются, умственное ухо внемлетъ вѣщаніямъ могилъ, предвѣщаніямъ будущаго. Мнится, дружній голосъ возникаетъ изъ земли и будто знакомыя тѣни толпятся около, манятъ къ себѣ: душа рвется изъ оболочки и взоръ хочетъ проникнуть мракъ ночи. Такими мыслями, такими мечтаніями былъ занятъ я, сидя на гробовомъ камнѣ — и мѣсяцъ уже сіялъ высоко надо мною.

На одномъ изъ холмовъ я давно видѣлъ женщину, стоявшую надъ могилой . . . она

была высокаго роста, и длинное красное покрывало широкими складками струилось до земли; но какъ подобныя явленія вовсе не рѣдки въ земляхъ мусульманскихъ, гдѣ частыя поминки по умершимъ считаются священнымъ долгомъ для оставшихся — я не обращалъ на нее вниманія.

Не разъ, бродящіе окрестъ взоры мои останавливались на стройномъ станѣ ея, и снова погруженный въ задумчивость, я забывалъ о ней, забывая все земное. Но вотъ протекло болѣе четырехъ часовъ, какъ я на кладбищѣ, и она не трогалась съ мѣста, не измѣняла положенія: она сама казалась истуканомъ надгробнымъ. Это изумило меня. Мусульманка — и въ такой поздній часъ — посреди невѣрныхъ, вблизи Русскаго стана? Правда, что Турчанки скорѣе одноземцевъ своихъ ознакомились съ великодушіемъ Русскихъ, и въ городѣ, не страшась, ходили по одиначкѣ — но вечеромъ и за городомъ — никогда. Гибельная ревность своихъ страшила ихъ во сто разъ болѣе, чѣмъ встрѣча съ побѣдителями, и бумажный фонарь былъ необходимымъ условіемъ для тѣхъ, которыхъ необходимость принуждала выйти ночью на улицу, въ сопровожденіи мужа или родственника. Любопытство подстрекнуло меня, и, за-

бросивъ на плечо полу плаща, я тихими шагами пошелъ къ незнакомкѣ.

Холмъ, на которомъ стояла она, занятъ былъ Армянскимъ кладбищемъ, сливающимся съ прочими. Смерть помирила враждующихъ: правовѣрный лежалъ рядомъ съ Христіанином; жертва и палачъ вмѣстѣ — крестъ подлѣ столба, увѣнчаннаго чалмою. Я приблизился. Я уже стоялъ передъ незнакомкою — но она не видала, не слыхала меня. Красное покрывало ея отброшено было съ лица — и какъ прелестно, какъ выразительно было блѣдное лице ея, обращенное къ небу! . . . на полураскрытыхъ коральныхъ устахъ исчезалъ, казалось, ропотъ — и дико блуждали въ пространствѣ черныя ея очи. Какая безотрадная горесть напечатлѣна была на этомъ высокомъ челѣ, какое гордое отчаяніе сверкало изъ этихъ безслезныхъ очей, какія горькія жалобы таились въ этой бѣлоснѣжной груди, волнуемой вздохомъ неразрѣшимымъ!!... Есть чувства, которыхъ не дерзалъ еще выразить ни поэтъ, ни живописецъ — такое безмолвное чувство трепетало въ каждой жилкѣ красавицы . . . Сердце мое сжалось, и глубокое соучастіе вырвалось рѣчью . . . Тонъ голоса смягчилъ нескромность вопроса.

— Ханумъ (госпожа)! сказалъ я ей по-Татарски*: ты вѣрно оплакиваешь роднаго?

Турчанка вздрогнула, не закрыла лица, по общему обычаю Азіятокъ: властительное чувство тоски убило въ ней всѣ другія заботы. Казалось, она пробудилась отъ тяжкаго сна моимъ голосомъ . . . Взоры ея остановились на мнѣ — но отвѣтъ ея былъ едва внятенъ — она будто разговаривала съ сердцемъ своимъ...

— Да, я оплакиваю роднаго, сказала она. Онъ былъ мнѣ все на землѣ: отецъ мой, братъ мой, любовникъ, супругъ! Какъ заботливый родитель, онъ далъ мнѣ новую душу . . . какъ нѣжный родственникъ, лелѣялъ меня — какъ страстный женихъ, любилъ меня, и я любила его, примолвила она.

Но это слово пронзило мою душу . . . Она склонила голову на сжатыя судорожно руки.

— Утѣшься, красавица, сказалъ я, твой милой теперь въ раю. Лице ея вспыхнуло.

— Да, онъ стоилъ любви самихъ небожительницъ Гурій, еще на землѣ! отвѣчала она: но я знаю его сердце — оно бы стало и съ ними грустить о вѣрной подругѣ, которая для

---

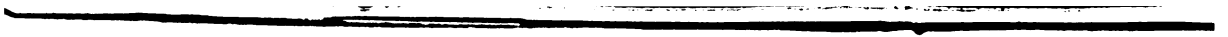
* Татарскій языкъ Закавказскаго Края мало отличенъ отъ Турецкаго, и съ нимъ, какъ съ Французскимъ въ Европѣ, можно пройти изъ конца въ ко-

мною, когда я узналъ, что она любила моего одноземца. Мнѣ стало жаль оставить ее въ такой часъ опаснымъ встрѣчамъ. Я вспомнилъ, что за два дня нашли во рву крѣпостномъ убитую дѣвушку — жертву ревности, вчера двухъ женщинъ на улицѣ: осмѣленные выходомъ Русскихъ, мстительные мужья платили кинжалами, можетъ быть, за мнимыя невѣрности; ласковый взглядъ былъ преступленіемъ въ глазахъ изувѣровъ. Желая напомнить ей о поздней порѣ, я сказалъ: — милая (меннымазизымъ) — солнце давно уже закатилось!

— Мое солнце и не взойдетъ, горестно возразила она. Ни крикъ пѣтуха, ни звонъ трубы, ни даже мой голосъ не разбудитъ его утромъ . . . Мои жаркіе поцѣлуи не откроютъ его очей, щеки не улыбнутся мнѣ, уста не молвятъ слова радостнаго!

Нѣжное воспоминаніе растопило ледяную кору тоски — и въ три ручья брызнули слезы; она горько заплакала. Когда я очнулся, щеки мои были влажны.

— Сестра, сказалъ я ей наконецъ, ты здѣсь не безопасна. Я честной человѣкъ — довѣрься мнѣ: я провожу тебя, куда ты хочешь: къ мечети ли предмѣстія, или въ знакомой домъ. Иначе наши могутъ обидѣть тебя, или свои оклеветать. Вели: я твой защитникъ!



варивалъ! — слухъ ея былъ далеко и струи слезъ сверкали на лицѣ, озареномъ луною. Отдалясь шаговъ на сорокъ, я рѣшился охранять ее до разсвѣта. Неодолимое чувство, можетъ быть еще нѣжнѣйшее участія, приковало меня къ судьбѣ ея . . . Несчастная, думалъ я, для того ли гордое чувство любви возвысило тебя надъ толпою одноземокъ, доступныхъ только рабскому страху или презрительному корыстолюбію даже и въ томъ, что онѣ называютъ любовію; — надъ толпой, невѣдающей иныхъ наслажденій, кромѣ чувственности; другихъ занятій, кромѣ дѣтскаго тщесланія — чтобы оставить посреди ихъ въ пустынѣ? Для того ли упала завѣса съ твоего разума, чтобы ты ясный увидала бездну горя? Для того ли чистый пламень страсти утончилъ все твое существо, чтобы ты живѣе ощутила въ сердцѣ жало разлуки, разлуки вѣчной!! Какая подруга теперь пойметъ тебя, какая грубая забава утѣшитъ? Твой милой сорвалъ тебя, какъ цвѣтокъ, съ корня растительной жизни, и на своихъ крыльяхъ умчалъ въ новую, прекрасную жизнь умственную — но стрѣла смерти пронзила его въ поднебесьѣ — и тебѣ не дышать болѣе воздухомъ этого поднебесья, — не прирость сно-

Колоколъ главной караульни города прозвучалъ 11 часовъ ночи. Кругомъ все спало мертвымъ сномъ. Лишь изрѣдка перекликъ стражи, да лай собакъ раздавались въ крѣпости и въ станѣ. Опершись о надгробной обломокъ, я пробѣгалъ взоромъ горизонтъ, стѣсненный мракомъ и туманомъ. Сзади меня чернѣлъ городъ и только надъ замкомъ сверкали два луча — это были ружья часовыхъ. Пары слонялись, волновались по дикимъ, обнаженнымъ хребтамъ окрестныхъ горъ. То возникали они причудливыми зданіями, то расходились серебрянымъ лѣсомъ. Не такъ ли, думалъ я, вьются ночныя мечты около сердца, обнаженнаго отъ зелени радости! Но между горъ, одна высокая вершина не была облечена пеленой тумана, и расщепленная молніями вершина сія во всей дикости возвышалась надъ моремъ паровъ . . . Душа высокая — вотъ твоя участь: для тебя недоступны мечтательныя надежды — не тебѣ земныя утѣшенія!

Но кто тамъ скачетъ по гробницамъ, извлекая изъ нихъ молнію? — Это Османъ. Бѣлый конь его мчится, какъ осѣдланный вихрь, и полосатый плащъ (чуха) клубится во мглѣ, подобно облаку... Рука моя невольно взвела курокъ пистолета, ибо ненависть Турокъ

ознаменовалась не однимъ тайнымъ убійствомъ. Но всадникъ вдругъ осадилъ коня, привставъ на стременахъ — страшно сверкаютъ очи подъ бѣлой его чалмою . . . окладистая черная борода объемлетъ безкровное лице — онъ кого-то ищетъ, онъ нашелъ свою жертву. Снова конь взмахнулъ розовой гривой, и въ три поскока онъ уже былъ на могилѣ Русскаго, надъ которой на колѣнахъ молилась прекрасная незнакомка. Я видѣлъ, какъ взвился на дыбы конь всадника, видѣлъ, какъ сверкнула сабля, подобна рогу луны сквозь тучу — слышалъ, какъ непонятное для меня проклятіе огласило воздухъ — и за нимъ краткій, но неизразимо пронзающій стонъ... И все это свершилось въ одно мгновеніе ока, когда я кинулся туда — красное покрывало было уже распростерто по землѣ. Завидѣвъ меня, злодѣй съ свирѣпою радостію устремилъ на меня бурнаго жеребца своего и съ крикомъ «Христіанъ тази!» (Христіанская собака:) — взмахнулъ саблею. Онъ бы навѣрно изрубилъ и стопталъ меня, еслибъ пуля не встрѣтила его на лету. Огненный фонтанъ брызнулъ, и сабля врага, упавъ съ высоты, звучно разлетѣлась на трое. Испуганный конь кинулся въ сторону, но еще всадникъ держался на немъ. Качаясь, помчался онъ вдаль,

упавъ на гриву, и когда бѣшеный бѣгунъ перепрянулъ черезъ водоводъ, онъ исчезъ у меня изъ виду.

Волнуемъ предчувствіемъ, поспѣшилъ я къ незнакомкѣ — она уже не существовала!

Сабельный ударъ разсѣкъ ей плечо до сердца, и только лице ея не было облито кровію. Черныя косы разсыпаны были по плитѣ, которую она обняла руками. Припавъ на колѣна, я долго вглядывался въ чело ея, леденѣющее постепенно: страхъ не успѣлъ согнать съ него грусти глубокой, и уста, казалось, разверсты были не стономъ, а вздохомъ любви.

Я хотѣлъ обмануть себя, увѣриться, что румянецъ пробивается порой сквозь снѣгъ блѣдности, что дыханіе жизни колеблетъ щеки — нѣтъ . . . все прошло . . . все кончилось . . . душа ея проникла уже великую загадку, которую такъ страстно и такъ напрасно разгадывалъ я недавно.

— Пожалѣть или поздравить тебя, красавица? сказалъ я, проникнутъ тихою горестію. Какъ бы то ни было — если и не встрѣтишь ты друга за дверью смерти — твои земныя страданія кончились — покойся! Прощальный поцѣлуй мой сошелъ на холодное ея

чело — и я задернулъ трупъ краснымъ покрываломъ.

На утро, съ зарей, мы выступили обратно въ границы Россіи. Я могъ догадываться, кто былъ любовникъ убитой красавицы; но кто была она, кто таковъ убійца, отецъ ли, братъ ли, супругъ ли ея — не знаю. Всѣ мои развѣдки остались безплодными . . . она и онъ для меня канули будто въ воду — но воспоминаніе объ ужасной картинѣ еще горячо на сердцѣ, и я до сихъ поръ содрогаюсь, встрѣчая красное покрывало.

мые пары, не находя истока, зажигались пламенемъ. Но мнѣ всегда были смѣшны до жалости приторные вздыхатели со своими пряничными сердцами; мнѣ были жалки до презрѣнія записные волокиты со своимъ зимнимъ восторгомъ, своими заучеными изъясненіями, и попасть въ число ихъ, для меня казалось страшнѣе всего на свѣтѣ.

Нѣтъ, не таковъ былъ я: въ любви моей бывало много страннаго, чудеснаго, даже дикаго; я могу быть непонятъ или непонятенъ, но смѣшонъ никогда. Пылкая, могучая страсть кипитъ, какъ лава; она увлекаетъ и жжетъ все встрѣчное; разрушаясь сама, разрушаетъ въ изступленіи преграды, и хоть на мигъ, но превращаетъ въ кипучій котелъ даже холодное море.

Такъ любилъ я . . . назовемъ ее хоть Полиною. Все, что женщина можетъ внушить, все, что мужчина можетъ почувствовать, было внушено и почувствовано. Она принадлежала другому, но это лишь возвысило цѣну ея взаимности, лишь болѣе раздражило слѣпую страсть мою, взлелѣянную надеждой. Сердце мое должно было разторгнуться, еслибъ я замкнулъ его молчаніемъ: я опрокинулъ его, какъ переполненный сосудъ, передъ любимою женщиною; я говорилъ пламенемъ, и моя рѣчь нашла отзывъ въ ея сердцѣ. До сихъ

не видалъ Полины. Надобно вамъ сказать, что я служилъ еще въ Сѣверскомъ конноегерскомъ полку, и мы стояли тогда въ Орловской губерніи . . . позвольте умолчать объ уѣздѣ. Эскадронъ мой расположенъ былъ квартирами вблизи помѣстья мужа Полины. О самыхъ святкахъ, полкъ нашъ получилъ приказаніе выступить въ Тульскую губернію, и я имѣлъ довольно твердости духа, уйти не простясь. Признаюсь, что боязнь, намѣнить тайнѣ въ присутствіи другихъ, болѣе тѣмъ скромность, удержала меня. Чтобъ заслужить ея уваженіе, надобно было отказаться отъ любви, и я выдержалъ опытъ. Напрасно приглашали меня окрестные помѣщики на прощальные праздники; напрасно товарищи, у которыхъ тоже, сдѣлай не у каждаго, была сердечная связь, уговаривали возвратиться съ перехода на балъ: я стоялъ крѣпко.

Наканунѣ Новаго года, мы совершили третій переходъ и расположились на дневку. Одинъ одинехонекъ, въ курной хатѣ, лежалъ я на походной постели своей, съ черной думой на умѣ, съ тяжелой кручиной въ сердцѣ. Давно ужъ не улыбался я отъ души, даже въ кругу друзей: ихъ бесѣда стала мнѣ несносна, ихъ веселость возбуждала во мнѣ желчь, ихъ внимательность досаду за безотвязность; стало

быть, тѣмъ раздольнѣе было мнѣ хмуриться наединѣ, потому что всѣ товарищи разъѣхались по гостямъ; тѣмъ мрачнѣе было въ душѣ моей: въ нее не могла запасть тогда ни одна блестка наружной веселости, никакое случайное развлеченіе.

И вотъ прискакалъ ко мнѣ ѣздовой отъ пріятеля, съ приглашеніемъ на вечеръ къ прежнему его хозяину, князю Львинскому. Просятъ непремѣнно: у нихъ пиръ горой; красавицъ — звѣзда при звѣздѣ, молодецъ рой, и шампанскаго разливанное море. Въ припискѣ, будто мимоходомъ извѣщалъ онъ, что тамъ будетъ и Полина. Я вспыхнулъ... ноги мои дрожали, сердце кипѣло. Долго ходилъ я по хатѣ, долго лежалъ, словно въ забытьи горячки; но быстрина крови не утихала, щеки пылали багровымъ заревомъ, отблескомъ душевнаго пожара; звучно билось ретивое въ груди. Ѣхать или не ѣхать мнѣ на этотъ вечеръ? Еще однажды увидѣть ее, дыхнуть однимъ съ нею воздухомъ, наслушаться ея голоса, молвить послѣднее *прости!* Кто бы устоялъ противъ такихъ искушеній? Я кинулся въ обшивни и поскакалъ назадъ, къ селу князя Львинскаго. Было два часа за полдень, когда я поѣхалъ съ мѣста. Проскакавъ 20 верстъ на своихъ, я взялъ потомъ со станціи

почтовую тройку, и еще промчался 22 версты благополучно. Съ этой станціи мнѣ уже слѣдовало своротить съ большой дороги. Статный молодецъ на лихихъ коняхъ взялся меня доставить въ часъ за 18 верстъ, въ село княжое.

Я сѣлъ — катай!

Уже было темно, когда мы выѣхали со двора, однако жъ улица кипѣла народомъ. Молодые парни, въ бархатныхъ шапкахъ, въ синихъ кафтанахъ, расхаживали, взявшись за кушаки товарищей; дѣвки въ заячьихъ шубахъ, крытыхъ яркою китайкою, ходили хороводами; вездѣ слышались праздничныя пѣсни, огни мелькали во всѣхъ окнахъ и зажженныя лучины пылали у многихъ воротъ. Молодецъ, извощикъ мой, стоя въ заголовкѣ саней, гордо покрикивалъ: *пади!* и охорашиваясь, кланялся тѣмъ, которые узнавали его, очень доволенъ, слыша за собою: — вонъ нашъ Алеха катитъ! Куда соколъ собрался? и тому подобное. Выбравшись изъ толпы, онъ обернулся ко мнѣ съ предувѣдомленіемъ: — ну, баринъ, держись! заложилъ правую рукавицу подъ лѣвую мышку, повелъ обнаженной рукой надъ тройкою, гаркнулъ — и кони взвились какъ вихорь! Духъ занялся у меня отъ быстроты ихъ поскока: они понесли насъ.

Какъ верткой челнокъ на валахъ, кувырка-

лись, валялись и прыгали сани въ обѣ стороны; извощикъ мой, упершись въ валекъ ногою, и мочно передергивая вожжами, долго боролся съ запальчивою силою застоявшихся коней: но удила только подстрекали ихъ ярость. Мотая головами, взбросивъ дымныя ноздри на вѣтеръ, неслись они впередъ, взвивая метель надъ санями. Подобные случаи столь обыкновенны для каждаго изъ насъ, что я, схватясь за облучекъ, преспокойно лежалъ внутри, и, такъ сказать, любовался этой быстротой путешествія. Никто изъ иностранцевъ не можетъ постичь дикаго наслажденія — мчаться на бѣшеной тройкѣ, подобно мысли, и въ вихрѣ полета вкушать новую пѣгу самозабвенія. Мечта ужъ переносила меня на балъ. Боже мой, какъ испугаю и обрадую я Полину своимъ нежданнымъ появленіемъ! Меня бранятъ, меня ласкаютъ; мировая заключена, и я ужъ несусь съ нею въ танцахъ . . . И между тѣмъ свистъ воздуха казался мнѣ музыкою, а мелькающіе изгороди, лѣса, пестрыми толпами гостей въ бѣшеномъ вальсѣ . . . крикъ извощика, просящаго помочи, вызвалъ меня изъ очарованія. Схвативъ двѣ вожжи, я такъ скрутилъ голову коренной, что упершись вдругъ, одна едва не выскочила изъ хомута. Топча и фыркая, остановились наконецъ изму-

ченные бѣгуны, и когда опало облако пыли и вѣтерокъ разнесъ паръ, клубящійся надъ конями: — гдѣ мы? спросилъ я у ямщика, между тѣмъ какъ онъ перетягивалъ порванный чересѣдельникъ и оправлялъ сбрую. Ямщикъ робко оглянулся кругомъ. — Дай Богъ памяти, баринъ! отвѣчалъ онъ. Мы ужъ давно своротили съ большой дороги, чтобы упарить по сугробу гнѣдыней, и я что-то не признаюсь къ этой околицѣ. Не вѣдь это Прошкино Рѣпище, не вѣдь Андронова Пережога? Я не подвигался впередъ ни на полвершка отъ его топографическихъ догадокъ; нетерпѣніе пріѣхать, меня одолѣвало, и я съ досадою билъ нога объ ногу, между тѣмъ какъ мой парень бѣгалъ отыскивать дорогу. — Ну что? — Плохо, баринъ! отвѣчалъ онъ.

— Въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, мы никакъ заѣхали къ Черному Озеру!

— Тѣмъ лучше, братецъ! Коли есть примѣта, выѣхать не долга пѣсня: садись и дуй въ хвость и въ гриву!

— Какое лучше, баринъ: эта примѣта заведетъ ни вѣсть куда, — возразилъ ямщикъ. Здѣсь мой дядя видѣлъ русалку: слышь-ты, сидитъ на суку, да и покачивается, а сама волосы чешетъ, косища такая, что страсть; а со-

бой такая смазливая — заглядѣнье да и только. И вся нагая, какъ моя ладонь.

— Что жъ, поцѣловалъ ли онъ красавицу? спросилъ я.

— Христосъ съ тобой, баринъ, что ты это шутишь? подслушаетъ она, такъ дастъ помнику, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Дядя съ перепугу, не то чтобы заамминить, или зачурать ее, даже ахнуть не успѣлъ, какъ она, завидя его, захохотала, ударила въ ладоши, да и булькъ въ воду. Съ этого сглазу, баринъ, онъ бродилъ цѣлый день вкругъ да около, и когда воротился домой, едва языка допыталися: мычитъ по анѳриному, да и только! А кумъ Тимоша-Кулакъ, ономесь, повстрѣчалъ тутъ оборотня: слышишь ты, скинулся онъ свиньей, да то и знай мечется подъ ноги! Хорошо, что Тимоша и самъ въ чертовщинѣ силу знаетъ: какъ поѣхалъ на ней чехардой, да и ухватилъ за уши, она и пошла его мыкать, а сама визжитъ благимъ-матомъ; до самыхъ пѣтуховъ таскала, и ужъ на разсѣтѣ нашли его подъ съѣздомъ у Гапрюшки, у того, что дочь красовита. Да то ли здѣсь чудится! . . . Серега косой какъ порасскажетъ . . .

— Побереги свои побасенки до другаго случаю, возразилъ я: мнѣ, право, пѣть вре-

мени, да нѣтъ и охоты пугаться! . . . . Если ты не хочешь, чтобъ Русалка защекотала тебя до смерти, или не хочешь почевать съ карасями подъ ледянымъ одѣяломъ, то ищи скорѣй дороги.

Мы брели цѣликомъ, въ сугробахъ выше колѣна. На бѣду нашу, небо задернуто было пеленою, сквозь которую тихо сѣялся пушистый иней: не видя мѣсяца, не льзя было узнать, гдѣ востокъ и гдѣ западъ. Обманчивый отблескъ, между перелѣсками, заманивалъ насъ то вправо, то влѣво . . . Вотъ, вотъ, думаешь, видна дорога . . . Доходишь — это склонъ оврага, или тѣнь какого нибудь дерева! Одни птичьи и заячьи слѣды плелись таинственными узлами по снѣгу. Уныло звучалъ на дугѣ колокольчикъ, двоя каждый, тяжелый шагъ, кони ступали, повѣсивъ головы; извощикъ, блѣдный какъ полотно, бормоталъ молитвы, приговаривая, — что насъ обошелъ лѣшій, что намъ надобно выворотить шубы вверхъ шерстью и надѣть на изнанку — все до креста. Я тонулъ въ снѣгу и громко роптalъ на все и на всѣхъ, выходя изъ себя съ досады, а время утекало — и гдѣ конецъ этому проклятому пути!! Надобно быть въ подобномъ положеніи, надобно быть влюблену и спѣшить на балъ, чтобы вообразить весь

гнѣвъ мой въ то время . . . Это было бы очень смѣшно, если бъ не было очень опасно.

Однако жъ досада не вывела насъ на старую дорогу и не проторила новой; образъ Полины, который танцовалъ передъ мною, и чувство ревности, что она вертится теперь съ какимъ нибудь счастливцемъ, слушаетъ его ласкательства, можетъ быть, отвѣчаетъ на нихъ — ни сколько не помогали мнѣ въ поискахъ. Одѣтый тяжелою медвѣжьею шубою, я не иначе могъ идти, какъ на распашку, и потому вѣтеръ пронизалъ меня насквозь, оледеняя на тѣлѣ капли пота. Ноги мои, обутыя въ легкіе танцовальные сапоги, были промочены и промерзены до колѣнъ, и дѣло ужъ дошло до того, что надобно было позаботиться не о балѣ — а о жизни, чтобъ не кончить ея въ пустынномъ полѣ. Напрасно прислушивались мы: нигдѣ отраднаго огонька, нигдѣ голоса человѣческаго, даже ни полета птицы, ни шелеста звѣря. Только храпѣніе нашихъ коней или бой копыта отъ нетерпѣнія, или изрѣдка бряканье колокольца, потрясаемаго уздою, нарушали окрестное безмолвіе. Угрюмо стояли кругомъ купы елей, какъ мертвецы, закутанные въ снѣжные саваны, будто простирая къ намъ оледенѣлыя руки; кусты, опушенные клоками инея, сплетали на

блѣдной поверхности поля тѣни свои; утлые, обгорѣлые пни, вѣя сѣдыми космами, принимали мечтательные образы: но все это не носило на себѣ слѣда ноги или руки человѣческой . . . Тишь и пустыня окрестъ!

Молодой извощикъ мой одѣтъ былъ вовсе не по дорожному, и пронизаемый не на шутку холодомъ, заплакалъ. — Знать согрѣшилъ я передъ Богомъ, сказалъ онъ, что наказанъ такой смертью: умрешь, какъ Татаринъ, безъ исповѣди! Тяжело разставаться съ бѣлымъ свѣтомъ, только раздувши пѣну съ медовой чаши; да и куда бы не шло въ посту, а то на праздникахъ! То-то взвоетъ бѣлугой моя старуха! То-то паплачется моя Таня!

Я былъ тронутъ простыми жалобами добраго юноши: дорого бы я далъ, чтобы такъ же заманчива, такъ же мила была мнѣ жизнь; чтобы такъ же горячо вѣровалъ я въ любовь и вѣрность. Однако жъ, чтобъ разгулять одолѣвающій его сонъ, я велѣлъ ему снова пуститься въ ходъ на удачу, сохраняя движеніемъ теплоту. Такъ шли мы еще полчаса, какъ вдругъ парень мой вскрикнулъ съ радостію:

— Вотъ онъ, вотъ онъ!

— Кто онъ? спросилъ я, прыгая по глубо-

Ямщикъ не отвѣчалъ мнѣ; упавъ на колѣна, онъ съ восторгомъ что-то разсматривалъ: это былъ слѣдъ конскій. Я увѣренъ, что ни одинъ бѣдпякъ не былъ столь радъ находкѣ мѣшка съ золотомъ, какъ мой парень этому вѣрному признаку и обѣту жизни. Въ самомъ дѣлѣ скоро мы выбрались на бойную дрововозную дорогу; кони, будто чуя ночлегъ, радостно наострили уши и заржали: мы стремглавъ полетѣли по ней, куда глаза глядятъ. Черезъ четверть часа были уже въ деревнѣ, и какъ мой извощикъ узналъ ее, то привезъ прямо къ избѣ зажиточнаго знакомаго ему крестьянина.

Увѣренность возвратила бодрость и силы иззябшему парню, и онъ не вошелъ въ избу, покуда не размялъ бѣганьемъ на улицѣ окочепѣвшихъ членовъ, не оттеръ снѣгомъ рукъ и щекъ, даже покуда не выводилъ коней. У меня запылись одпѣ ноги, и потому вытерши ихъ въ сѣняхъ до красна суконкою, я черезъ пять минутъ сидѣлъ уже подъ святыми, за набраннымъ столомъ, усердно подчуемый радушнымъ хозяиномъ, и попавъ, вмѣсто бала, на сельскія посидѣлки.

Сначала всѣ встали; но, отдавъ мнѣ чинный поклонъ, усѣлись по прежнему, и только порой, перемигиваясь и перешептываясь ме-

жду собою, кажется, всли слово о нежданомъ гостѣ. Ряды молодицъ въ пизанныхъ кикахъ, въ кокошникахъ, и красныхъ дѣвушекъ въ повязкахъ разноцвѣтныхъ, съ длинными косами, въ которыя вплетены были треугольные подкосники, съ подвѣсками, или златошвейныя ленты, сидѣли по лавкамъ очень тѣсно, чтобъ не дать между собою мѣста лукавому, разумѣется духу, а не человѣку, потому что многіе парни нашли средство втереться между. Молодцы въ нестроединныхъ или ситцовыхъ рубашкахъ, съ косыми галунными воротками, и въ суконныхъ кафтанахъ, упивались около, или собравшись въ кучки, пересмѣхались, щелкали орѣшки, и одинъ изъ самыхъ любезныхъ, сдвинувъ на бекрень шапку, бренчалъ на балалайкѣ: *Изъ подъ дубу, изъ подъ вязу.* Сѣдобородый отецъ хозяина лежалъ на печи, обратись лицемъ къ нимъ и качая головой, глядѣлъ на игры молодежи; для рамъ картины, съ полатей выглядывали двѣ или три живописныя, дѣтскія головки, которыя, склонись на руки и съѣвши, посматривали внизъ. Гаданья на новый годъ пошли обычной своей чередою. Петухъ, пущенный въ кругъ, по обводу котораго насыпаны были имянныя кучки овса и ячменя съ зарытыми въ нихъ кольцами, удостоивъ изъ которой

нибудь клюнуть, возвѣщалъ неминуемую свадьбу для гадателя или загадчицы . . . Накрывъ блюдомъ чашу, въ которой лежали кусочки съ наговорнымъ хлѣбомъ, уголья, значенія коихъ я никакъ не могъ добиться, и перстни да кольца дѣвушекъ, всѣ принялись за подблюдныя пѣсни, эту лотерею судьбы и ея приговоръ. Я грустно слушалъ звучные напѣвы, коимъ вторили въ ладъ потрясаемые жеребьи въ чашѣ.

Слава Богу на небѣ,
Государю на сей землѣ!
Чтобы правда была
Краше солнца свѣтла;
Золотая жъ казна
Вѣкъ полнымъ полна!
Чтобы конямъ его не изъѣзживаться,
Его платьямъ цвѣтнымъ не изнашиваться,
Его вѣрнымъ вельможамъ не старѣться!
Ужъ мы хлѣбу посѣмъ,
Хлѣбу честь воздѣмъ!
Большимъ-то рѣкамъ слава до моря,
Меленымъ рѣчкамъ до мельницы!
Старымъ людямъ на потѣшенье,
Добрымъ молодцамъ на услышанье.

Расцвѣли въ небѣ двѣ радуги,
У красной дѣвицы двѣ радости,
Съ милымъ другомъ совѣть
И растворенъ подклѣть!

Щука шла изъ Новагорода,
Хвостъ несла изъ Бѣла-Озера;
У щучки головка серебряная,
У щуки спина жемчугомъ плетена,
А на мѣсто глазъ, дорогой алмазъ!

Золотая парча развивается —
Кто-то въ путь, во дорогу сбирается.

Всякому сулили онѣ добро и славу, но отогрѣвшись, я не думалъ дослушивать безконечныхъ и неминуемыхъ завѣтовъ подблюдныхъ; сердце мое было далеко, и я самъ бы летомъ полетѣлъ вслѣдъ за нимъ. Я сталъ подговаривать молодцевъ свезти меня къ князю. Къ чести ихъ, хотя къ досадѣ своей, должно сказать, что никакая плата не выманила ихъ отъ забавъ сердечныхъ. Всѣ говорили, что у нихъ лошаденки плохія, или измученныя. У того не было санокъ, у другаго подковы безъ шиповъ, у третьяго болитъ рука.

Хозяинъ увѣрялъ, что онъ послалъ бы сына и безъ прогоновъ, да у него пара добрыхъ коней повезла въ городъ засѣдателя... чарки частыя, голова одна — и вотъ ужъ третій день, вѣрно праздничаютъ въ околицѣ.

— Да изволишь знать, твоя милость, примолвилъ одинъ краснобай, встряхнувъ кудря-

ми, теперь ужъ ночь, а дѣло-то святочн
Ужъ нашто у насъ храбрый народъ дѣвк
погадать ли о суженомъ — не боятся бѣг
за овины, въ полѣ слушать колокольнаго с
дебнаго звону, либо въ старую баню, что
погладилъ домовой мохнатой лапою на бо
чество, да и то сегодня хвостики прижа
. . . Вѣдь канунъ-то Новаго Года чертя
сѣнокосъ.

— Полно тебѣ, Ванька, страхи-то разс
зывать, вскричало нѣсколько тоненькихъ
лосковъ.

— Чего полно? продолжалъ Ванька. Спр
си-ка у Оришки: хорошъ ли чортовъ свадс
ный поѣздъ, какой она вчерась видѣла, гл
дясь за овинами на мѣсяцъ въ зеркало? Ѣдут
свищутъ, гаркаютъ . . . словно живьемъ
очью совершаются. Она говоритъ: оди
бѣсенокъ оборотился Горенскимъ старос
нымъ сыномъ Лоонькой, да одно знай прис
етъ: сядь, да сядь въ сани. Изъ круга, зна
выманиваетъ. Хорошо, что у ней умъ чуть
съ косу, такъ отпѣкалась.

— Нѣтъ, баринъ — примолвилъ другой
хоть разсыпь серебра, врядъ ли кто возьмет
свезти тебя! Кругомъ озера колесить верс
20 будетъ, а черезъ лесъ ѣхать безъ бѣ

бѣда: трещинъ и полыней тьма; пошутитъ лукавой, такъ пойдешь карманами ловить раковъ.

— И вѣдомо, сказалъ третій. Теперь чертямъ скоро заговѣнье: изъ когтей другъ у друга добычу рвутъ.

— Полно брехать, возразилъ краснобай. — Нашелъ заговѣнье. Черный ангелъ, или, по книжному, такъ сказать, Еоіопъ, завсегда у каждаго человѣка за лѣвымъ плечомъ стоитъ, да не смигнувши сторожитъ, какъ бы напослкнуть на грѣхъ. Не слыхали вы развѣ, что было у Пятницы на Пустынѣ, о прошлыхъ святкахъ?

— А что такое? вскричали многіе любопытные. — Разскажи, пожалуйста, Ванюша; только не умори съ ужасти.

Разскащикъ оглянулся на двери, на окно, на лица слушателей, крякнулъ протяжно, оправилъ рукою кудри и началъ:

— Дѣло было, какъ у насъ, на посидѣлкахъ. Молодцы окручались въ личины, и такія хари, что и днемъ глядѣть, за печку спрячешься, не то, чтобы ночью плясать съ ними. Шубы на выворотъ, носищи семи пядей, рога, словно у Сидоровой козы, а въ зубахъ по углю: такъ и зіютъ. Умудрились, что пѣтухъ пріѣхалъ верхомъ на ракѣ, а смерть съ ко-

сою на конѣ: Петрушка, чеботарь, спину представлялъ, такъ онъ мнѣ все и разсказывалъ.

— Вотъ разыгрались они словно ласточки, передъ погодою: одному парню лукавой знать и шепнулъ въ ухо: семь-ка, я украду съ покойника, что въ часовнѣ лежитъ, саванъ да вѣнецъ, окручусь въ нихъ, набѣлюся известкою, да и приду мертвецомъ на посѣдки. На худое мы не лѣнивы: скорѣй чѣмъ сгадалъ, онъ въ часовню слеталъ — вѣдь откуда, скажите на милость, отвага взялась. Чуть не до смерти перепугалъ онъ всѣхъ: старой за малова прячется . . . однако жъ, когда онъ расхохотался своимъ голосомъ, да сталъ креститься и божиться, что онъ живой человѣкъ, пошелъ смѣхъ пуще прежняго страху. Тары да бары, да сладкіе разговоры, аль и полночь на дворѣ, надо молодцу нести назадъ гробовыя обновки: зоветъ, не дозовется никого въ товарищи; какъ опала у него хмелина въ головѣ, опустились и крылья соколиныя; одному итти, страхъ одолѣваетъ, а пріятели отпираются. Покойникъ давно слылъ колдуномъ, и никто не хотѣлъ, чтобы черти свернули голову на затылокъ, свои слѣды считать. — Ты, дескать, бралъ на прокать саванъ, ты и отдавай его: намъ что за стать въ чужомъ пиру похмелье нести.

— И вотъ, не прошло двухъ мигновъ . . . послышали, кто-то идетъ по скрыпучему снѣгу . . прямо къ окну: стукъ, стукъ . . .

— Съ нами крестная сила! вскричала хозяйка, устремивъ на окно испуганныя очи. — Наше мѣсто свято! повторила она, не могши отвратить взглядовъ отъ поразившаго ее предмета. Вонъ, вонъ, кто-то страшный глядитъ сюда!

Дѣвки съ крикомъ прижались одна къ другой; парни кинулись къ окну, между тѣмъ, какъ тѣ изъ нихъ, которые были поробче, съ выпученными глазами и открытымъ ртомъ поглядывали въ обѣ стороны, не зная, что дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, за морозными стеклами, какъ будто мелькнуло чье-то лицо ... но когда рама была отперта — на улицѣ никого не было. Туманъ, врывшись въ избу, ходилъ коромысломъ, затемняя, на время, блескъ лучины. Всѣ по-немногу успокоились.

— Это вамъ почудилось, сказалъ разскащикъ, оправляясь самъ отъ испуга: его голосъ былъ прерывенъ и неровенъ. Да вотъ, дослушайте бывальщину: она ужъ и вся то не долга. Когда переполошенные въ избѣ люди осмѣлились, да спросили: кто стучитъ? Пришлецъ отвѣчалъ: мертвецъ пришелъ за саваномъ. Услышавъ это, молодецъ, окрученный въ него снялъ съ себя

гробовую пелену да вѣнецъ, и выкинулъ ихъ за окошко. — Не принимаю! — закричалъ колдунъ, скрыпя зубами: — пускай гдѣ взялъ, тамъ отдастъ мнѣ. — И саванъ опять очутился посреди избы. — Ты насмѣхаючись звалъ меня на посидѣлки — сказалъ мертвецъ страшнымъ голосомъ: я здѣсь! — Чествуй же гостя, и провожай его до дому, до послѣдняго твоего и моего дому! — Всѣ дрожа молились всѣмъ святымъ, а бѣдняга виноватый, ни живъ ни мертвъ сидѣлъ, дожидаясь злой гибели. Мертвецъ между тѣмъ ходилъ кругомъ, вопя: — Отдайте мнѣ его, не то и всѣмъ не сдобровать. — Сунулся было въ окошко, да на счастье, косяки были святой водой окроплены, такъ его словно огнемъ обдало; взвылъ, да назадъ кинулся. Вотъ грянулъ онъ въ вороты, и дубовый запоръ, какъ соль разсыпался . . . началъ всходить по съѣзду . . . тяжко скрыпѣли бревна подъ ногою оборотня; собака съ визгомъ залѣзла въ сѣняхъ подъ корыто, и всѣ слышали, какъ упала рука его на щеколду. Напрасно читали ему на встрѣчу молитву отъ навожденія, отъ призора: однако ни что не забрало . . . дверь со стономъ повернулась на пятахъ, и мертвецъ шасть въ избу!

Дверь избы нашей точно растворилась при

этомъ словѣ, будто кто нибудь подслушивалъ, чтобы войти въ это мгновеніе. Нельзя описать, съ какимъ ужасомъ вскрикнули гости, поскакавъ съ лавокъ и столпясь подъ образами. Многія дѣвушки, закрывъ лице руками, упали за спины сосѣдокъ, какъ будто избѣжали опасности, когда ея не видно. Глаза всѣхъ, устремленные къ порогу, ждали встрѣтить тамъ, по крайней мѣрѣ, остовъ, закутанный савапомъ, если не самого нечистаго съ рогами: и въ самомъ дѣлѣ, клубящійся въ дверяхъ морозный паръ могъ показаться адскимъ сѣрнымъ дымомъ. Наконецъ паръ разступился и всѣ увидѣли, что вошедшій имѣлъ видъ совершенно человѣческій. Онъ привѣтливо поклонился всей бесѣдѣ, хотя и не перекрестился передъ иконами. То былъ стройный мужчина въ распашной сибиркѣ, подъ которою надѣтъ былъ бархатный камзолъ; такіе же шаравары спускались на лаковые сапоги; цвѣтной Персидской платокъ два раза обвивалъ шею, и въ рукахъ его была бобровая шапка съ козырькомъ, особаго вида. Однимъ словомъ, костюмъ его доказывалъ, что онъ или прикащикъ, или повѣренный по откупамъ. Лице его было правильно, но блѣдно какъ полотно, и черные потухшіе глаза стояли не-

вощему безпрестанно бродила у него на лицѣ, и когда онъ наводилъ свои пронзающія очи на меня, невольный холодъ пробѣгалъ по кожѣ.

— Не правда ли, сударь, сказалъ онъ мнѣ, послѣ нѣкотораго молчанія, вы любуетесь невинностію и веселостью этихъ простяковъ, сравнивая скуку городскихъ баловъ съ крестьянскими посидѣлками? И право напрасно. Невинности давно ужъ нѣту въ поминѣ нигдѣ. Горожане говорятъ, что она полевой цвѣтокъ, крестьяне указываютъ на зеркальныя стекла, будто она сидитъ за ними, въ позолоченой клѣткѣ, между тѣмъ какъ она схоронена въ старовѣрскихъ книгахъ, которымъ для того только вѣрятъ, чтобъ побранить наше время. А веселость, сударь? Я, пожалуй, оживлю вамъ для потѣхи эту обезьяну, называемую вами веселостью. Штофъ сладкой водки парнямъ, дюжину пряниковъ молодицамъ, и пары три аршинъ тесемокъ дѣвушкамъ: вотъ мужицкій рай; на долго ли?

Онъ вышелъ, и возвратясь принесъ все, о чемъ говорилъ, изъ сапокъ. Какъ человѣкъ, привычный къ этому дѣлу, онъ подсѣлъ въ кружокъ, и совершенно сельскимъ нарѣчіемъ, съ разными прибаутками, подчивалъ пряничными пѣтушками, раздаривалъ самымъ приго-

женьких ленты, пуговицы на сарафаны, се-
режки со стеклами, и тому подобныя бездѣлк-
наливалъ парнямъ водку и даже уговорил-
нѣкоторыхъ молодицъ прихлебнуть сладко-
наливки. Бесѣда зашумѣла, какъ улей, глаз-
засверкали у молодцевъ, вольныя выраже-
срывались съ губъ, и слушая росказни неза-
конца, пашептываемыя имъ на ухо, красны-
дѣвушки смѣялись, и ужъ гораздо ласковѣе
хотя изъ подлобья, поглядывали на своих-
сосѣдовъ. Чтобы довершить суматоху, он-
подошелъ къ свѣтцу, въ которомъ воткнута л
лучина роняла огарки свои въ старую скова-
роду, сталъ поправлять ее, и потушилъ, будт-
не нарочно. Минутъ десять возился онъ в-
темнотѣ, вздувая огонь, и въ это время звук-
многихъ нескромныхъ поцѣлуевъ раздавали-
кругомъ, между всеобщимъ смѣхомъ. Ког-
вспыхнула опять лучина, всѣ уже скромно с-
дѣли по мѣстамъ: но незнакомецъ лукаво п-
казалъ мнѣ на румяныя щеки красавицъ. Ск-
ро оказались тлетворныя слѣдствія его прису-
ствія. Охмелѣвшіе крестьяне стали спорить
ссориться между собою; крестьянки завистл-
вымъ глазомъ смотрѣли на подругъ, которым-
достались лучшія бездѣлки. Многіе парни
въ порывѣ ревности, упрекали своихъ любез-

ись съ незнакомыми гостями; нѣкоторые чужья грозили уже своимъ половинамъ, что они докажутъ кулакомъ любовь свою за ихъ перемиги съ другими; даже ребятишки на полатяхъ дрались за орѣхи.

Сложивъ руки на груди, стоялъ чудный незнакомецъ у стѣнки, и съ довольною, но ироническою улыбкою смотрѣлъ на слѣды своихъ проказъ.

— Вотъ люди! сказалъ онъ мнѣ тихо . . . но въ двухъ этихъ словахъ было многое. Я понялъ, что онъ хотѣлъ выразить: какъ въ городахъ и селахъ, во всѣхъ состояніяхъ и возрастахъ подобны пороки людскіе: они равняютъ бѣдныхъ и богатыхъ глупостію; различны погремушки, за которыми кидаются они, но ребячество одинаково. То, по крайней мѣрѣ, высказывалъ насмѣшливый взоръ и тонъ рѣчей; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось.

Но мнѣ скоро наскучилъ разговоръ этого безнравственнаго существа, и пѣсни и сельскія игры; мысли пошли опять привычною стезею. Опершись рукою объ столъ, хмуренъ и разсѣянъ, отвѣчалъ я на вопросы, глядѣлъ на окружающее и невольный ропотъ вырывался изъ сердца, будто пресыщеннаго полынью. Незнакомецъ, взглянувъ на свои ча-

сы, сказалъ мнѣ: ужъ скоро десять часовъ; я былъ очень радъ тому; я жаждалъ тишины и уединенія.

Въ это время одинъ изъ молодцевъ, съ рыжими усами и открытаго лица, вѣроятно осмѣленный даровымъ ерофеичемъ, подошелъ ко мнѣ съ поклономъ.

— Что я тебя спрошаю, баринъ, сказалъ онъ: есть ли въ тебѣ молодецкая отвага?

Я улыбнулся, взглянувъ на него: такой вопросъ удивилъ меня. — Когда бы кто нибудь поумнѣе тебя сдѣлалъ мнѣ подобный вопросъ — отвѣчалъ я — онъ бы унесъ отвѣтъ на бокахъ своихъ.

— Н, батюшка, сударь, возразилъ онъ: будто я сомнѣваюсь, что ты съ широкими своими плечами на дюжину пойдешь, не засуча рукавовъ: такая удаль въ каждомъ Русскомъ молодцѣ не диковинка. Дѣло не объ людяхъ, баринъ: я хотѣлъ бы знать, не боишься ли ты колдуновъ и чертовщины?

Смѣшно бы было разувѣрять его; напрасно увѣрять въ моемъ невѣріи ко всему этому. — Чертей я боюсь еще менѣе, чѣмъ людей! — былъ мой отвѣтъ.

— Честь и хвала тебѣ, баринъ! сказалъ молодецъ. — Насилу нашелъ я товарища. Н

ты бы не ужастился увидѣть нечистаго носомъ къ носу?

— Даже схватить его за носъ, другъ мой, если бъ ты могъ вызвать его изъ этого рукомойника . . .

— Ну, баринъ, примолвилъ онъ, понизивъ голосъ и склонясь надъ моимъ ухомъ, если ты хочешь погадать о чемъ нибудь житейскомъ, если у тебя есть, какъ у меня какая разлапушка, такъ пожалуй, катнемъ: мы увидимъ тогда все, что случится съ ними и съ нами впередъ. Чуръ, баринъ, только не робѣть: на это гаданье надо сердце тройчатку. Что жъ, приказъ или отказъ?

Я было хотѣлъ отвѣчать этому долгополому гадателю, что онъ или дуракъ, или хвастунъ, и что я, для его забавы, или его простоты, вовсе не хочу самъ дѣлать глупостей; но въ это мгновеніе повстрѣчалъ пасмѣшливый взглядъ незнакомца, который будто говорилъ: — Ты хочешь, другъ, прикрыть благоразумными словами глупую робость! Знаемъ мы вашу братью, вольномыслящихъ дворянчиковъ! Къ этому взору онъ присоединилъ и увѣщаніе, хотя никакъ не могъ слышать, что меня звали на гаданье.

— Вы вѣрно не пойдете, сказалъ онъ сомнительно. Чему быть путному, даже забавному, отъ такихъ людей!

— Напротивъ, пойду! — возразилъ я сухо... Мнѣ хотѣлось поступить на перекоръ этому незнакомцу. — Мнѣ давно хочется раскусить, какъ орѣхъ, свою будущую судьбу, и познакомиться покороче съ лукавымъ — сказалъ я гадателю. — Какой же ворожбой вызовемъ мы его изъ ада?

— Теперь онъ рыщетъ по землѣ, отвѣчалъ тотъ, — и ближе къ намъ, нежели кто думаетъ; надо заставить его сдѣлать по нашему велѣнью.

— Смотрите, чтобъ онъ не заставилъ васъ дѣлать по своему хотѣнью — произнесъ незнакомецъ важно.

— Мы будемъ гадать страшнымъ гаданьемъ, сказалъ мнѣ на ухо парень, — заклявъ нечистаго на воловьей кожѣ. Меня ужъ разъ носилъ онъ на ней по воздуху, и что видѣлъ я тамъ, что слышалъ, примолвилъ онъ, блѣднѣя, того . . . Да ты самъ, баринъ, попытаешь все.

Я вспомнилъ, что въ примѣчаніяхъ въ Красавицѣ озера (Lady of the lake,) Валтеръ Скоттъ приводитъ письмо одного Шотландскато офицера, который гадалъ точно такимъ образомъ, и говоритъ съ ужасомъ, что человѣческій языкъ не можетъ выразить тѣхъ страховъ, которыми онъ обуянъ. Мнѣ любопытно стало узнать.

такъ ли же выполняются у насъ обряды этого гаданья, остатка язычества на разныхъ концахъ Европы. — Идемъ же сей часъ, сказалъ я, опоясывая саблю свою и надѣвая просушенные сапоги. — Видно, мнѣ сегодня судьба мыкаться конями и чертями! Посмотримъ, кто изъ нихъ довезетъ меня до цѣли!

Я переступилъ за порогъ, когда незнакомецъ, будто съ видомъ участія, сказалъ мнѣ:

— Напрасно, сударь, изволите идти: воображеніе самый злой волшебникъ, и вамъ, Богъ вѣсть, что можетъ почудиться!

Я поблагодарилъ его за совѣтъ, примолвивъ, что иду для одной забавы, имѣю довольно ума, чтобъ замѣтить обманъ, и слишкомъ трезвую голову и слишкомъ твердое сердце, чтобъ ему поддаться.

— Пускай же сбудется, чему должно! — произнесъ вслѣдъ мой незнакомецъ.

Проводникъ зашелъ въ сосѣдній домъ. — Вечоръ у насъ приняли чернаго какъ смоль быка, безъ малѣйшей отмѣтки, сказалъ онъ, вытаскивая оттуда свѣжую шкуру, и она-то будетъ нашимъ ковромъ-самолетомъ. Подъ мышкой несъ онъ краснаго пѣтуха; три ножа сверкали за поясомъ, а изъ-за пазухи выглядывало горлышко полуштофа, по его словамъ, какого-то зелья, собраннаго на Иванову ночь.

и не твори креста, не читай молитвы... Нѣтъ ли у тебя ладонки на вороту?

Я отвѣчалъ, что у меня на груди есть маленькій образъ и крестикъ, родительское благословеніе.

— Сними его, баринъ, и повѣсь хоть на этой могилкѣ: своя храбрость теперь намъ одна оборона.

Я послушался почти не хотя. Странная вещь: мнѣ стало будто страшнѣе, когда я удалилъ отъ себя моихъ пенатовъ отъ самаго младенчества; мнѣ показалось, что я остался вовсе одинъ, безъ оружія и защиты. Между тѣмъ, гадатель мой, произнося невнятные звуки, началъ обводить кругъ около кожи. Начертивъ ножемъ дорожку, онъ окропилъ ее влагою изъ стклянки, и потомъ задушивъ пѣтуха, чтобы онъ не крикнулъ, отрубилъ ему голову и полилъ кровью въ третій разъ очарованный кругъ. Глядя на это, я спросилъ: — Не будемъ ли варить въ котлѣ черную кошку, чтобы вѣдьмы, родня ея, дали выкупу?

— Нѣтъ! — сказалъ заклинатель, вонзая треугольникомъ ножи. Черную кошку варятъ для привороту къ себѣ красавицъ. Штука въ томъ, чтобы выбрать изъ косточекъ одну, которою если тронешь, на кого задумаешь, такъ по тебѣ съ ума сойдетъ.

— Дорого бы заплатили за такую косточку въ столицахъ, подумалъ я: тогда и умъ и любезность, и красота, самое счастіе дураковъ — спустили бы передъ нею флаги.

— Да все рано, — продолжалъ онъ — можно эту же силу достать въ Иванову день. Посадить лягушку въ дырявый буракъ, наговорить, да и бросить въ муравейникъ, такъ она человѣческимъ голосомъ закричитъ; на утро, когда она будетъ съѣдена, останется въ буракѣ только вилочка, да крючекъ: этотъ крючекъ непремѣнная уда на сердца; а коли больно наскучитъ, тронь вилочкой — какъ рукавицу долой, всю прежнюю любовь сниметъ.

— Что касается до забвенія, думалъ я, для этого не нужно съ нашими дамами чародѣйства.

— Пора! — произнесъ гадатель. Смотри, баринъ: коли мила тебѣ душа, не оглядывайся. Любуйся на мѣсяцъ и жди, что сбудется.

Завернувшись въ медвѣжью шубу, я легъ на роковой воловьей шкурѣ, оставивъ товарища чародѣйствовать, сколько ему угодно. Невольно однако жъ колесо мыслей опять и опять приносило мнѣ вопросъ: откуда въ этомъ человѣкѣ такая увѣренность? Онъ могъ ясно видѣть, что я вовсе не легковѣренъ, слѣд-

ственно, если думаетъ морочить меня, то черезъ часъ, много два, открою вполнѣ его обманы . . . Притомъ, какую выгоду найдетъ онъ въ обманѣ? Ни ограбить, ни украсть у меня никто не посмѣетъ . . . . Впрочемъ случается, что сокровенныя силы природы даются иногда людямъ самымъ невѣжественнымъ. Сколько есть цѣлебныхъ травъ, магнетическихъ средствъ въ рукахъ у простолюдиновъ . . . Неужели? . . . Мнѣ стало стыдно самого себя, что зерно сомнѣнія запало въ мою голову. Но когда человѣкъ дошустить себѣ вопросъ о какомъ либо предметѣ, значитъ, вѣрованіе его поколебано, и кто знаетъ, какъ далеки будутъ размахи этого маятника? . . . Чтобы отвлечь себя отъ думы о мірѣ духовъ, которые, можетъ статься, окружаютъ насъ незримо и дѣйствуютъ на насъ неощутимо, я прильнулъ очами къ мѣсяцу. — Тихая сторона мечтаній! думалъ я. Неужели ты населена одними мечтаніями нашими? Для чего такъ любовно летятъ къ тебѣ взоры и думы человѣческіе? Для чего такъ мило сердцу твое мерцанье, какъ дружескій привѣтъ; иль ласка матери? Не родное ли ты свѣтило землѣ? Не подруга ли ты судьбы ея обитателей, какъ ея спутница въ странничествѣ вокругъ? Прелестна ты, звѣзда покоя, но земля наша, обиталище бурь,

еще прелестнѣе, и потому не вѣрю я мысли поэтовъ, что туда суждено умчаться тѣнямъ нашимъ, что отъ того влечешь ты сердца и думы! Нѣтъ, ты могла быть колыбелью, отчизною нашего духа; тамъ, можетъ быть, расцвѣло его младенчество, и онъ любитъ летать изъ новой обители къ знакомый, но забытый міръ твой: но не тебѣ, тихая сторона, быть пріютомъ буйной молодости души человѣческой! Въ полетѣ къ усовершенствованію, ей доля — еще прекраснѣйшіе міры и еще тягчайшія испытанія, потому, что дорогою цѣной покупаются свѣтлыя мысли и тонкія чувствованія!

Душа моя зажглась прикосновеніемъ этой искры: образъ Полины, облеченный всѣми прелестями, приданными воображеніемъ, несся передо мною . . . О! зачѣмъ мы живемъ не въ вѣкъ волшебствъ, подумалъ я, чтобы хоть цѣной крови, цѣною души купить временное всевластіе — ты была бы моя, Полина...моя.

Между тѣмъ товарищъ мой, стоя сзади меня на колѣнахъ, произносилъ непонятныя заклинанія; но голосъ его затихалъ постепенно! онъ роптalъ уже подобно ручью, катящемуся подъ снѣжною глыбою . . .

— Идетъ, идетъ! воскликнулъ онъ, упавъ ницъ . . . его голосъ отвѣчалъ влали шумъ и

топотъ, какъ будто вихорь гналъ метель по насту, какъ будто удары молота гремѣли по камню. . . . Заклинатель смолкъ, но шумъ, постепенно возрастая, налеталъ ближе . . . Невольнымъ образомъ у меня занялся духъ отъ болѣзненнаго ожиданія, и холодъ пробѣжалъ по членамъ . . . земля звучала и дрожала — я не вытерпѣлъ и оглянулся . . .

И что жъ? полштофъ стоялъ пустой, и рядомъ съ нимъ храпѣлъ мой пьяный духовидецъ, упавъ ничкомъ! Я захохоталъ, и тѣмъ охотнѣе, что предо мной сдержалъ коня своего незнакомецъ, проѣзжая въ санкахъ мимо. Онъ охотно помогъ мнѣ посмѣяться такой встрѣчѣ.

— Не говорилъ ли я вамъ, сударь, что напрасно изволите вѣрить этому глупцу. Хорошо, что онъ не долго скучалъ васъ, поторопившись нахрабрить себя сначала; мудрено-ли, что такимъ гадателямъ съ перепою видятся чудеса!

И между тѣмъ злыя очи его пронзали морозомъ сердце, и между тѣмъ коварная усмѣшка доказывала его радость, видя мое замѣшательство, застать, какъ оробѣлаго ребенка, въ потьмахъ и въ расплохъ.

— Какимъ образомъ ты очутился здѣсь, другъ

мой? спросилъ я неизбѣжнаго незнакомца, не очень довольный его урокомъ.

— Стоитъ обо мнѣ вздумать, сударь, и я какъ листъ передъ травой — отвѣчалъ онъ лукаво . . . Я узналъ отъ хозяина, что вамъ угодно было ѣхать на балъ князя Львинскаго; узналъ, что деревенскіе неучи отказались везти васъ, и очень радъ служить вамъ: я самъ туда ѣду повидаться подъ шумокъ съ одною барскою барышнею. Мой иноходецъ, могу похвалиться, бѣгаетъ, какъ чортъ отъ ладону, и черезъ озеро не далѣе восьми верстъ!

Такое предложеніе не могло быть принято мною худо: я вспрыгнулъ отъ радости и кинулся обнимать незнакомца. Пріѣхать хоть въ полночь, хоть на мигъ . . . это прелесть, это занимательно!

— Ты разодолжилъ меня, другъ мой! я готовъ отдать тебѣ всѣ наличныя деньги! вскричалъ я, садясь въ саночки.

— Побереги ихъ у себя — отвѣчалъ незнакомецъ, садясь со мною рядомъ. Если вы употребите ихъ лучше, нежели я, безразсудно было бы отдавать ихъ, а если также дурно, какъ я, то напрасно!

— Вожжи натянулись, и какъ стрѣла, стальнымъ лукомъ пущена, полетѣлъ иноходецъ

но свистѣлъ воздухъ, раздираемый быстрою иноходью. У меня занялся духъ и замирало сердце, видя, какъ прыгали наши казанки черезъ трещины, какъ вились и крутились онѣ по закрайнамъ полыней. Между тѣмъ онъ разсказывалъ мнѣ всѣ тайныя похожденія окружнаго дворянства: тотъ волочится за предводительшей; та была у нашего маіора въ гостяхъ подъ маскою; тотъ, вмѣсто волка, наѣхалъ съ собаками на слѣдъ сосѣда, и чуть не затравилъ звѣрька въ спальнѣ у жены своей. Полковникъ нашъ подѣлился столькими-то тысячами съ губернаторомъ, чтобъ очистить квитанцію за постой . . . Прокуроръ получилъ недавно пирогъ съ золотою начинкою, за то чтобъ замять дѣло помѣщика Ремницына, который засѣкъ своего человѣка и проч. и проч.

— Удивляюсь, какъ много здѣсь сплетней, сказалъ я, — дивлюсь еще болѣе, какъ онѣ могутъ быть тебѣ извѣстны.

— Неужели вы думаете, сударь, что серебро здѣсь ходитъ въ другомъ курсѣ, или совѣсть судейская дороже, нежели въ столицахъ? Неужели вы думаете, что огонь здѣсь не жжетъ, женщины не вѣтренничаютъ, и мужья не носятъ роговъ. Слава Богу, эта мода, я надѣюсь, не устарѣетъ до конца свѣта! Это правда, теперь больше говорятъ о честности въ

судахъ и больше выказываютъ скромности въ обществахъ, но это для того только, чтобъ набить цѣны. Въ большихъ городахъ легче скрыть всѣ проказы; здѣсь, напротивъ, сударь, здѣсь нѣтъ ни модныхъ магазиновъ, ни ложъ съ рѣшетками, ни наемныхъ каретъ, ни посѣщеній къ бѣднымъ: кругомъ несмѣтная, но смѣтливая дворня и ребятишки на каждомъ шагу. Вышло изъ моды ходить за грибами, и еще не введены прогулки верхомъ, такъ бѣдняжкамъ нѣжнымъ сердцамъ, чтобы свидѣться, надо ждать отъѣзжаго поля или престольнаго праздника у сосѣдовъ, или бурной ночи, чтобы дождь и вѣтеръ смели слѣды отважнаго обожателя, который не боится ни зубовъ собакъ, ни языковъ сосѣдокъ. Впрочемъ, сударь, вы это знаете не хуже моего. На балѣ будетъ звѣзда здѣшнихъ красавицъ, Полина Павловна.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ я хладнокровно.

— Въ самомъ дѣлѣ? — произнесъ незнакомецъ, взглянувъ на меня насмѣшливо-пристально. А я бы прозакладывалъ свою бобровую шапку и, къ ней въ придачу, свою голову, что вы для нея туда ѣдете . . . Въ самомъ дѣлѣ, вамъ бы давно пора осушить поцѣлуями ея слезы, какъ это было три недѣли тому назадъ, въ пятомъ часу послѣ обѣда, *когда вы стояли* передъ ней на колѣнахъ!

— Бѣсъ ты или человѣкъ? яростно вскричалъ я, схвативъ незнакомца за воротъ. Я заставлю тебя высказать, отъ кого научился ты этой клеветѣ, заставлю вѣкъ молчать о томъ, что знаешь.

Я былъ пораженъ и раздраженъ словами незнакомца. Отъ кого могъ онъ свѣдать подробности моей тайны? Ни кому и никогда не открывалъ я ея; никогда вино не исторгало у меня нескромности; даже подушка моя никогда не слыхала звука измѣнническаго; и вдругъ вещь, которая происходила въ четырехъ стѣнахъ, между четырьмя глазами, во второмъ этажѣ и въ комнатѣ, въ которой конечно ни кто не могъ подсмотрѣть насъ — вещь эта стала извѣстною такому бездѣльнику! Гнѣвъ мой не имѣлъ границъ. Я былъ силенъ, я былъ разсерженъ, и незнакомецъ дрогнулъ какъ трость въ рукѣ моей — я приподнялъ его съ мѣста. Но онъ оторвалъ прочь руку мою, будто маковку репейника, и оттолкнулъ, какъ семилѣтняго ребенка. — Вы проиграете со мной въ эту игру, сказалъ онъ хладнокровно, однако жъ рѣшительно. Угрозы для меня монета, которой я не знаю цѣны; да и къ чему все это? Скрыпучую дверь не заставишь молчать молотомъ, а масломъ; притомъ же моя собственная выгода

въ скромности. Вотъ ужъ мы и у воротъ княжаго дома: помните, не смотря на свою недовѣрчивость, что я вамъ на всякую удалую службу неизмѣнное конье. Я жду васъ для возврата за этимъ угломъ: желаю удачи!

Я не успѣлъ еще образумиться, какъ санки наши шаркнули къ подъѣзду, и незнакомецъ, высадивъ меня, пропалъ изъ виду. Вхожу — все шумитъ и блещетъ: сельскій балъ, что называется, въ самомъ развалѣ; плясуны вертѣлись, какъ по обѣщанію, дамы, не смотря на полночь, были очень бодры. Любопытные облѣпили меня, чуть завидѣвъ, и полились вопросы и восклицанія лавою. Разсказываю вкратцѣ свое похожденіе, извиняюсь передъ хозяевами, прикладываюсь къ перчаткамъ почетныхъ старухъ, пожимаю руки друзьямъ, бросаю мимоходомъ по лестному словцу дамамъ, и быстро пробѣгаю комнаты одну за другою, ища Полины. Я нашелъ ее вдали отъ толпы, одинокую, блѣдную, съ поникшею головою: будто цвѣточный вѣнокъ подавлялъ ее, какъ свинецъ. Она радостно вскрикнула, увидѣвъ меня; огневой румянецъ вспыхнулъ на лицѣ; хотѣла встать, но силы ее оставили, и она снова опустилась въ кресла, закрывъ опахаломъ очи, будто ослѣпленныя внезапнымъ блескомъ.

Укротивъ, сколько могъ, волненіе, я сѣлъ подлѣ нея. Я прямо и откровенно просилъ у ней прощенья въ томъ, что не могъ выдержать тяжкаго испытанія, и разлучаясь, можетъ быть на вѣкъ, прежде чѣмъ брошусь въ глухую, холодную пустыню свѣта, хотѣлъ еще однажды согрѣть душу ея взоромъ — или нѣтъ: не для любви, для науки разлюбить ее пріѣхалъ я, изъ желанія найдти въ ней какой нибудь недостатокъ, изъ жажды поссориться съ нею, быть огорченнымъ ея упреками, раздраженнымъ ея холодностію, для того, чтобы дать ей самой поводъ, хотя въ чемъ нибудь обвинять меня, чтобы намъ легче было разстаться, если она имѣетъ жестокость называть виною неодолимое влеченіе любви, помни только завѣты самолюбца-разсудка, и не внимая внушеніямъ сердца! . . . Она прервала меня.

— Я бы должна была упрекать тебя, сказала она, но я такъ рада, такъ счастлива, тебя увидѣвъ, что готова благодарить за неисполненное обѣщаніе. Я оправдываюсь, я утѣшаюсь тѣмъ, что и ты, твердый мужчина — доступенъ слабости; и неужели ты думаешь, что если бъ даже я была довольно благоразумна, и могла бы на тебя сердиться, я стала бы отравлять укоризнами послѣднія минуты

свиданія? . . . Другъ мой, ты все еще вѣришь менѣе моей любви, чѣмъ благоразумію, въ которомъ я нынѣ столько нужды: пусть эти радостныя слезы разувѣрятъ тебя въ противномъ!

Если бъ было возможно, я бы упалъ къ ногамъ ея, цѣловалъ бы слѣды ея, я бы — я былъ внѣ себя отъ восхищенія . . . Не помню, что я говорилъ и что слышалъ, но я былъ такъ веселъ, такъ счастливъ! . . . Рука объ руку, мы вмѣшались въ кругъ танцующихъ.

Не умѣю описать, что со мною сталось, когда, обвивая тонкій станъ ея рукою, трепетною отъ наслажденія, я пожималъ другой ея прелестную ручку: казалось, кожа перчатокъ приняла жизнь, переданную біеніе каждой фибры . . . казалось, весь составъ Полины пышетъ искрами! Когда помчались мы въ бѣшеномъ вальсѣ, ея летающіе, душистые локоны касались иногда губъ моихъ; я вдыхалъ ароматный пламень ея дыханія; мои блуждающіе взгляды проницали сквозь дымку — я видѣлъ какъ бурно вздымались и опадали бѣлоснѣжные полушары, волнуемые моими вздохами, видѣлъ, какъ пылали щеки ея моимъ жаромъ, видѣлъ — нѣтъ, я ничего не видалъ . . . полъ исчезалъ подъ ногами; казалось, я лечу,

лечу, лечу по воздуху, съ сладостныхъ замираніемъ сердца! Впервые забылъ я приличія свѣта и самаго себя. Сидя подлѣ Полины въ кругу котильона, я мечталъ, что насъ только двое въ пространствѣ: все прочее представлялось мнѣ слитно, какъ облака, раздуваемыя вѣтромъ; умъ мой крутился въ пламенномъ вихрѣ.

Языкъ, этотъ высокій даръ небесъ, былъ послѣднимъ средствомъ между нами для размѣна чувствованій; каждый волосокъ говорилъ мнѣ и на мнѣ о любви; я былъ такъ счастливъ и такъ несчастливъ вмѣстѣ. Сердце разрывалось отъ полноты: но мнѣ чего-то не доставало ... Я умолялъ ее позволить мнѣ произнести въ послѣдній разъ *люблю* на свободѣ, запечатлѣть поцѣлуемъ разлуку вѣчную... Это слово поколебало ея твердость! Тотъ не любилъ, кто не зналъ слабостей . . . Роковое согласіе сорвалось съ ея языка.

Только при концѣ танца замѣтилъ я мужа Полины, который, прислонясь къ противоположной стѣнѣ, ревниво замѣчалъ всѣ наши разговоры. Это былъ злой, низкой души человѣкъ; я не любилъ его всегда какъ человѣка, но теперь, какъ мужа Полины, я готовъ былъ ненавидѣть его, уничтожить его. Малѣйшее столкновеніе съ нимъ могло быть ро-

ковыхъ для обоихъ: я это чувствовалъ и уд[illegible]-
лился. Полчаса, которые протекли между об[illegible]-
томъ и срокомъ, показались мнѣ безконечны[illegible]-
ми. Черезъ длинную галлерею стоялъ неболь[illegible]-
шой домашній театръ княжаго дома, въ кото[illegible]-
ромъ по вечеру играли: въ немъ-то было на[illegible]-
значено свиданье. Я бродилъ по пустой его [illegible]-о
залѣ, между опрокинутыхъ скамей. Лунный [illegible]-й
свѣтъ, падая сквозь окна, рисовалъ по стѣ[illegible]-
намъ зыбкіе цвѣты и деревья, отраженные мо[illegible]-
розными кристаллами стеколъ. Сцена черне[illegible]-
лася, какъ вертепъ, и на ней въ безпорядкѣ [illegible]-ъ
сдвинутыя кулисы стояли, будто притаившіеся [illegible]-я
великаны; все это однако же заняло меня одну [illegible]-ю
минуту. Если бы я былъ и въ самомъ дѣлѣ трус[illegible]-ъ
передъ безтѣлесными существами, то конечно [illegible]-ю
не въ такое время нашла бы робость уголокъ [illegible]-ъ
въ груди: я былъ весь ожиданіе, весь пламя[illegible].
Ударило два часа за полночь, и зыблющій[illegible]-йся
колоколъ затихъ рощи, будто стражъ, не[illegible]-е-
охотно пробужденный; звукъ его потрясъ ме[illegible]-ня
до дна души . . . я дрожалъ, какъ въ ли[illegible]-хорадкѣ, а голова горѣла — я изнемогалъ, [illegible]-я
таялъ. Каждый скрипъ, каждый щелкъ кидалъ [illegible]-ъ
меня въ потъ и холодъ . . . и наконецъ же[illegible]-ланный хитъ насталъ: съ легкимъ шорохомъ [illegible]-ъ
отворились двери: какъ тѣнь дыма мелькнула [illegible]-ла
въ нее Полина . . . еще шагъ, и она лежала [illegible]-ла

на груди моей!! Безмолвіе, запечатлѣнное долгимъ поцѣлуемъ разлуки, длилось, длилось... наконецъ Полина прервала его . . . — Забудь, сказала она, — что я существую, что я любила, что я люблю тебя — забудь все и прости!

— Тебя забыть! — воскликнулъ я — и ты хочешь, чтобы я разбилъ послѣднее звѣно утѣшенія въ чугунной цѣпи жизни, которую отнынѣ я осужденъ волочить подобно колоднику; чтобы я вырвалъ изъ сердца, сгладилъ съ памяти мысль о тебѣ? Нѣтъ, этого никогда не будетъ! Любовь была мнѣ жизнь, и кончится только съ жизнію!

И между тѣмъ, я сжималъ ея въ своихъ объятіяхъ, между тѣмъ адскій огонь пробѣгалъ по моимъ жиламъ . . . Тщетно она вырывалась, просила, умоляла; я говорилъ: — еще, еще одинъ мигъ счастья, и я кинусь въ гробъ будущаго!

— Еще разъ, прости, наконецъ произнесла она твердо. Для тебя я забыла долгъ, тебѣ пожертвовала домашнимъ покоемъ, для тебя презрѣла теперь двусмысленные взоры подругъ, насмѣшки мужчинъ и угрозы мужа; неужели ты хочешь лишить меня послѣдняго наружнаго блага — добраго имени! . . . Не знаю, отъ чего такъ замираетъ у меня сердце

и невольный трепетъ пролетаетъ по мнѣ: это страшное предчувствіе! . . . Но прости . . . ужъ время!

— Ужъ поздно! произнесъ голосъ въ дверяхъ, растворившихся быстро. Я обомлѣлъ за Полину, я кинулся на встрѣчу пришедшему, и рука моя уперлась въ грудь его: это былъ незнакомецъ!

— Бѣгите! — сказалъ онъ запыхавшись — бѣгите! васъ ищутъ. Ахъ, сударыня, какого шуму вы надѣлали своею неосторожностью! — прилолвилъ онъ, замѣтивъ Полину: вашъ мужъ бѣснуется отъ ревности, рветъ и мечетъ все, гоняясь за вами . . . онъ близко.

— Онъ убьетъ меня! вскричала Полина, упавъ ко мнѣ на руки.

— Убить не убьетъ, сударыня, а пожалуй, прибьетъ: отъ него все станется; а что огласить это на весь свѣтъ, въ томъ нечего сомнѣваться. И то ужъ всѣ замѣтили, что вы вмѣстѣ исчезли, и узнавъ о томъ, я кинулся предупредить встрѣчу.

— Что мнѣ дѣлать? произнесла Полина, ломая руки, и такимъ голосомъ, что онъ проникъ мнѣ душу: укоръ, раскаяніе и отчаяніе отзывались въ немъ. Я рѣшился!

— Полина! — отвѣчалъ я. — Жребій бро-

жень быть для тебя всѣмъ, какъ ты была и будешь для меня; отнынѣ любовь твоя не будетъ знать раздѣла: ты не будешь принадлежать двоимъ, не принадлежа никому. Подъ чужимъ небомъ найдемъ мы пріютъ отъ преслѣдованій и предразсудковъ людскихъ, а примѣрная жизнь искупитъ преступленіе. Полина! время дорого . . .

— Вѣчность дороже! — возразила она, склонивъ голову на сжатыя руки.

— Идутъ, идутъ! — закричалъ незнакомецъ, возвращаясь отъ двери. Мои сани стоятъ у задняго подъѣзда; если вы не хотите погибнуть безполезно, то ступайте за мною!

Онъ обоихъ насъ схватилъ за руки . . . . шаги многихъ особъ звучали по корридору, крикъ раздавался въ пустой залѣ. Я твоя! шепнула мнѣ Полина, и мы скоро побѣжали черезъ сцену, по узенькой лѣсенкѣ, внизъ, къ небольшой калиткѣ. Незнакомецъ велъ насъ, какъ домашній; иноходецъ заржалъ, увидѣвъ сѣдоковъ. Я завернулъ въ шубу свою, оставленную на саняхъ, едва дышащую Полину, вырыгнулъ въ сани, и когда долетѣлъ до насъ трескъ выломленныхъ въ театрѣ дверей, мы уже неслись во всю прыть, черезъ село, вкругъ плетней, вправо, влѣво, подъ гору — и вотъ ледъ озера звучно затрещалъ отъ под-

ковъ и подрѣзей. Моровъ былъ жестокій, но кровь моя ходила огненыхъ потокомъ. Небо яснѣло, но мрачно было въ душѣ моей. Полина лежала тиха, недвижна, безмолвна. Напрасно расточалъ я убѣжденія, напрасно утѣшалъ ее словами, что сама судьба соединила насъ, что если бъ она осталась съ мужемъ, то вся жизнь ея была бы сцѣпленіе укоризнъ и обидъ! Я все бы снесла, возразила она, и снесла терпѣливо, потому, что была еще невинна, если не передъ свѣтомъ, то передъ Богомъ; но теперь я бѣглянка, я заслужила свой позоръ! Этого чувства не могу я затаить отъ самой себя, хотя бы вдали, въ чужбинѣ, я возродилась гражданки, въ новомъ кругу знакомыхъ. Все, все можешь ты обновить для меня, все, кромѣ преступнаго сердца!

Мы мчались. Душа моя была раздавлена печалью. Такъ вотъ то столь желанное счастье, котораго и въ самыхъ пылкихъ мечтахъ не полагалъ я возможнымъ, думалъ я; такъ вотъ тѣ очаровательныя слова: *я твоя*, которыхъ звукъ мечтался мнѣ голосомъ неба! Я слышалъ ихъ, я владѣю Полиною, и я такъ глубоко несчастливъ, несчастнѣе, тѣмъ когда нибудь!

Но если наши лица выражали тоску душев-

обращалось на насъ радостнѣе обыкновеннаго. Коварно улыбался онъ, будто радуясь чужой бѣдѣ, и страшно глядѣли его тусклыя очи. Какое-то невольное чувство отвращенія удаляло меня отъ этого человѣка, который такъ нечаянно навязался мнѣ со своими роковыми услугами. Если бъ я вѣрилъ чародѣйству, я бы сказалъ, что какое-то неизъяснимое обаяніе таилось въ его взорахъ, что это былъ самъ лукавый: столь злобная веселость о паденіи ближняго, столь холодная, безчувственная насмѣшка были видны въ чертахъ его блѣднаго лица! Недалеко было до другаго берега озера; всѣ молчали, луна задернулась радужною дымкою.

Вдругъ потянулъ вѣтерокъ, и на немъ послышали мы за собой топотъ погони. — Скорѣй, ради Бога, скорѣй! — вскричалъ я проводнику, укоротившему бѣгъ своего иноходца. Онъ вздрогнулъ и сердито отвѣчалъ мнѣ! — Это имя, сударь, надобно бы вамъ было вспомнить ранѣе, или совсѣмъ не упоминать его.

— Погоняй! возразилъ я. Не тебѣ давать мнѣ уроки.

— Доброе слово надо принять отъ самого чорта — отвѣчалъ онъ, какъ нарочно сдерживая своего иноходца. Притомъ, сударь, въ писаніи сказано: — Блаженъ, кто и скоты ми-

дуетъ! Надобно пожалѣть и этого звѣрка. Я получу свою уплату за прокатъ; вы будете владѣть прекрасною барынею; а что выиграетъ онъ за потъ свой? Обыкновенную дачу овса? Онъ вѣдь не употребляетъ шампанскаго, и простонародный желудокъ его не варитъ и не цѣнитъ дорогихъ яствъ, за которыя двуногія не жалѣютъ ни души, ни тѣла. За что же, скажите, онъ надорветъ себя?

— Пошелъ, если не хочешь, чтобы я изорвалъ тебя самого! вскричалъ я, хватаясь за саблю. Я скоро облегчу сани отъ лишняго груза, а свѣтъ отъ подобнаго тебѣ бездѣльника!

— Не горячитесь, сударь, — хладнокровно возразилъ мнѣ незнакомецъ. Страсть ослѣпляетъ васъ и вы становитесь не справедливы, потому что нетерпѣливы. Нешутя увѣряю васъ, что иноходецъ выбился изъ силъ. Посмотрите какъ валитъ съ него паръ и клубится пѣна, какъ храпитъ и шатается: такой тяжести не возилъ онъ съ роду. Неужели считаете вы за ничто троихъ сѣдоковъ . . . и тяжкій грѣхъ въ прибавку? — примолвилъ онъ, обнажая злой усмѣшкою зубы.

Что мнѣ было дѣлать? Я чувствовалъ, что находился во власти этого безнравственнаго злодѣя. Между тѣмъ мы подвигались впередъ

мелкою рысцою. Полина оставалась какъ въ забытьи: ни мои ласки, ни близкая опасность не извлекли ее изъ этого отчаяннаго безчувствія. Наконецъ при тускломъ свѣтѣ мѣсяца, мы завидѣли ѣздока, скачущаго во весь опоръ за нами; онъ понуждалъ коня крикомъ и ударами. Встрѣча была неизбѣжна . . . и онъ точно настигъ насъ, когда мы стали подниматься на крутой взъѣздъ берега, обогнувъ обледенѣлую прорубь. Уже онъ былъ близко, ужъ едва не схватывалъ насъ, когда храпящая лошадь его, вскочивъ на верхъ, споткнулась и пала, придавивъ подъ собою всадника. Долго бился онъ подъ нею и наконецъ выскочилъ изъ подъ недвижнаго трупа и съ бѣшенствомъ кинулся къ намъ: это былъ мужъ Полины.

Я сказалъ, что я уже ненавидѣлъ этого человѣка, сдѣлавшаго несчастною жену свою; но я преодолѣлъ себя: я отвѣчалъ на его упреки учтиво, но твердо; на его брань кротко, но смѣло, и рѣшительно сказалъ ему, что онъ, во что бы ни стало, не будетъ болѣе владѣть Полиною; что шумъ только огласитъ этотъ несчастный случай, и онъ потеряетъ многое, не возвратитъ ничего; что если онъ хочетъ благороднаго удовлетворенія, я готовъ завтра помѣряться пулями!

— Вотъ мое удовлетвореніе, низкій обольститель! вскричалъ мужъ ея — и занесъ дерзкую руку . . .

И теперь, когда я вспомню объ этой роковой минутѣ, кровь моя вспыхиваетъ, какъ порохъ. Кто изъ насъ не былъ напитанъ съ младенчества понятіями о неприкосновенности дворянина, о чести человѣка благороднаго, о достоинствѣ человѣка? Много, много протекло съ тѣхъ поръ времени по головѣ моей: оно охладило ее, ретивое бьется тише, но до сихъ поръ, со всѣми философическими правилами, со всею опытностію моею, не ручаясь за себя, и прикосновеніе ко мнѣ перстомъ взорвало бы на воздухъ и меня и обидчика. Вообразите же, что сталось тогда со мною, запосчивымъ, вспыльчивымъ юношею! Въ глазахъ у меня померкло, когда ударъ миновалъ мое лицо: онъ не миновалъ моей чести! Какъ лютый звѣрь кинулся я съ саблею на безоружнаго врага и клинокъ мой погрузился трижды въ его черепъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ упасть на землю. Одинъ страшный вздохъ, одинъ краткій, но пронзительный крикъ, одно клокотаніе крови изъ ранъ — вотъ все, что осталось отъ его жизни въ одно мгновеніе! Бездушный трупъ упалъ на склонъ берега, и покатился внизъ на ледъ.

Еще несытый местью, въ порывѣ наступленія, сбѣжалъ я по кровавому слѣду на озеро, и опершись на саблю, склонясь надъ тѣломъ убитаго, я жадно прислушивался къ журчанію крови, которое мнилось мнѣ признакомъ жизни.

Испытали ли вы жажду крови? Дай Богъ, чтобы никогда не касалась она сердцамъ вашимъ; но, по несчастію, я зналъ ее во многихъ и самъ извѣдалъ на себѣ. Природа наказала меня неистовыми страстями, которыхъ не могли обуздать ни воспитаніе, ни навыкъ; огненная кровь текла въ жилахъ моихъ. Долго, невѣроятно долго могъ я хранить хладную умѣренность въ рѣчахъ и поступкахъ при обидѣ, но за то она исчезала мгновенно, и бѣшенство овладѣвало мною. Особенно видъ пролитой крови, вмѣсто того, чтобы угасить ярость, былъ масломъ на огнѣ, и я, съ какою-то тигровою жадностію, готовъ былъ источить ее изъ врага каплей по каплѣ, подобенъ тигру, вкусившему ненавистнаго напитка. Эта жажда была страшно утолена убійствомъ. Я увѣрился, что врагъ мой не дышитъ.

— Мертвъ! — произнесъ голосъ надъ ухомъ моимъ. Я поднялъ голову: это былъ неизбѣжный незнакомецъ, съ неизмѣнною ус-

мѣшкою на лицѣ. — Мертвъ! — повторилъ онъ: — пускайже мертвые не мѣшаютъ живымъ, — и толкнулъ ногой окровавленный трупъ въ полынью. Тонкая ледяная кора подернувшая воду, звучно разбилась; струя плеснула на закрайну, и убитый тихо пошелъ ко дну.

— Вотъ что называется: и концы въ воду, сказалъ со смѣхомъ проводникъ мой. Я вздрогнулъ невольно; его адскій смѣхъ звучитъ еще доселѣ въ ушахъ моихъ. Но я, вперивъ очи на зеркальную поверхность полыньи, въ которой, при блѣдномъ лучѣ луны, мнѣ чудился еще ликъ врага, долго стоялъ неподвиженъ. Между тѣмъ незнакомецъ, захватывая горстями снѣгъ съ закраинъ льда, засыпалъ имъ кровавую стезю, по которой скатился трупъ съ берега, и приволокъ загнатую лошадь на мѣсто схватки.

— Что ты дѣлаешь? — спросилъ я его, выходя изъ оцѣпенѣнія.

— Хороню свой кладъ — отвѣчалъ онъ значительно. Пусть, сударь, думаютъ, что хотятъ, а уличить васъ будетъ трудно: господинъ этотъ могъ упасть съ лошади, убиться и утонуть въ проруби. Придетъ весна, снѣгъ

— И кровь убитаго улетитъ на небо съ парами! возразилъ я мрачно. — Ѣдемъ!

— До Бога высоко, до царя далеко — произнесъ незнакомецъ, будто вызывая на бой земное и небесное правосудіе. — Однако жъ ѣхать точно пора. Вамъ надобно до сумато-хи добраться въ деревню, оттуда скакать до-мой на отдохнувшей теперь тройкѣ, и потомъ стараться уйти за границу. Бѣлый свѣтъ широкъ!

Я вспомнилъ о Полинѣ и бросился къ са-нямъ: она стояла подлѣ нихъ, на колѣнахъ, со стиснутыми руками, и казалось, молилась. Блѣдна и холодна какъ мраморъ была она; дикіе глаза ея стояли; на всѣ вопросы мои от-вѣчала она тихо: — Кровь! на тебѣ кровь! Сердце мое расторгалось ... но медлить было бы гибельно. Я снова завернулъ ее въ шубу свою, какъ сонное дитя, и сани полетѣли.

Одинъ, я бы могъ вынести бремя золъ, на меня ниспавшее. Проникнутый свѣтскою нрав-ственностію, или, лучше сказать, безнравствен-ностію, еще горячій местью, еще волнуемъ бурными страстями, я былъ недоступенъ тогда истинному раскаянію. Убить человѣка, столь сильно меня обидѣвшаго, казалось мнѣ предо-судительнымъ только потому, что онъ былъ безоруженъ: увести чужую жену считалъ я,

въ отношеніи къ себѣ, только шалостью, но я чувствовалъ, какъ важно было все это въ отношеніи къ ней, и видъ женщины, которую любилъ я выше жизни, которую погубилъ своею любовью, потому что она пожертвовала для меня всѣмъ, всѣмъ, что пріятно сердцу и свято душѣ — знакомствомъ, родствомъ, отечествомъ, доброю славою, даже покоемъ совѣсти и самымъ разумомъ . . . И чѣмъ могъ я вознаградить ее въ будущемъ за потерянное? Могла ли она забыть, чему была виною? могла ли заснуть сномъ безмятежнымъ въ объятіяхъ, дышащихся убійствомъ, найти сладость въ поцѣлуѣ, оставляющемъ слѣдъ крови на устахъ, и чьей крови? Того, съ кѣмъ была она связана священными узами брака! Подъ какимъ благотворнымъ небомъ, на какой землѣ гостепріимной найдетъ сердце преступное покой? Можетъ быть, я бы нашелъ забвеніе всего въ глубинѣ взаимности; но могла ли слабая женщина отринуть, или заглушить совѣсть? Нѣтъ, нѣтъ! Мое счастіе исчезло навсегда, и самая любовь къ ней стала отнынѣ огнемъ адскимъ.

Воздухъ свистѣлъ мимо ушей.

Куда ты везешь меня? спросилъ я проводника.

— Откуда взялъ: — на кладбище! возразилъ онъ злобно. Сани влетѣли въ огра-

ду; мы неслись, задѣвая за кресты, съ могилы на могилу, и наконецъ стали у бычачьей шкуры, на которой совершалъ я гаданье; только тамъ не было уже прежняго товарища: все было пусто и мертво кругомъ, я вздрогнулъ противъ воли.

Что это значитъ? гнѣвно вскричалъ я, твои шутки не у мѣста. Вотъ золото за проклятые труды твои: но вези меня въ деревню, въ домъ.

— Я ужъ получилъ свою плату — отвѣчалъ онъ злобно — и домъ твой здѣсь, здѣсь твоя брачная постель!

Съ этими словами онъ сдернулъ волосью кожу: она была растянута надъ свѣже-вырытою могилою, на краю которой стояли сани. — За такую красотку не жаль души — примолвилъ онъ, и толкнулъ шаткія сани . . . мы полетѣли въ глубь стремглавъ.

Я ударился головою въ край могилы и обезпамятѣлъ; будто сквозь мутный сонъ, мнѣ чудилось только, что я лечу ниже и ниже, что страшный хохотъ въ глубинѣ отвѣчалъ стону Полины, которая, падая, хваталась за меня, восклицая: — Пусть хоть въ аду не разлучаютъ насъ! И наконецъ я упалъ на дно . . . вслѣдъ за мной падали глыбы земли и снѣгу, заваливая, задушая насъ; сердце мое зах-

лѣло; въ ушахъ гремѣло и звучало; ужасающіе свисты и завыванія мнѣ слышались; что-то тяжкое, косматое, давило грудь, врывалось въ губы — и я не могъ двинуть разбитыхъ членовъ, не могъ поднять руки, чтобы перекреститься... Я кончался, но съ невыразимыми мученіемъ души и тѣла. Судорожнымъ послѣднимъ движеніемъ, я сбросилъ съ себя тяготящее меня бремя: это была медвѣжья шуба...

Гдѣ я? Что со мной? холодный потъ катился по лицу, всѣ жилки трепетали отъ ужаса и усилія. Озираюсь, припоминаю минувшее... и медленно возвращаются ко мнѣ чувства. Такъ, я на кладбищѣ!... Кругомъ склоняются кресты; надо мной потухающій мѣсяцъ; подо мной роковая волосья шкура. Товарищъ гаданья лежалъ ницъ въ глубокомъ усыпленіи... Мало по малу я увѣрился, что все видѣнное мною былъ только сонъ, страшный, злопѣщій сонъ!

— Такъ, это сонъ? говорите вы почти съ неудовольствіемъ. Други, други! неужели вы такъ развращены, что жалѣете, для чего все это не сбылось на самомъ дѣлѣ? Благодарите лучше Бога, какъ возблагодарилъ его я, за сохраненіе меня отъ преступленія. Сонъ? Но что же иное все былое наше, какъ не смутный сонъ? И [illegible]

этой ночи, если не чувствовали, что я чувствовалъ такъ живо, если не испытали мною испитаннаго въ мечтѣ; это вина моего разсказа. Все это для меня существовало, страшно существовало, какъ на яву, какъ на дѣлѣ. Это гаданье открыло мнѣ глаза, ослѣпленные страстью: обманутый мужъ, обольщенная супруга, разорванное, опозоренное супружество, и, почему знать, можетъ кровавая месть мнѣ или отъ меня — вотъ слѣдствія безумной любви моей!!

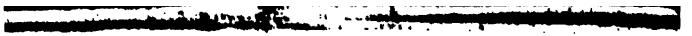
Я далъ слово не видѣть болѣе Полины, и сдержалъ его.

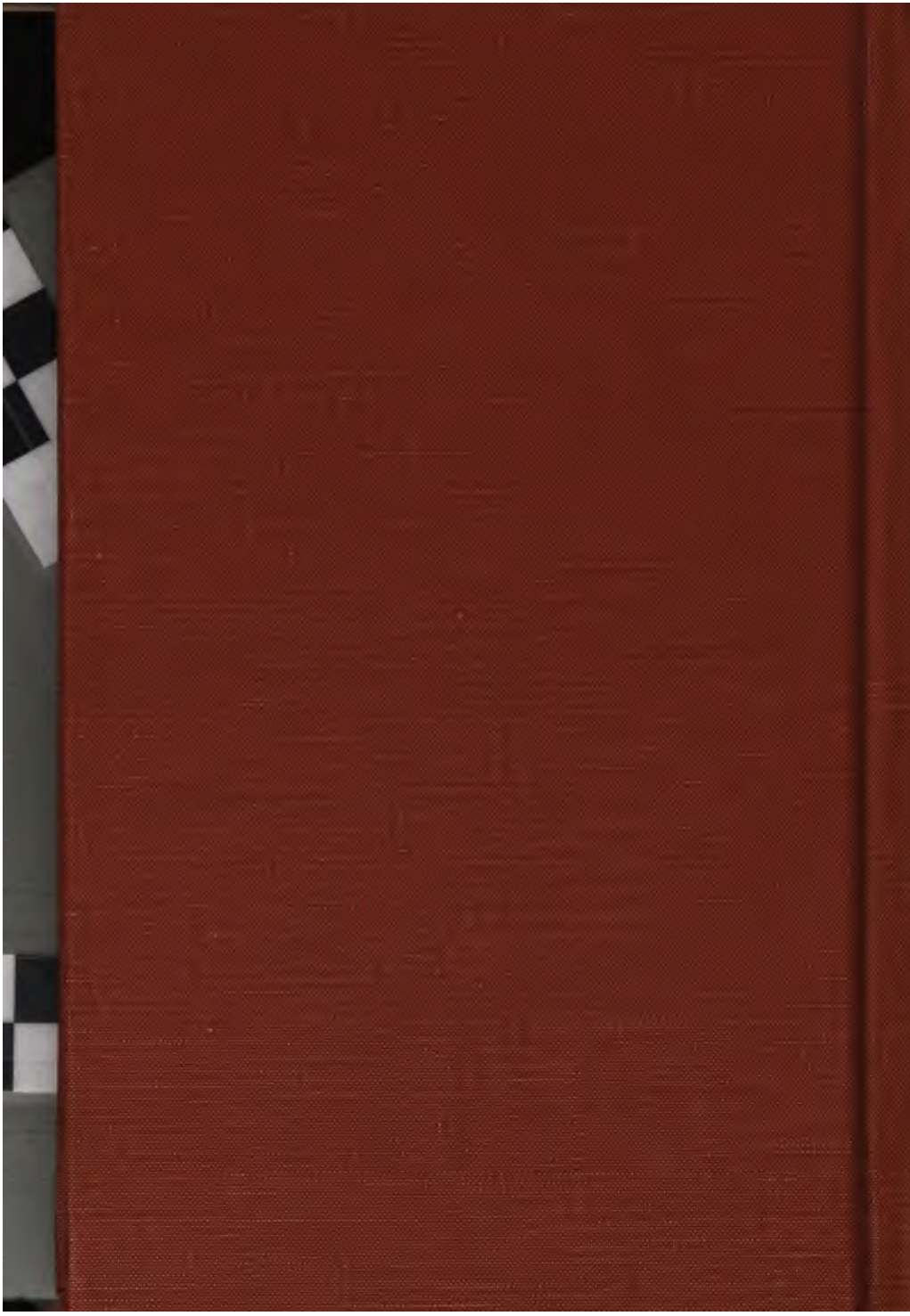
КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Наѣзды	3
Красное покрывало	171
Страшное гаданье	191



TE D

IVEI
), C
9430